

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXX~~У~~.

1904 г.

А П Р Ъ Л Ъ .

К І Е В Ъ .

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1904.

Дозволено Цензурою. Кієвъ, 15 марта 1904 г.

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе рассказы и повѣсти по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію рассказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные ¹⁾).

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный рассказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по расчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія рассказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ подписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

1) Драматическія пьесы на премію не принимаются.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Не окончилось еще дѣло Чарныша съ Михаиломъ Милорадовичемъ, какъ генеральный судья припужденъ былъ снова испытывать всю свою ловкость и изворотливость дабы избавиться отъ поваго врага, хотя и мелкаго, но непріятнаго. Это былъ сотникъ ковалевскій (гадяцкаго полка) Аонасій Киценшъ, называвшійся иногда просто Волошиномъ, т. е. волохомъ. Дѣло это, возникшее въ 1716 году, продолжалось цѣлыхъ восемь лѣтъ, и сводить послѣдніе счета по нему пришлось уже вдовѣ Чарныша... Въ виду этого, а также того, что въ немъ наиболѣе характерно выразилась личность генеральнаго судьи, считаемъ пужнымъ привести подробности о Киценшѣ ²⁾.

Въ одной изъ своихъ челобитныхъ этотъ упорный челобитчикъ на Чарныша рассказываетъ о себѣ и о причинѣ своего

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1904 г., № 3.

²⁾ Свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ находятся въ бумагахъ А. М. Лазаревскаго, находящихся нынѣ въ университетѣ св. Владиміра. Мы пользовались ими благодаря любезности Н. Ц. Василенка, коему и приносимъ здѣсь нашу глубокую благодарность.

столкновенія слѣдующее. «Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ служилъ я вашему царскому величеству при войскѣ вѣрно и былъ противъ шведовъ в Калишской и в другихъ многихъ битвахъ. и при Полтавской баталіи, и на Турецкой акціи служилъ я вашему-жѣ царскому величеству в волоскихъ полкахъ ротмистромъ; а послѣ Турецкой акціи, какъ войско вашего царского величества возвратилось назадъ и пошло вверхъ рѣки Прута,—и в то время былъ я, низайшій рабъ, при свѣтлѣйшемъ князѣ Дмитріѣ Костегиновичѣ Контемирѣ. А какъ онъ, свѣтлѣйшій князь, по указу поихаль изъ Украины в Москву,—и я, нижей менованній, остался з товарищи своими и с хоронговою подъ командою господина еперала фельд-мершала и квалера графа Бориса Петровича Шереметева и былъ з два года, а ис команди его вашимъ царского величества указомъ отпущени мы в Черкаскіе города. и по разсмотрѣнію господина гетмана Юана Лича Скоропадского опредѣленъ я в Гадяцкой полкъ, в мѣстечко Ковалювку, сотникомъ. А какъ я прибылъ на Украину (1713 г.) и опредѣленъ былъ сотникомъ в Гадецкому полку, и онъ, Чарнишъ, многіе разы призывалъ меня къ себѣ, говаривалъ, дабы я ево невѣстку, которая была за братомъ ево роднимъ Тихономъ, взялъ за себе, за которою обѣщался мнѣ пожитки мужа ея всѣ отдать, также отъ себя особливо—кафтагъ подбыть соболями с вишитіемъ персоною царского величества, и ручался за оную, что оная его невѣстка, будучи вдовою полтретя года, пороку на себя никакова не учинила и роду хорошова; которая (невѣстка) была за мною (я) послѣ свадьбы в шестиднехъ родила, которое (дитя) прижилъ блудно онъ, Чарнишъ. И онъ, Чарнишъ, мужа ея пожитковъ и обѣщанности мнѣ—кафтана—ничего не далъ.—И не хотя такой недоброй слави я, ниже іменованній, на себѣ понести и утайтъ,—и такое ево, Чарнишово, блудное житіе с тою ево невѣсткою, а с моею женою объявилъ тамошнимъ (ковалювскимъ) обывателемъ, честнымъ особамъ, и господамъ полковникамъ: миргородскому (Апостолу) и гадяцкому (Милорадовичу) и Федору Івановичу Протасіеву, и другимъ многимъ людямъ; о которомъ ево, Чарнишовомъ, недобромъ порядку чрезъ господина полковника миргород-

ского, о такомъ дѣлѣ, в разговорахъ, будучи в Украинѣ, свѣдомъ его свѣтлость генераль фельд-маршалъ и ковалеръ князь Александръ Даниловичъ Мешниковъ, да обличаетъ ево, Чарнишово, и допытъ блудное дѣло—то рожденное дитя. И злясь опъ, Чарнишъ, на меня за то объявленіе и поношеніе, и второе—имѣя на полковника гадяцкого злобу для того, что оной полковникъ іноземець, а по имянному вашего царского величества указу пожалованъ на ево, Чарнишово, мѣсто въ Гадяцкой полкъ, также и я, нижей іменованній, іноземець-же и на оного полковника (Милорадовича), по указу его, выбирать ярмарковіе гроши, какъ есть такойъ обычай,—и по той злобѣ оной генеральной судя папалъ на меня пагло и пожитки мои и всякіе вѣдомости пограбылъ и разорилъ безъ остатку, и держалъ мене в Гадячу в крѣпости три недѣли подъ карауломъ, и с того караулу высвободилъ меня Федоръ Ивановичъ Протасіевъ»...

Какъ только слухи, распускаемые Кицешемъ объ отношеніяхъ Чарныша къ певѣсткѣ, дошли до свѣдѣнія генеральнаго судьи,—тотъ немедленно порвалъ свои отношенія съ Кицешемъ, выселивъ его изъ своего дома. Когда это случилось, Кицешъ, по видимому, спохватился, что далеко зашелъ, и попытался помириться съ Чарнышемъ, но безуспѣшно... Въ ноябрѣ 1715 года опъ написалъ генеральному судѣ любопытное письмо, въ которомъ униженно просилъ не лишать его крова въ зимнее время ¹⁾.

¹⁾ Вотъ это письмо: «Велможній а премилостивѣйшій добродѣю мой, мосце пане судія генералній! Многосмо терпѣлъ отъ велможности вашей, премилостивѣйшаго добродѣя моего, даремной зневаги,—а то все чрезъ уданне злосливихъ на мя людей, яко и теперь чрезъ тое велможность ваша велите з дому своего панскаго виходить... А якъ-би звиклая милость ваша панская и родительская на мнѣ оказалась и поважною увагою своею спомнѣли тое, же я цалую волю вашу панскую вчинилъ (т. е. женился на вдовѣ Тихона Чарныша) и много пріобидцалисте милости своей и ласку мнѣ, служѣ своему и подножку, препослать, а теперь за обогланнемъ злихъ людей, велите из двору виходить,—в томъ, хоча не на мя покажѣте звиклую милость, але на своихъ дѣтей и на зиму з двору не виходити.—бо когдабъ дома зѣ-

Но видно, генеральный судья слишкомъ былъ разсерженъ на Кицеша,—и это письмо осталось безъ послѣдствій. Чарнышъ видимо рѣшилъ покончить съ Кицешемъ; но такъ какъ поднимать противъ него дѣло ему самому было неудобно въ виду ужь очень скапдальной для генеральнаго судьи подкладки его, то избранный былъ другой предлогъ,—обиды, которыя терпѣли отъ Кицеша ковалевскіе обыватели. Дѣло, конечно, не обошлось безъ денежныхъ расходовъ со стороны Чарныша, и 6-го февраля 1716 года обыватели ковалевскіе Семень Драбъ, Ониско Андреечко и Демьянъ Перехристь подали Чарнышу «супилѣку», въ которой, жалуюсь на своего сотника, писали: «Будучи въ такомъ великомъ и незносномъ утяженіи нашимъ, жалосную нашу до возможности вашей, милостивого папа и великого добродѣя, уносимъ скаргу о кривдѣ, которую дознались теперь отъ папа сотника ковалевскаго, ижъ не памятаючи на боязнь Божию, а пѣ тежъ увалаючи на каране надъ собою старшихъ, незносное утяженіе обывателямъ нашимъ и кривди чинить; которіе люде о кривдѣ своей хотятъ жаловатися.—такъ онъ говорить такія слова, что будто тихъ бунтовниковъ обухами карати (будеть), а намъ тремъ хочеть волоскую карность задавати, а якую карность: Семену Драби хочеть языкъ проколоти та вовками оченити, а Ониска Андреечка хочеть на гакъ за ребро оченити, а Демьяна Перехриста—на палю збити». Въ заключеніе этой «супилѣки» Драбъ, Андреечко и Перехристь просятъ Чарныша освободить ихъ отъ такового «утяженія, да такихъ убитковъ на себѣ поносить не можемъ, а въ дознано милостивой ласки велце вашей папской на насъ,—въ томъ повинисмо Господа Бога за щасливое и многолѣтное ваше рейментарское панованія благати отъ нынѣ и до вѣка».—Какой былъ ре-

товаль, то-бъ якъ колвекъ халупу себѣ вдѣлалъ, а теперь не могу; и не тилко з двору не виходити—покажѣте родительское свое и добродѣйское милосердіе и горливість, але еще на свои миліе дѣти приплѣте, жеби на зиму чимъ пріодягнути... О всемъ и паки слезне просивши, застаю велможности вашей, премилостивѣйшему добродѣю, поволній слуга и подножокъ Афтанасъ Николаевичъ, сотникъ ковалевскій. З Ковалювки, поембрія 17 дня, 1715 року».

зультатъ этой челобитной мы не знаемъ, но надо думать, что онъ состоялъ именно въ трехнедѣльномъ тюремномъ сидѣнн Кицеша, о чемъ онъ говоритъ въ приведенной выше челобитной. Этой мѣрой Чарнынгъ надѣялся смирить Кицеша и заставить его молчать, но тотъ, повидимому, этого не понялъ и продолжать выпускаемыми слухами компрометировать генеральнаго судью. Тогда послѣдній возстановилъ противъ него уже большинство коваловскихъ обывателей, имѣя въ виду удалить Кицеша съ сотническаго уряда. Кицешъ, оказывается, узналъ раньше о готовящейся на него жалобѣ и вновь пытался примириться съ генеральнымъ судьей, обратившись къ нему съ униженнымъ письмомъ, но опять безуспѣшно ¹⁾... Въ началѣ 1717 года Чарнынгъ полу-

¹⁾ Приводимъ это любопытное письмо Кицеша къ Чарнышу: «Велможный а премилостивѣйшій добродѣю п отче, москѣ пане судія енералній! Есть велможности вашей, добродѣви моему п отцеви, с прикрещемъ мое подлое листовное частокротное прошеніе и отмовка в моей невннности. Теди, вѣдаючи слова Бозкіе: просите п дастся вамъ, одозвавши з початку на себѣ, подломъ нахолку и чужоземцу, значного на себѣ отъ велможности вашей милосердія, же не тилко за слугу, але раче якоби и за сина принявши, властію сотничества обдаралисте мя, которой ласкѣ благодарешъ бивши, всегда за щастливое панованіе и долготное Всемогущаго Творца вѣрне благаю, п билъ-би гдѣ предъ знатными особами—ласкою таковою п милосердіемъ вашимъ панскимъ п отческимъ хвалюся, тагъ п службу, п за мою вѣрность предней ласки слезне жebraю п цале надѣю покладаю, же помилованъ зостану отъ велможности вашей, добродѣя моего п отца! Бо гдижъ отъ знатной особи, або отъ честного человека, слово нестатечное п невѣрность не пришла!—Тилко отъ Семена Драба тое походить п гнѣвъ вашъ отческій на мнѣ оказывается, бо не токмо то онъ, Драбъ, що мене уже разивъ килка вдаеть и турбуеть, але п прежнимъ сотникомъ п ннимъ людемъ фалшивимъ п неправдивимъ слови своимъ до гнѣву п турбаціи приводилъ п позви чинилъ, п всѣмъ его фалшивость п неправда есть явна. Зачимъ, велможный добродѣю п отче, не повѣраючи онаго плутству п его сверстникамъ намовленнымъ, п гнѣвъ свой панскій отложивши,—преднею ласкою прикрити мя, бо я велможности вашей не зоставалъ п не зостаю подступцею,—токмо вѣрнимъ слугою; также п дѣтемъ вашимъ панскимъ, якъ роднымъ отцемъ:

чилъ жалобу на Кицеша со стороны шенгирсевскаго атамана Кузьмы Симоновича о томъ, что «онъ, сотникъ, набѣгши до стада мїрскаго и не зная зъ какой причины взялъ у меня яловицю, хотячи полковнику (Милорадовичу) удобрити, которую и до сего время завладѣлъ,—и прислалъ мнѣ папотимъ денегъ копъ три, и я не узялъ, бо неслухная цѣпа, а я ей оцѣпилъ за сѣмъ копъ»; а затѣмъ были поданы жалобы на Кицеша и отъ ковалевскихъ обывателей. Воспользовавшись пребываніемъ въ Гадячъ самого гетмана, ковалевцы подали ему реестръ обидъ, прося защиты. Изъ длиннаго списка насилій Кицеша приводимъ наиболѣе интересныя. Во главѣ списка стояло слѣдующее самое тяжкое преступленіе Кицеша: «1-мо) Афанасій Николаевичъ Волошинъ, при свидѣтельствѣ п.п. Мартина Стишевскаго, асаула полковаго гадяцкаго, Романа Корицкаго—опошанскаго, Тимооая Лукашевича—гадяцкаго и Леонтія Масюка, --веприцкаго—сотниковъ—подавалъ пунктъ, такъ в себѣ маючій: «Что я, мовить, когда служилъ королю шведскому лѣтъ десять,—тогда много москалей, рубаячи и чистячи, кололъ своими руками, и впредь не зарѣкаюся чистити»; 2-до) похвалки чинилъ на старшину и козаковъ: язики рѣзати, па гаки скидати и голови ихъ на палѣ збывати». Затѣмъ идетъ длинный перечень отдѣльныхъ Кицешевыхъ насилій, изъ которыхъ приводимъ наиболѣе характеризующія его: «3-тіо) козаками сѣно косить, ореть і всякую работизну дѣать; 4-то) провіантоваго овса за трома рази забралъ осмачокъ 43; 5-то) козацкихъ шинковихъ грошей 180 золотыхъ забралъ; 6-то) отъ давшихъ лѣтъ царина

и що приобрѣту моимъ не останется, але имъ будетъ по смерти моеи. И нехай-би я през данную ласку вашу панскую въ тихомирности хлѣба кавалекъ могъ зъисти, отъ того сутяжци и клеветника Драба уволнити,—нехай би онъ болшъ мною не турбовалъ! А за показанное ваше отческое и добродѣйское милосердіе виннимъ себе деклярую за многолѣтное ваше отческое панованіе до смерти житія моего Господа Бога благаючи, вѣрность прекладати, яко и зостаю Велможности вашой, премилостивѣйшому добродѣви моему и отцеви, нижайшій слуга и подножокъ Афтанасть Николаевичъ, сотникъ ковалевскій. З Коваловки, февраля 2, 1717 року».

была для винуску волная одъ пашнѣ, теперъ закопавши себѣ, панциною козаками изоравши, пашнею засѣять; 7-to) в Денисехи вдови надаремно, пасилно, зол. пять грошей взялъ; 8-to) подъ часъ жнивѣ згапляетъ людей з поля на свои ныви усилонне; 9-to) былъ шкляра, осердившися, безвынне; 10-to) третичникамъ не заплатилъ десяти талярей грошей за свою домашнюю работу; 11-to) теслямъ не заплатилъ золотихъ сорокъ;—13-to) торги за его великимъ здирствомъ не збыраются;—19-to) Мартина Щербаченка, зазавши в дворъ свой, за тое, що двоухъ дубовъ ему, Волошинову, не далъ, былъ и поле отнялъ пасилне; 20-to) Мартина Драбенка былъ напрасно паний; 21-to) Дениса козака без даня причипи былъ и вязенемъ мордоваль, ажъ мусѣлъ з вязена втекти; 22-to) Гордѣя Шкуреика завернувши на дорозѣ, тиряпско былъ, що не далъ за написане подорожной кони грошей; 23-to) шпитальнымъ старцомъ вигнаемъ на панцину и розною работизною творить великіе пакости и обиды;—33-to) челядь при собѣ волохувъ держачи, з околичнихъ мѣстечокъ и сѣль (особливо з полку миргородского, полтавского и лубейского) конѣ крадутъ и по ярмалкахъ постороннихъ возячи, спродують,—о которомъ его злодѣйствѣ совершенно вѣдаетъ его милость нашъ полковникъ миргородскій и самого его хвалився где поймати тамъ и повѣсити (т. е. Кицеша); а злодоги челядники, чили—товариши (Кицеша), своими половление, в Гадяцкой турмѣ сѣдѣвши, одтоль повтѣкали,—всеи старшинѣ Гадяцкой тое свѣдомо». «Да зособна», говорится въ концѣ реестра, «опъ-же, Волошинъ, удовольствующую зацую невѣсту, коваловскую жителку Марію Василиху, пасилне при другой невѣстѣ Евдокіи Вовкувиѣ, в домъ свой зазавши, згвалтили і еслибы и Вовкувна одтоль не втекла—то бы того же одъ его, Волошина, квалту не уволнилася бѣ, поневажъ его служба Иванко Волошинъ хатніе двери былъ подцеръ»... Подавая этотъ списокъ пасилій своего сотника, ковалевцы прибавляютъ отъ себя: «І ежели еще достойно, якъ онъ хочетъ, на тое сотництво быты ему урядникомъ по нижей слѣдствуемихъ пупктахъ (особливе в початку за противность интересу монаршому)—подъ високое зверхнѣйшой власти подается разсужденіе»....

«Зверхнійшая власть» въ лицѣ гетмана передала жалобу ковалевцевъ на разсмотрѣніе генеральному судѣ Чарнышу, а тотъ пока что — смѣстить Кицеша съ сотничества и посадить, пользуясь удобнымъ случаемъ, его въ тюрьму еще до рѣшенія самой жалобы. Сохранилось письмо, писанное Кицешемъ изъ тюрьмы къ Чарнышу отъ 22-го февраля 1717 года: «Велможній мосцѣ папе судія енералній, мнѣ, безвинне страждующему во узакъ, чадолубивій отче и добродѣю! В сей моеї нещасливой фортугѣ, которая завше омильнымъ звикла поступати степеню, не имѣю болшей ни до кого ипшого, з кривоуплачливими отъ незноснаго жалю неутолимими очесъ моихъ слезами, чрезъ всепокорственную, подлюю и пнжайшую челомъ—бытія моего харту, до стопъ ногъ велможности вашей себе повергаю.—Вѣмъ убо во истинну, яко никто не обрѣте у ясновелможного добродѣя его милости пана гетмана милости таковой, якъ велможность ваша: вся можеши, елико хочеши по прежней своей отческой ку мнѣ, бѣдствующему в напасти, призирательной милости, якої и теперъ ищю и всеслезне прошу уволнити мене отъ сей напасти—не подати мене на такое поруганіе и поталу ольмъ коваловскимъ бунтовщикамъ, якіе безвинне на мене повстали и до остатного разоренія хочуть привести, а особливе стороны удання неправедного, овшемъ ложнаго! Подъ сумлепнемъ христіанской души сознаю, же не знаю и не вѣдаю того, что они говорятъ на мене! А при уволненіи моемъ и отъ узъ освобожденія, по премногой отческой своей милости,—повели. всемилостивѣйшой отче, свое високо поважное з суду енералного видати защитителное писаніе, абы не тѣшилися и не ругалися з прехитраго и злаго умишленія исполненіе помянутіи бунтовщики! Чаю и желаю горливого и благоутробного милосердія, яке получивши, долженъ застаю зъ женою и дѣтми пайвишшаго во благоутробіяхъ пренебеснаго Творца, волно страждущаго на крестномъ полю Цара слави Христа Господа про особливое здравіе, щасливое и благополучное во премпогій гѣта велможности вашей пайованне богати. Велможности вашей, пану моему всемилостивому и человѣколюбивому отцу,

пайнижшой рабъ Аонасіѣ Николаевичъ, бувшій сотникъ коваловскій».

Доказательствомъ тому, что дѣло объ обидахъ, причисленныхъ Кищешемъ ковалевскимъ обывателямъ, было пачато и раздудо Чарнышомъ, служить свидѣтельство, выданное въ январѣ того же 1717 года группою ковалевскихъ козаковъ Кищешу: «Мы, товариство города Коваловки (слѣдуетъ перечисленіе по именамъ 24 лицъ)—при собраніи пашомъ на рипокъ подъ часъ дня недѣльного, не з пѣякого принушенія, але з доброхотной нашей волѣ, ченимъ вѣдомо и явно, гдѣ козвекъ сіе наше писаніе явленно будетъ: якъ врежнихъ нашихъ сотниковъ бывало, що отъ нихъ намъ укажется отбувати повинность войсковую и городовую, то жаднихъ нашихъ не подиѣмаемъ бунтовъ, але з охотою тое творимъ, що они намъ повелѣвають, вѣдаючи тое, же которій станеть пачалникомъ, то намъ повинно его слухати и повиноватися и за пачалника мѣти,—такъ и сего нашего пана сотника Аонаса Николаевича мѣлисмо его за сотника и повиновалися, що намъ отъ него указанно, такъ и теперъ мѣемъ за сотника и мѣти хочемъ, жебы потомъкове его дождали надъ нами пачалниковати, бо гдижъ мы якъ не придетъ указъ отъ зверхнѣйшихъ, то отъ него жадной кривди не узнаемъ, и якъ зайдетъ указъ монаршій, рейментарскій и его милости пана полковника гадяцкого и кавалера македонского Михаила Милорадовича, то хто стается указовѣ противній и непослушній—то такова не сотникъ караетъ, але указъ панскій: якъ и теперъ Семень Драбъ и его соверспки давно звикли бунтоватися на сотниковъ и сами собою, такъ и теперъ не вѣдаемъ для чого бунтуются и пановъ турбують... А ми, вишеписанніе товариство, отъ своего пана сотника на актахъ, гдѣ лучится, и тежъ в дому корчемномъ, отъ трезвого и отъ подцилого, не дозпалн зневаги и на группахъ нашихъ убилса самовольного, хйба з ласки своей албо з повинности хто що дастъ, якъ належитъ старшему; гдѣ, даючи сіе наше свѣдѣтельство, велце и покорне испрошаемъ и мѣти хочемъ его за сотника»—¹⁾.

¹⁾ Любопытна небольшая подробность: зная, съ кѣмъ онъ имѣеть дѣло, Кищешъ этого почти единственнаго говорящаго въ его пользу

Такимъ образомъ, послѣдній документъ и реестръ обидь— даютъ двѣ совершенно противоположныя характеристики одному и тому-же Кицешу; несомнѣнно поэтому, что въ нихъ обоихъ большую роль играли подачи со стороны тѣхъ лицъ, кои были заинтересованы въ томъ, или другомъ документѣ; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Кицеша поддерживалъ въ борьбѣ съ Чарнышомъ столь непріязненный послѣдному Михаилъ Милорадовичъ... Однако, послѣдній документъ, равно какъ и три свидѣтельства 1715 года, представленныя Кицешемъ отъ полковника браславскаго Григорія Ивановича (Иваненка) и отъ трехъ ротмистровъ полка Апостола-Кегича, у которыхъ служилъ ранѣе Кицешъ, о томъ, что послѣдній—человѣкъ «доброй»—ни къ чему не привели: свидѣтельство ковалевцевъ затерялось среди обвинительнаго матеріала, имѣвшагося въ рукахъ Чарныша, а свидѣтельства отъ сослуживцевъ Кицеша были написаны его земляками— и имъ, быть можетъ, просто не дали вѣры...

Получивъ въ свои руки жалобу ковалевцевъ, генеральный судья съ необычайной для него быстротой разобралъ ее, и 2-го марта 1717 года уже былъ готовъ декретъ генеральнаго суда; «чадолюбивый отецъ» не преклонилъ уха къ «слезному» письму Кицеша изъ тюрьмы... Въ декретѣ было сказано, что Кицешъ по всѣмъ поданнымъ на него пунктамъ повинился и потому долженъ былъ удовлетворить всѣхъ обиженныхъ имъ. Кромѣ того, безпристрастный и суровый на этотъ разъ генеральный судъ за «похвалки» и «кввалтъ» приговорилъ Кицеша къ «арматному сидѣнью», а «що зась дерзаль (говорилось дальше въ декретѣ) вижей намѣпенніе з усть своихъ неповестягливихъ вирекати неслушніе слова, за якіе ведлугъ права палежало бы смертію карати;—по за докладомъ ясневелможному его милости пану гетману и за вѣдомомъ царского величества столника его милости господина Федора Ивановича Протасіева—урядъ сотництва отъ его отобравши, впредь з вѣрними престолу монаршому служащими на всякомъ мѣстцу доброй репутаціи імѣти отказано»...

документа Чарнышу въ подлинникѣ не далъ, а оставилъ ему лишь засвидѣтельствованную копію...

На этомъ дѣло между Кицешемъ и Чарнышомъ, быть можетъ, и окончилось бы, но случилось такъ, что вслѣдъ за лишеніемъ сотничества, бывшій ковалевскій сотникъ потерялъ и свою жену Марию Романовну, имѣвшую отъ брака съ Тихономъ, братомъ генеральнаго судьи, двухъ дѣтей: Осдора и Агаою. Чарнышу представился новый предлогъ обидѣть Кицеша и онъ, заявивъ себя опекуновъ племянниковъ, рѣшилъ отобрать на нихъ имущество Кицеша, утверждая, что все почти имѣніе послѣдняго было получено имъ какъ приданое за женою. Обстоятельства генеральному судѣ вполне благопріятствовали: по его указанію сотникомъ на мѣсто Кицеша былъ назначенъ извѣстный уже намъ «Демянъ Перехристъ», ставшій уже съ этихъ поръ «Демяномъ Ивановичемъ» ¹⁾, а городовымъ атаманомъ былъ поставленъ Семешъ Драбъ. Какъ мы видѣли выше, оба эти лица были первыми жалобщиками на Кицеша и состояли какъ-бы агентами Чарныша въ Ковалевкѣ. Имъ генеральный судья и поручилъ составить опись оставшагося послѣ Марины Кицешъ имѣнія, выславъ для этой цѣли отъ своего «боку папского» слугу «Василя», въ присутствіи котораго сотникомъ Демяномъ и Драбомъ сперва была составлена опись, а затѣмъ состоялось и «опредѣленіе», «добръ» на дѣтей Марины отъ перваго ея брака съ Тихономъ. Въ силу постановленія ковалевскаго уряда, на племянниковъ Чарныша было отдано: «1) коня одного вороного; 2) одну клячу, а коня одного въ грабежѣ взялисмо за ронзикъ, что изъ срѣбра небожчишиного оній Афанасъ зробилъ и завладѣлъ; 3) бидла старого и малого 11; 4) овечокъ старихъ, ярчатъ и малихъ з козами и козенытами—58; 5) гарель лисици годованій з шлямами подлими—35; 6) кунтушъ лудановій зеленый женскій; 7) кунтушъ вишневый, отъ панѣ судѣной данный; 8) кунтушъ зеленый рецетовій, одъ панѣ судѣной данный; 9) кунтушъ атласовый жовтій съ бѣлками подбитій, одъ пана судѣ данній; 10) сподница шаметовая, зеленая; 11) плахта шовковая червоная; 12) штальтъ червоный аксамитній,

¹⁾ 10-го мая 1717 года уже послѣдовалъ гётманскій универсалъ, коимъ Демянъ Ивановичъ утверждался ковалевскимъ сотникомъ.

одъ панѣ судѣбнои данній; 13) два ченць на аксамнтѣ вишнію-вомъ заживаніе; одъ панѣ судѣбнои данніе; 14) серпаковъ два; 15) обрусовъ три; 16) хустка золотомъ шитая; 17) футро сѣбирковое старое; 18) сорочокъ шить женскихъ; 19) климціювъ чотире старихъ; 20) подушокъ двое; 21) коцовъ два; 22) пчуль уліювъ 12; 23) вѣлчура чорная баранковая, бѣлыми баранками жъ подшитая; 24) свиной старихъ и малихъ—18; 25) грошей одъ Григорія Кярсти, крамара комишанского, Тихоновскихъ справленшихъ—300 золотыхъ» и т. д.

Изъ этого перечня взятой Чарнышомъ «худобы» своей певѣстки якобы на ея дѣтей видно, какую заботливость выказалъ генеральный судья о своихъ племянникахъ: онъ не забылъ даже «ченцовъ и сподницъ»... На самомъ дѣлѣ все это имущество Марины Чарнышъ забралъ на себя; самому же Кицешу почти ничего не осталось: все было отдано въ онеку генеральному судѣ. Послѣдній навѣрное ожидалъ жалобы на себя со стороны обиженнаго имъ Кицеша, почему и принималъ все мѣры къ тому, чтобы быть готовымъ встрѣтить обвиненіе. Самое лучшее было совершенно стереть съ лица земли Кицеша, и генеральный судья пробовать было поднять противъ него обвиненіе въ «забитіи» имъ своей жены Марины, но священникъ ковалевскій засвидѣтельствовалъ, что она «Божими судьбами померла». Тогда оставалось лишь свѣдѣть за дѣйствіями Кицеша, жившаго въ Ковалевкѣ и собирать противъ него свидѣтельства о насиліяхъ, а особенно о «похвалкахъ» и всемъ касающемся «до монаршого интересу». На «продерзостныя» слова Кицеша Чарнышъ главное свое вниманіе обратилъ потому, что обвинить въ невѣрности своего врага генеральному судѣ казалось самымъ вѣрнымъ средствомъ объяснить и свои насилія по отношенію къ нему и, быть можетъ, удалить его и совсѣмъ изъ предѣловъ Малороссіи.

Вѣрные агенты Чарныша въ Ковалевкѣ—Демьянъ Ивановичъ (сотникъ) и Семень Драбъ (атаманъ) неусыпно слѣдили за Кицешемъ и немедленно доносили о всемъ, что касалось до дѣла его съ Чарнышомъ. Между прочимъ, они сообщали генеральному судѣ съ мельчайшими подробностями, сколько въ настоящее время

у Кицеша жита, ячменя, какіе имъ были сдѣланы расходы на погребеніе жены своей и что пошло на этотъ предметъ пзъ ея имущества и т. д. Въ одной изъ «цѣдудль» своихъ они пишутъ: «Сіе до уваги велможности вашей являемъ, что того в насъ на городѣ немаенъ, яко онъ. Волошинъ, жонкамъ двомъ гвалтъ почиилъ, и о коняхъ, покраденихъ нимъ же Волошиномъ: *надѣмся, якъ можетъ бити, у вашей велможности тоє записано*». Самымъ же цѣннымъ документомъ, доставленнымъ сотникомъ Демьяномъ и Драбомъ Чарнышу, былъ слѣдующій, въ которомъ сообщалось о явныхъ памѣреніяхъ Кицеша жаловаться на генеральнаго судью: «Передъ нами, вradoмъ ковалювскимъ, Демьяномъ Ивановичомъ—сотникомъ, Семешомъ Драбомъ—атаманомъ городовимъ—значная дѣялася винарація продькуванной шквѣзиціи взглядомъ Афанааса Николаевича, бившого сотника ковалювского, такъ подлугъ его учинковъ и велерѣчивого его языка, завзявни на вradь панъ и на всѣхъ гражданъ нашихъ не малую контру, невипне на насъ, токмо за его власніе учинки се мстячи, не толко промежку пародомъ гражданъ нашихъ, лечь и по инихъ сторонахъ, во иномъ нолку, неспособніе и людямъ неужитіе похвалки плодїть на висоце поважній гоноръ, особливе на вradь панъ ковалювскій и на всѣхъ гражданъ. - что по свидѣтельству неложномъ, в нижеписанныхъ пунктахъ очне предъ нимъ объясняется таковымъ достовѣрнымъ а слушнимъ доводомъ. Сего нижеписанного марта 19 Петро Бойченко, житель сорочинскій, прибувши за своимъ дѣломъ в Коваловку (при случаю, мовить, сторони Афанааса Волошина), сознавалъ предъ нами, виже писанными особами: «Ижъ. мовить, чулемъ на перевозѣ Баранувскомъ отъ перевозниковъ Баранувскихъ, ижъ впредъ тутъ ехалъ Волошинъ, сотникъ ковалювскій, изъ Сорочинець и такъ говорилъ: «Вилемъ у пана полковника миргородского и не засталимъ, же в Кіевѣ обрѣтається, и я, мовить, воскорѣ буду простовати в Кіевѣ до князя Голицина, где тамъ же и панъ миргородскій, прекладаючи жалобу о забраню худобы моеї отъ ковалювцовъ». Сего-жъ марта 20. «И якъ прибулъ Василь, посланцїй отъ пана судїи генерального войскового з поважними его писмами панскими о раздѣленню худобы з

дѣтми, оній Волошинъ, будучи упарностю зпятий, пазываль всѣхъ пасъ, више ипсаннихъ особъ, драпѣжцами и *булавицями* и обухъ ухвативши и шаблю, похвалялся на Семена Драба, атамана нашего городского, «ижъ, мовить, на тебе я сеі обухъ держу и шаблю,—чого и не увойдешь», и пазываль атамана Драба собакою вѣрою, жидомъ, псою бородою и иными неучтивими слови, что свѣдители всѣ виже писаніе особы и на тотъ часъ згодившіеся.—Лаврѣй Романенко, шурипъ Афанасовъ Волошиновъ, посвѣдчаеть на Афанаса Волошина таковіе слова неудобніе: «ижъ, едучи сего зимпаго времени сапками з Волошиномъ до Гадячого, и чуль такову ю мову отъ Волошина: «ижъ, мовить, мѣю скаргу прекладати въ Кіевѣ до князя Голицина на папа судію енералного, что сердячися на папа полковника гадяцкаго (Мплорадовича), позволиль козакамъ ковалювскимъ худобу мою разобрати ¹⁾, и чулемъ отъ волохъ, же давно князь Голицинъ на папа судію *зубы стриже* и мѣеть его, судію, повѣспти. А если бы не мѣло бы право мѣ быти в Кіевѣ, то мѣю памѣреніе простовати ажъ до Штербурху, и хочай тамъ буду служити за солдата и в носталяхъ ходити, любъ сколка роковъ, а своего достою, ижъ вдесятеро буду брати за свою худобу, и еще я самъ лучше подновлю, же конечно его, папа судію, повѣсятъ». Сію мову виже реченній Лаврѣй ему, Волошину, презентовать при всѣхъ пасъ, вишписаннихъ особахъ, а оній Волошинъ жадного виводу з собѣ не даль, тилко тимъ словомъ притится. Грицко Сѣчка и Ивагъ Коваленко посвѣдчають предъ нами, вижеписанними, ижъ чули отъ Василя Волошина, брата Афанасового, такову мову: «же скоро води стягнутся,—Афанасъ, братъ мой, мѣеть ехати въ Кіевъ до князя Голицина, а с Кіева до Штербурха, скаргу заносити о розибранпой худоби отъ ковалювцовъ», якъ и самъ Василь предъ нами очие а доброволпе тіе слова презентовать. Самъ Афанасъ Волошинъ в тотъ часъ, якъ худобу дѣ-

1) Рѣчь идетъ о тѣхъ «добрахъ» Кнцеша, которыя были розданы на основаніи декрета 2 марта 1717 г. ковалювскимъ обывателямъ въ удовлетвореніе за убытки, понесенные ими отъ Кнцеша.

лили з дѣтми, гапиль Семѣна Драба, атамана нашего городового, и такими слови домовлять, називаючи чаровникомъ: «же ти, мовить, вишика и вишнячку отруилъ и инихъ з свѣта людей позганялъ!» И тимъ словомъ мы, виже писаніе особи, свѣдоми и праведно сознаемъ. Мы теде врадъ, слишачи таковое свѣдительство на оного Волошина при виже писанныхъ особахъ, персоналие ему договоруючи, до слушности велѣлимо сію инквизицію ретелне, подлугъ самой совершенной правди, записавши, до висоце поважного респекту велможности вашой преподаемъ. Року 1717, марта 27 дня».

Какъ было упомянуто выше, Чарнышъ, зная объ упорности Кицеша и ожидая отъ него на себя жалобы, собирать свидѣтельства о «рѣчахъ» Кицеша. Такъ, еще 7-го февраля 1717 года сотникъ веприцкій Леонтій Масюкъ писалъ Чарнышу: «Велможный и благородный мосцѣ пане судія генеральный войсковой, мой велце премилостивѣйший пане и великий добродѣю! На висоце поважное велможности вашоя писаніе и на пунктъ той, что в листъ вашомъ панскомъ выражено о мовѣ словесной пана сотника ковалювского, такой мой служебничій отдаю отвѣтъ.—Когда прибудемъ в Опшное з своей квартиры, в тое время у пана сотника опшанского в дому учулемъ отъ пана Мартина Штишевского, асаула полкового гадяцкого, отъ пана Романа Корицкого, сотника опшанского, и отъ пана Тимофѣя Лукаевича, сотника уѣзду сѣль гадяцкихъ, таковія слова, будто панъ сотникъ ковалювскій говорилъ тое, что *я при королевѣ шведскому служилъ и много того поганства москалевъ чрезъ тое время надчистилъ*».—«Самослишатель» этихъ словъ—сотникъ опшанскій Романъ Корицкій 8-го февраля писалъ генеральному судѣ: «Поневажъ по злецено вашой панской милости писалъ до мене панъ асауль Кграбянка указомъ вашимъ же панскимъ, жебы совершенно учинилъ извѣстно на писмѣ о виречепныхъ неподобныхъ словахъ сотника ковалювского,—ознаймую: ижъ, когда остался панъ Мартинъ (Штишевскій) наказнимъ полковникомъ надъ товариствомъ, тутъ застаючимъ, теде якось случилось обѣдать в дому моемъ пану асаулу Мартину жъ, пану сотнику ковалювскому и рашев-

скому, и при тихъ особахъ говорилъ сотникъ ковалювскій такую рѣчь: «*же я правъ служилъ лѣтъ подѣ десятокѣ при шведови и много москалей рубалъ и кололъ*», о чомъ могутъ праведно и помянутіе особы вашей царской милости предложить». Иванъ Пиратинскій, сотникъ полковой гадацкій, и Мартигъ Штишевскій, асаулъ, своими письменными свидѣтельствами подтвердили тѣ же «песлушніе» слова Кицеша.

Между тѣмъ, пока генеральный судья собиралъ эти «сказки», изъ Ковалевки къ нему поступали новыя доношенія о поведеніи Кицеша. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Чарышу, тамошній сотникъ Демьянъ Ивановичъ сообщалъ, что когда составлялась опись «худобы» Марины Кицешевой, то «бывшій сотникъ Афтанасъ вирекалъ таковіе слова: «*же правѣ водите меня самого, поки я буду васъ всѣхъ водити, та не таковымъ способомъ, але лутше. и будетъ хтось тому и не радъ!*» При этомъ Кицешъ говорилъ еще «публѣчне»: «*Хто в мене озметъ едно, то возвратитъ четверницею, бо я симъ судомъ, не во правду учиненнимъ, не контентуюся и потомъ будетъ хтось тому каятися!*» Еще подбиваетъ (пишетъ далѣ Демьянъ Ивановичъ Чарышу) «из собою Василя Винниченка, щобъ совокупне поехать в Пѣтербурхъ прекладати жалобу на судъ войсковій епералній за то, що отъ уряду отдаленъ zostалъ—и еще при сеі о нихъ порадѣ якоби то на поважній гоноръ велможности вашей (говорилъ) страшніе словеса, *которихъ намъ неудобъ зрекати и характеромъ объявляти,*—хиба сеі Лаврѣшъ, братъ небожки, якъ намъ говорилъ, такъ и велможности вашей устне змовить... И телко то (заканчиваеть Демьянъ свое письмо), велможній добродѣю, болшіе его Афтанасіеви словеса доношаемъ, самихъ себе остерегаючи, а що много есть похвалокъ и словъ *милихъ,*—то вопще пускаемъ».—Въ «цѣдулахъ» сообщается еще Чарышу конфиденціально, что въ реестръ имѣній Марины не вписаны были еще «саняновъ два, гарелъ лисичовихъ подѣ сорокъ совокупне зъ рушниками», и присовокупляется: «Еще, велможній добродѣю, чого совершенно не знаемъ: що то за рѣчь есть, же житель комишанскій з Кіева привезъ,—то тоєю рѣчу барзо Афтанасъ утѣ-

шается и пѣкоторуюсь надѣю покладаячи, уфность мѣеть». Въ апрѣлѣ Демьяшъ и Драбъ жалуются Чарнышу, что Кицешъ къ исполненію декрета генеральнаго суда «старанія отнюдь не прикладаетъ» и, отъѣзжая въ Гадячъ, говоритъ: «За тѣ добра вдесятеро будете платити!»

Кицешу въ Кіевъ къ князю Голицину пробратся почему-то не удалось; однако, онъ какимъ-то образомъ успѣлъ получить отъ Меньшикова «писаніе» къ гетману, у котораго онъ рѣшился искать защиты. Въ своей челобитной къ гетману Кицешъ писалъ: «Ясне велможній мосцѣвій пане гетмане, мнѣ велце премилостивѣйшій добродѣю и великій патропе! Слезне упадаючи до ногъ ясновельможности вашей, прекладаючи скаргу на пана Івана (sic), судію енералного, которій-то мнѣ презъ немалое время великіе утиски и гоненіе чинить, обличаетъ мене словами неудобными, ижъ би велможности его якіе противніе слова мовиль—якихъ я не знаю,—тільки з ненависти тое мовиль панъ судія на меня. Я, в томъ невѣдаючи, великою клятвою заклинаю себе: пехай Господь Богъ на душѣ и тѣлѣ покараеть, ежели что колвекъ бы мовиль я о велможности вашей, просячи на себе вашего милосердія, тилко-жъ не чую жадного прикрого слова отъ ясне велможности вашей и до сего часу... Але Господь Богъ вѣсть, зъ якої причинѣ панъ судія таковую ненависть имѣеть на мене,—тільки Богъ вѣсть»,—увѣрядъ гетмана Кицешъ. «А я теперь», писалъ онъ далѣе, «за его ненавистію не маю себе жадного пристановища: издилемъ до многихъ полковниковъ, просячися, ижъ-би приняли до ласки своєї—и не приймають, знаючи мене, же я въ сродствѣ застаю пану судѣ... Когда бувъ ясновелможность ваша въ Гадячомъ безъ битности пана полковника Михаила Милорадовича гадяцкого, въ тотъ часъ з примусомъ п. судѣ ковалювскіе люде ковъ поддѣймовали на мене»... Далѣе мы узнаемъ изъ этой челобитной, какимъ образомъ генеральный судья устроилъ, что «писаніе» Меньшикова къ гетману съ просьбой объ опредѣленіи сотникомъ въ Коваловку вновь Кицеша,—осталось безъ послѣдствій. «Теперешнихъ часъ, до вашей велможности залепаючи, писалъ свѣтлѣйшій князь объ мене, аби я

помилованъ билъ отъ ясне велможности вашой, которое и подаль я жъ велможности вашой, ожидаючи ласки—тилко не получи-лемъ, але болшое учуль на себе отъ пана судѣ гоненіе. В тотъ часъ, безъ битности пана полковника гадяцкого, приказалъ панъ судя сотниковѣ коваловскому Демяну Перехристенковѣ, аби ис тамошними людми (болше, нежели пятдесятма человѣками) пріѣз-диль в Глуховъ,—и сотникъ, но указу его, пріѣхаль на Рождество Іоанна Предитечи». По увѣренію Кицеша, «судя памовляль онихъ людей, аби мене не пріймовали, многіе причини винаходячи не-правдивіе, а я (прибавляеть Кицешъ)—на тотъ часъ въ сѣняхъ велможности вашой стояль и чуль тое. що судя людемъ гово-рилъ... А хто имѣль би що за мною, мизернимъ, говорити,—по запрещенію судѣ не можетъ, страха ради. И тое велможности вашей доношу», продолжаетъ Кицешъ, «же такіе похвалки чи-нить на мене, бѣдного, мовачи: «Такъ учиню я тебѣ. аби булъ повѣшенъ!» І единого часу случилося мнѣ сидѣти съ паномъ сот-никомъ коваловскимъ и мовить мнѣ панъ сотникъ: «Панъ Афа-насій, нехай тебѣ Господь Богъ хранитъ! Чулемъ я, же панъ судя мовиль такъ з великимъ гнѣвомъ, похваляючися: «Уже одъ моихъ рукъ не увойдетъ: по прежнему, мовить, повѣшенъ будетъ!» И козаки, которіе били в тотъ часъ, в ти жъ слова мовили: «Бу-детъ старатися, аби ты бувъ повѣшенъ!». «Слишачи я таковіе слова», продолжаетъ свой рассказъ Кицешъ, «неудобъ зпосиміе сердцу моему, мушу вслѣдъ свѣтлѣйшого князя пхати, также и предъ лице великого монарха его царского пресвѣтлого вели-чества, обявляючи скорбь, также и худобу свою доходячи, ко-торую пограбилъ нанъ судя, не вѣдаю з якої причини, п кова-ловцамъ пораздовавъ, кому онъ зналь». Свою челобитную Кицешъ заканчиваеть такъ: «Тое все все велможности (вашой) описавши, всю мою скорбь и тѣсноту, самого полецаю ласце велможности вашой и застаю нижайшимъ слугою: ясневелможности вашой ни-жайшій рабъ и служити радъ Афанасій, грѣшній иноземець, сотникъ бувшій коваловскій».

Должно быть, положеніе Кицеша было ужаснымъ, если даже такой его врагъ, какъ сотникъ Демьянъ, предупреждалъ о гро-

зящей ему опасности.. Положеніе разореннаго Чарнышомъ Кицеша ухудшилось въ это время еще какой-то ссорой съ Милорадовичемъ; причины ея намъ неизвѣстны, но она была настолько серьезна, что Кицешъ собирался ѣхать жаловаться въ Москву и на него... Эпергичный Кицешъ подалъ жалобу на Милорадовича сперва гетману, а затѣмъ, зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Чарнышомъ и гадяцкимъ полковникомъ, написалъ, передъ своимъ отъѣздомъ генеральному судѣ письмо, въ которомъ просилъ его «своимъ поважнимъ и премудримъ словомъ за мною, бѣднымъ сиротою, на чужинѣ остаючомуся, велможному добродѣви его милости пану гетману примовити о подающую супшлѣку ис пунктами его панской велможности на пана полковника гадяцкаго у великихъ миѣ отъ его, пана полковника, кривдѣ дѣючихся,—дабимъ получилъ якій отвѣтъ.—И поради велможности вашей прошу: ежели ясневелможній нанъ гетманъ не схочеть его, пана полковника, на томъ усилковати, чтобы моя вся утрата нимъ, паномъ полковникомъ, дѣячаяся, при миѣ била, то (заключаетъ свое письмо Кицешъ) благослови миѣ, велможній пане, при сюй оказіи до лица царского величества отъиздिति!» Однимъ словомъ, Кицешъ не зналъ, съ какой стороны подойти къ генеральному судѣ, и паивничалъ съ нимъ, умалчивая въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ нему о томъ, что онъ и на него подалъ гетману челобитную.

Но ни по дѣлу своему съ Чарнышемъ, ни по дѣлу съ Милорадовичемъ Кицешъ у гетмана результата никакого не добился. По крайней мѣрѣ, въ началѣ 1718 года, когда гетманъ былъ въ Москвѣ, то тамъ же находился и Кицешъ, подавшій на этотъ разъ свою жалобу на Чарныша прямо «министрамъ». Какимъ образомъ Чарнышъ выпустилъ изъ своихъ рукъ Кицеша и позволилъ ему обратиться въ Москву—мы не знаемъ. Быть можетъ, что Кицешъ успѣлъ это сдѣлать, замаскировавъ свое настоящее намѣреніе—жаловаться на Чарныша—желаніемъ найти судъ надъ Милорадовичемъ и провель Чарныша такимъ образомъ. Несомнѣнно, однако, и то, что Кицешъ хотѣлъ жаловаться и на Ми-

лорадовича, но не могъ этого сдѣлать по причинѣ, о которой узнаемъ ниже. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ дѣло принимало для генеральнаго судьи неблагопріятный оборотъ: хотя онъ уже давно былъ извѣстенъ въ Москвѣ своими насиліями, все же разоблаченіе его отношеній съ Кицешемъ не могло входить въ его интересы. Но съ неизмѣнной ловкостью Чарнышъ и на этотъ разъ вынулался изъ бѣды, давъ дѣлу совершенно иной ходъ. Много помогли ему и сами «министры», передавшіе жалобу Кицеша самому гетману, а въ такомъ случаѣ дѣло для Чарныша становилось совершенно легкимъ и малосерьезнымъ... Но не зная еще о судьбѣ жалобы Кицеша, Чарнышъ поднялъ вопросъ о сомнительности «вѣрности» вообще всѣхъ иноземцевъ, получившихъ уряды въ Малороссіи, и тѣмъ отвлекъ вниманіе гетмана отъ частнаго своего дѣла съ Кицешемъ. Гетманъ настолько былъ встревоженъ слухами, доходившими къ нему, должно быть, черезъ посредство Чарныша, о гетманствѣ Кантакузина и о прочемъ, что немедленно же выслать изъ Москвы «розищиковъ»: Романа Бороховича и Стефана Максимовича, которымъ удалось собрать нѣсколько фактовъ, касающихся вѣрности Кицеша и другихъ. Кромѣ того, самъ Чарнышъ вповѣ затребовалъ отъ извѣстныхъ уже намъ «самослишателей» «рѣчей» Кицеша «сказки» по этому поводу. Но было найдено кое-что и новое. Такъ, между прочимъ, въ апрѣлѣ 1718 года, когда Кицешъ вернулся изъ Москвы и былъ въ Гадячѣ, священникъ святоуспенскій гадяцкій Георгій Терпѣловскій, зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Милорадовичемъ и Кицешемъ, очень удивленъ былъ, увидѣвъ послѣдняго въ домѣ Милорадовича. При этомъ былъ и протопопъ гадяцкій Семенъ Михайловскій, спросившій Кицеша: «Якъ и гдѣ, вашность, поѣднался зъ папомъ полковникомъ?» И онъ, сотникъ, при всѣхъ насъ (священникахъ), ослабившись, вслухъ всѣхъ священниковъ, такъ мовилъ: «Трудно мнѣ было не процагаться, бувши на Москвѣ, поневажъ тамъ и кого-нибудь смиряють!» И далѣй мовилъ: «Якъ мнѣ не було тамъ смиритись, поневажъ на паца полковника (Милорадовича) великая является царская

ласка и такая мплость, якої и гетманъ не маеть!»¹⁾ Быль получень Чарнышемъ и еще одинъ любопытный документъ: это разсказъ бывшаго комышанскаго сотника Ивана Крупки (въ июль 1718 года): «В прошломъ 1716 року, в мѣсяцю октоврію, по Покровѣ (такъ пачинаеть свой разсказъ Крупка), случилось мнѣ, мовить, в куренѣ волошина Афанасія бути (тогда сотникомъ коваловскимъ пайдуючогося) п в посидѣню переговорувати; в той часъ, при иншихъ рѣчахъ, сказалъ Афанасій: «Тебе, Крупко панъ полковникъ гадяцкій (Милораловичъ) тилко для початку з ураду скидаеть, а то еще мислитъ и цѣле забрати асауловъ полковпхъ Григоріа Кграбянку, Мартина Штишевского и Романа Корецкого, сотника опошнянского, да на ихъ мѣстце асауломъ Толпу (?) волошина, а Албалина сербина—сотникомъ опошнянскомъ учинити, и всѣхъ сотниковъ оддаливши, своихъ подручныхъ сербовъ и волохъ на власти понаставляти—того ради: же когда трафится з ордою потичку имѣти, полковникъ говорилъ: «Добре буде, якъ всіи старшина мон... перекинутись до орди, п козаковъ... мѣсто ясиру запроводити, ибо за моею, мовить, старшиною мусять всѣ по указу, куди поведуть, хочъ въ неволю, за началпми своими ити и служити повинни!» «И можетъ чого тогда и болше говориль», прибавляеть Крупка, «да слуга полковничій позвалъ его (Кицеша) на вечеру». Этоть-же Крупка разсказывалъ еще слѣдующее про Кицеша: «Сего настоящаго 1718 року, предъ постомъ великимъ, когда обачиль Опанаса волошина на ринку глуховскомъ з пѣякоюсь московкою переговоруючого, пришоль до оного и спросиль: «Що говорите тайно? Скажи, мовить, и мнѣ!» На що одповѣдалъ Опанасъ: «Говорить московка сая вѣдомость з Москви певную, ижъ уже гетманомъ *нашъ* Кантакузинъ, а не сей *вашъ* гетманъ», и тое сказавши (продолжаеть свой разсказъ

1) Кицешъ, какъ мы видѣли выше, ѣздиль въ Москву жаловаться на Милораловича, но принужденъ былъ «смириться», увидѣвъ «великую царскую ласку» на этомъ полковникѣ. Въ этомъ и заключается причина того, что Кицешъ и не подалъ жалобы на Милораловича, а посидѣвши помириться съ нимъ.

Крупка): «Ходимъ, мовить, до моеї волошки, где сія московка почовала». «Куда якъ пришли, заразь заговорилъ Афанась до пей по волоски, аже тая волошка русскимъ языкомъ отповѣдѣла: «Якъ я маю з тобою по волоски, и по руску зкажу тебѣ же ти скурвій сыну, шалбѣре! Чого ти в мене питаешси, чи буде Кантакузинъ, чи тежъ сей нашъ теперешній гетманъ? Бо намъ—що пощ—то батько, и дѣла памъ до сего нѣтъ!» На основаніи этого «ставлень» былъ къ отвѣту передъ слѣдователями Кицешъ, который сказалъ: «На старшину полковую: асауловъ Кграбянку и Мартина, на Корицкого—опошанского сотника, и прочихъ сотниковъ хвалился полковникъ з уряду носкидати», а щобъ перекинутись до орди и козаковъ за ясиръ отдати—запирается». «На потомъ», продолжаетъ «розыщикъ», «будучи уже на дворѣ, одозвался тотъ-же Опанась волошинъ и по согласіи Крупчиномъ до оной московки свѣдомитись признался, мовячи: «Московка а Ляхневичева жона говорила, что Кантакузинъ, мовить, нашъ одпоземець, гетманъ, а не вашъ теперешній будетъ», якіе слова повторително Афанасій предъ Крупкою повторилъ». Призвали Марью Ивануху Ляховку, жительку глуховскую, которую Крупка назвалъ волошкою, и та «на питаніе» показала: «Сего 1718 року, о мясной педѣлѣ, пришли до мене Афанась волошинъ з Крупкою Иваномъ, бившимъ сотникомъ комишанскимъ, в домъ мой и почаль говорити до мене по волоску: «Якіе ти чула вѣдомости з Москви? Ижъ, мовять, уже Кантакузинъ гетманомъ намъ будетъ, а сей гетманомъ не будетъ? Того ради и памъ, мовить, добре будетъ! Сего ради и я на Москву пойду!» На що я отповѣдала Афанасію по роскій: «скурвій сыну, шалвѣру, ти мнѣ тое говоришъ, чого я не знаю и не вѣдаю», и наилапа его, мовячи: «Я бѣ тебе очи вибила, ежели бѣ не для сего доброго человѣка! Что буде—то буде, до того дѣла намъ нема!» Марья Ляховка ссылалась на мужа и домашнихъ, которые подтвердили справедливость ея словъ, а призванный Кицешъ «до всего того добровольне признался» 1)...

1) Кицешъ сказалъ еще, что онъ и отъ слуги Кантакузина слышалъ, будто Кантакузинъ будетъ гетманомъ, а потому «на доводъ

Какой же результатъ получился челобитной Кицеша въ Москвѣ? Какъ мы сказали выше, она была передана гетману; послѣдній же не обратилъ на нее вниманія... Такимъ образомъ цѣль, имѣвшаяся Чарнышомъ въ виду при началѣ розыска, была отчасти достигнута; отчасти—потому, что ни Кицешъ, ни другіе сорбы и волохи совершенно не пострадали изъ-за разоблаченной ихъ «невѣрности»... Правительство русское, быть можетъ, предпочитало имѣть такихъ урядниковъ въ Малороссіи, нежели послѣ Мазепиной измѣны—урядниковъ изъ мѣстнаго элемента... Но за то, Чарнышъ жестоко отомстилъ Кицешу за его попытку жаловаться на него въ Москвѣ.

«И у прошломъ 718 году», писалъ Кицешъ впоследствии, «онъ-же, Чарнышъ, умисля, дабы меня за вишеозначенную оказію (поѣздка въ Москву) и что я на него билъ челомъ въ Москвѣ, разорить безъ остатку и в турмѣ уморить (такъ же, какъ и другихъ онъ уморилъ, державъ в турмѣ многіе годы напрасно), пославъ по меня канцеляриста Максимовича и Романа Бороховича, а с ними двухъ драгушъ, и папавъ на меня вишеприсланіе отъ него, Чарниша, на сонного в мѣстечкѣ Зепковѣ, и по повелѣнію ево били меня и мучили безъ милосердія и изграбили (а грабежемъ взяли в меня двадцать пять таляровъ, да далъ шапки цѣною по рублю); и взявъ меня и заковавъ в кайданы, и привезли къ нему, Чарнишу, в Глуховъ; и онъ, Чарнишъ, вторично в томъ Глуховѣ билъ меня и увѣчилъ смертнимъ боемъ безъ милосердія; и послѣ того ругательства в третей разъ еще ве-

невиѣйшій самъ Иванъ Бутовичъ, сербинъ, повѣдалъ: «Случилось мнѣ, мовить, чути одъ господиновой Кантакузиновой до его, Кантакузина, мовячіесь слова: «Ижъ досить уже тобѣ такъ войсково служить! Але просити мусишь отъ Государа такового помилованія, щобъ в Украинѣ гетманское офіцію одержаль?» И сіе чувши, помянутой Иванъ много пшшимъ и постороннимъ людямъ разголосивъ, а вси дворни Кантакузина сю повѣсть пропонують, якоби того ради онъ, Кантакузинъ, и на Москву поехалъ, аби столецъ гетманства одержаль в Украинѣ». Весьма возможно, что изъ этого источника и пошли слухи о гетманствѣ Кантакузина...

лѣлъ меня бить и мучить и ругаться немилостиво, и далъ мнѣ *триста кievъ*, и бросилъ меня замертво в турму и держалъ недѣль з десять, отъ котораго неспособнаго и нестерпимаго тиранскаго мученія былъ я боленъ при смерти и лежалъ в безпамятное долгое время и *тѣло мое не токмо черви ѣли, но и шматы изъ тѣла моего отпадали* 1)... И многократно до себе приводячи, говорилъ оній Чарнышъ мнѣ з великимъ пристрастіемъ: «Могу я у тебя ту дорогу перенять? 2) И в прежде ты меня такъ поносить и безчестить и великому государю другой разъ бить челомъ не будешь! Имѣю-де я надѣянiе на Бога: петокмо сербыновъ—и всѣхъ васъ волоховъ изъ Украины каменiемъ вибити!»—А мы (прибавляетъ Кицешъ), вашему царскому величеству не измѣнники,—слуги добріе и служили вѣрно и впредь служить тебѣ, великому государю, и за ваше царское величество, и за православную христіанскую вѣру кровь свою проливать желаемъ и всегда готови неизмѣнно».

Таковы были послѣдствiя поѣздки Кицеша въ Москву... Чарнышъ же ничѣмъ не поплатился; напротивъ, гетманъ, бывшій одновременно съ Кицешемъ въ Москвѣ, выхлопоталъ своему зятю царскую грамоту (отъ 3-го іюля 1718 года), коею утверждались за нимъ всѣ прежде полученныя имѣнiя, а также обширная скупля въ Нѣжинскомъ полку: подъ Глуховымъ, Подоловымъ, Гайворопомъ, Поповкой, Батуриномъ, Митченками, Новыми Млинами и другими селами, на что Чарнышъ получилъ универсаль гетмана 15-го ноября 1717 года. Урокъ, данный генеральнымъ судьей Кицешу, не принесъ для Чарныша желаемыхъ результатовъ: ему не удалось у своей жертвы «перенять дорогу» въ Москву, и какъ только Кицешъ оправился и вышелъ изъ тюрьмы, то вновь поѣхалъ въ Москву добиваться суда надъ своимъ гонителемъ. Но мы пока оставимъ это дѣло и обратимся къ другимъ фактамъ изъ жизни генеральнаго судьи.

1) Глуховскій житель Александръ Ивановичъ впоследствии подтвердилъ, «же на ратушу глуховскомъ быто челобитчика Кицеша нещадно, одъ котораго бою лежалъ в ратушу на землѣ, *землю тѣль и шляну свою кусалъ*».

2) Т. е. дорогу жаловаться въ Москву.

Постоянно стремясь къ болѣе самостоятельному положенію, чѣмъ положеніе генеральнаго судьи, Чарнышъ, записывая этотъ урядъ, мечталъ о полковничествѣ. И на этотъ разъ его взоры обратились къ стародубскому полку, который представлялъ значительныя преимущества для полковника по сравненію съ другими полками: онъ былъ по своему расположенію наиболѣе удаленнымъ отъ Глухова, гдѣ находилась гетманская власть, наиболѣе обширнымъ и черезъ него шла торговля волами, пенькой и т. п. съ границей. Для того, чтобы достигъ этой цѣли, дальновидный Чарнышъ сталъ скупать земли въ стародубскомъ полку еще при жизни тамошняго полковника Лукьяна Жоравки, († 1719), дабы сдѣлаться своимъ человѣкомъ между полчанами. Жоравка, зная о родственныхъ связяхъ между Чарнышомъ и гетманомъ, боялся такого претендента и, отлично понимая, для какой цѣли Чарнышъ скупаетъ земли въ его полку, старался насколько позволяла ему власть, препятствовать намѣреніямъ Чарныша, запрещая подобныя продажи. Такъ, когда въ 1718 году сердюцкій сотникъ Николай Еремѣевичъ запродать Чарнышу свой хуторъ Вепринскую рудню (близъ села Спяго Колодызя), то узнавшій объ этомъ Жоравка «непомалу гапиль» продавца, «же панъ судія почалъ куститися въ полку стародубовскомъ зъ намѣреніемъ на полковництво, и за таковой мой торгъ», жаловался продавецъ, «въ вязеню мене держаль». Такъ поступилъ съ Николаемъ Жоравка до подачи на него самой жалобы за насилія отъ всѣхъ полчанъ. Но когда жалоба эта была подана и попала въ руки генеральнаго судьи, то Жоравка, задабривая хорошо извѣстнаго своей подкупностью судью, не только разрѣшилъ продажу Вепринской рудни, но 20-го марта 1719 года подарилъ даже Чарнышу изъ своего владѣнія цѣлое село Синій-Колодезь:—«Симъ открытымъ листомъ объявляю, ижъ его милость папъ Иванъ Чарнышъ, судія генералній, презентоваль мнѣ купчій записъ на футоръ з греблею и группами отъ Николая Еремѣевича, бывшого сотника сердюцкого, пабытій;—по вчитанню претовишъ изображенной купчой, чипячи тому новокупленному футорвѣ вспоможене, по доброхотной моей пріязни, селце Синій Ко-

лодезь, мною владѣемое, уступивши его милости папу судіи, во владѣніе даю в зуполное, — котораго кушлею и помянутимъ селцемъ владѣючи, его милость волежь будетъ отъ ясневельможного его милости папа гетмана унѣверсалпую получить конфѣрмацію». Однако, дѣло Жоравки было настолько громкое, что Чарнышъ должежь былъ дать судъ нелицепріятный... Жоравка умеръ, не дождавшисъ наказанія, и Чарнышъ заволповался, пачавъ хлопотать о своемъ назначеніи на его мѣсто. Кандидатовъ выставлялось много: гетманъ хлопоталъ за Чарныша; Мешниковъ же просилъ за Андрея Миклашевскаго, Гаврила Милорадовича и Тапскаго, прибавляя въ письмѣ къ царю: «О Чарнышѣ изволите знать, что опынъ не безъ противности есть...»¹⁾ Чарнышъ считалъ себя едва ли не первымъ кандидатомъ на полковничество и, не зная о томъ, что въ Петербургѣ послѣ яркой картины насилій Жоравки рѣшено было оставить урядъ стародубскаго полковничества вакантнымъ, продолжалъ скупать земли въ этомъ полку, хотя ему, при его репутаціи, трудно было разсчитывать на это мѣсто. Чарнышъ этого, повидимому, не понималъ и спѣшно скупалъ земли около Сипяго Колодызя, употребляя нерѣдко насилія. Жалобы на него поступали гетману во множествѣ, и тотъ (вѣроятно, не безъ вліянія кого-либо изъ московскихъ вельможъ) принужденъ былъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1722 году, послать къ наказному стародубскому полковнику энергичный универсалъ, коимъ у Чарныша отбирались насильно скупленные имъ грунты и опынъ вообще изгонялся изъ Стародубщины: «Донеслося намъ вѣдати тутъ въ Москвѣ, что пана Чарныша, судіи войскового енералного, староста Синеколодызскій не тилко противъ указу нашего, еще з Глухова до папа Лизогуба, буплчучного войскового енералного, а одъ его к нему послапного, оттуду, з Сипяго Колодызя, неслупне папомъ судіею завладѣпного, не уступилъ и въ затѣваню людемъ насилпными скуплями кгрунтовъ ихъ обидь не поскромился, по и паче еще оніе имъ чрезъ скуплѣ затѣваетъ, и в грунта ширится; — зачимъ теперъ уже крайне ваш-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 292.

мости чрезъ сей листъ нашъ приказуемъ, абысь призвавши нашимъ (листомъ?) помянутого старосту, в Синемъ Колодези зостаючого, албо и насилно не хочачого ехать в Стародубъ предъ себе зискавни, всеконечно повелѣлъ ему прочъ з Синего Колодезя и полку Стародубовского зѣхати и всѣхъ скупленнихъ отъ пана судіи енерального земель и кгрунтовъ отступитися, чога ради прикажи вашмость и всѣмъ людямъ, у которихъ на имя пана судіино кгрунта поскуплювано, гроши пооткладати, якіе побрали за тіе свои грунта въ Синемъ Колодези, в Бѣлогощи и другихъ слободахъ, чтобъ знову были ошіе в прежнемъ владѣніи тихъ людей, которіе якимъ колвекъ способомъ пану судіи в продажъ попускали». ¹⁾ Должно быть, скупляя грунты Чарнышомъ производилась ужъ слишкомъ безцеремонно, если можно было принудить Скоропадскаго дать такой универсаль... Надѣясь на поддержку тещи-гетманши, генеральный судья ошибся въ своихъ расчетахъ, а въ іюль 1722 года Скоропадскій умеръ, и для Чарныша обстоятельства рѣзко измѣнились къ худшему...

Между тѣмъ, пока Чарнышъ устраивалъ свои дѣла въ Стародубщинѣ, Кицешъ не дремалъ: въ 1719 году онъ снова ѣздилъ въ Москву жаловаться на генеральнаго судью и на этотъ разъ добился того, что ему былъ выданъ «государевъ указъ» къ гетману о назначеніи его сотникомъ въ Ковалевку. На этотъ разъ дѣло казалось для Кицеша выигрышнымъ, но Чарнышъ не потерялся и придумалъ слѣдующее: «И противъ того моего челобитія», — пишетъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ челобитныхъ Кицешъ, — «данъ мнѣ твой государевъ указъ до господина гетмана Івана Ілича Скоропадскаго, чтобы онъ учинилъ надо мною милосердіе и приказалъ бы мнѣ быть въ Ковалевкѣ сотникомъ попережнему, также и порозграбленіе мои пожитки возвратилъ бы (генеральный судья) попережнему. И какъ онъ господинъ гетманъ получилъ указъ, спрашивалъ меня, хтобъ отъ сотничества мнѣ отказать? И я ему сказалъ, что отставилъ меня вишеозначенной

¹⁾ Сулимовскій архивъ, стр. 197—207; А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малороссіи, I, 45—47.

Чарпишъ, и онъ господишъ гетманъ сказалъ: «Когда прибудеть изъ Почепа отъ свѣтлѣйшого князя Федоръ Протасіевъ»,—и с нимъ, Протасіевымъ, о томъ хотѣлъ говорить и обѣцалъ бить миѣ в сотникахъ попрежнему для того, что ему, Протасіеву, о томъ приказано (совѣтоваться съ гетманомъ). И оногo Протасіева ожидать въ Глуховѣ недѣль с три и болши». Этой проволочкой воспользовался Чарнышъ: «И вишеозначенной Чарпишъ, довѣдався о томъ, что миѣ господишъ гетманъ обѣцалъ быть сотникомъ попрежнему, писалъ до ковалевскаго сотника, которой отъ оногo Чарниша опредѣленъ вмѣсто меня, чтобъ онъ приехалъ в Глуховъ. И оной сотникъ по писму его, Чарпишову, собралъ ковалевскихъ козаковъ человекъ с пятьдесятъ и болши, и по слову ево, Чарниша, онъ, сотникъ, науча онихъ козаковъ, привелъ къ господину гетману и велѣлъ, дабы оніе просили, чтобъ миѣ сотникомъ попрежнему не быть. И оніе козаки, пришедъ къ гетману, по наученію ево, сотника, и судѣ Чарниша, говорили на меня всякіе неистовіе слова, также говорили, что де будетъ сей еще и повѣшенъ! И хотя бъ хто изъ онихъ козаковъ онихъ словъ и говорить не хотѣвъ и хотѣли просить, чтобъ быть по прежнему сотникомъ,—и онъ, Чарнишъ, уграживая,—имъ говорить не велѣлъ, проискивая на меня болшаго разоренія...»

А послѣ того, пишетъ Кицешъ, «видѣлся я съ нимъ, сотникомъ Демяномъ, и с козаками близъ церкви Всемиловскаго Спаса, и оной сотникъ сказалъ миѣ: «Говорить на тебе судя Чарнишъ, что будетъ тебѣ и злѣе того, когда былъ гетманъ въ 1717 году в Гадячу ¹⁾, и ты-де пропадешь; хотя и повѣсятъ, зиску не будетъ и искать за тебе нѣкому!» И тѣ его слова слышалъ бывшій воронеской сотникъ Потапъ; такъ же изъ онихъ козаковъ (ковалевскихъ): Тимофѣй Булкоцкой, Троцкой, Троеноцкой, Гордей Шкурацкой—говорили, чтобъ меня повѣсили, а Кузьма Сторашъ сказалъ: «Я самъ буду падъ тобою катомъ!» И самъ оной судя Чарнишъ, идучи одъ церкви в домъ гетманской, говорилъ на

¹⁾ Рѣчь идетъ о первой подачѣ жалобы ковалевцевъ гетману на Кицеша.

меня: «Ты—слуга вѣрній у Государя, а Государь де—далеко, а свѣтлѣйшій князь поѣхавъ, и свѣтлѣйшій князь до насъ пикакова дѣла неимѣтъ. — Ви бѣ все з москалями заодно, а не съ нами, и отъ москалей де намъ и такъ есть великое утѣшене, и не надлежало-де тебѣ за то и сотникомъ быть, также и хлѣбъ ѣсть напрасно, когда-де з нами обще не служишь»... «И то», прибавляетъ Кицешъ, «онъ, Чарнишъ, бунтуеть». И господинъ гетманъ къ нему, Чарнишу, послалъ мпогоди слугу своего Івана Волошенина, чтобъ онъ, судя, за пожитковъ моихъ утрату и за бой той и за увѣча заплатилъ,—и онъ, Чарнишъ, посланному отъ него, господина гетмана, сказалъ: «Не надлежить-де ему пожитки отдать: надлежитъ де ево повѣсить!» При этомъ, Кицешъ, разумѣется, не забывъ упомянуть и объ отношеніяхъ генеральнаго судьи къ своей женѣ, а его невѣсткѣ, выставя лишь это обстоятельство причиной гнѣва Чарнына: «И то онъ, Чарнышъ, все учинилъ, злясь на меня за бывшую мою жену, с которою онъ прижиль блудно ребенка, о чемъ я доносилъ свѣтлѣйшему князю Александрѣ Даниловичу прежь сего». Въ заключеніе своей челобитной, Кицешъ проситъ «отъ великаго ево (Чарниша) на него гоненія уволнить», заставить генеральнаго судью возвратить пограбленное имъ имущество и, наконецъ, опредѣлить его самого въ Ковалевку сотникомъ «по прежнему», гдѣ онъ и «построился».

Чарнышъ добылъ и просьбу ковалевскихъ обывателей, просившихъ гетмана не пазначать къ нимъ сотникомъ Кицеша. Въ этой просьбѣ ковалевцы писали такъ: «А теперь, чуючи повѣсть единъ отъ другого, же онъ, Афанасъ, прилѣжно желаетъ на врадъ сотництва Ковалевскаго,—завчасу стаются тривожливими и небезпечне застають на кгрунтахъ своихъ отчизнихъ, боячися тирапскаго отъ Афанаса Волошина побую смертелпаго, и воспятъ в полкъ иншій умилпяють уходить». Принятая Чарнышемъ въ Глуховѣ мѣры, а также послѣдняя просьба ковалевцевъ повліяли на гетмана, и тотъ оставилъ челобитную Кицеша безъ отвѣта. Потерявъ надежду и на этотъ разъ получить удовлетвореніе отъ гетмана, Кицешъ въ третій разъ поѣхалъ въ Москву, и тамъ въ

октябрь-ноябрь 1720 года подалъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, одну за другой, три челобитныхъ, при чемъ приложилъ и громадный «реестръ» пограбленнаго у него Чарнышемъ имущества.

Разсказывая уже извѣстныя намъ событія, Кицешъ рисуеъ печальную картину своего существованія въ такихъ выраженіяхъ: «И того всего лишився (т. е. сотничества и имѣнія), попынѣ нуждаюся и скитаюся между дворъ, но и дневніе пищи себѣ не получаю. Да онъ же, Чарнишъ, похваляется меня, заковавъ въ кайдани, уморить безвременной смертію, не велить мнѣ въ томъ Гадяцкомъ полку и в дому моемъ жить и виживаетъ безъ твоего, великаго государя, указа изъ Украины вонъ самоволно; а мнѣ, пижей мянованному, кромѣ заслужоного сего мѣста (т. е. сотничества), которое заслужилъ я у вашего царского величества (другого пѣтъ, понёже мнѣ?) въ прежнемъ моемъ дому, въ Волоской землѣ, одѣ турокъ жить невозможно». Въ заключеніе своихъ челобитныхъ, Кицешъ проситъ о ковалевскомъ сотничествѣ, ходатайствуетъ объ указѣ, которымъ бы повелѣвалось Чарныша во всемъ допросить и отдать все заграбленное,— «дабы (прибавляетъ Кицешъ), ему, Чарнышу, такъ нагло пападать и безъ твоего, великаго государя, указа впредь нашу братію з Украины вибивать и разорять было неповадно».

Въ приложенномъ при одномъ изъ челобитныхъ «Реестрѣ, что у меня, ниже іменованного пограбылъ епералній судя Івань Чарнишъ и что къ себѣ в домъ свой побралъ, такожде приказомъ ево другіе люди побрали жъ», Кицешъ подробно перечисляетъ всѣ понесенныя имъ убытки отъ Чарныша, доводя ихъ до солидной суммы въ 1230 рублей 27 алтынъ ¹⁾... Изъ этого по-

¹⁾ Приводимъ этотъ «реестръ». «Побралъ онъ, Чарнишъ, къ себѣ в домъ свой лошадей воинскихъ: лошадь вороную, цена 55 руб.; лошадь сивую, цена 25 р.; лошадь гнедую з седломъ и з уборомъ, цена 26 р.; кобылу гнедую болшую жеребную, цена 13 р.; кобылу гнедую жеребную жъ, цена 14 р.; свиней старихъ болшихъ 16, ценою по 40 алт. свиня, и того 17 р. 20 алт.; овецъ старихъ 50, козь 10, ценою

чтенныхъ размѣровъ «реестра», мы видимъ, что Кицешъ былъ лишень всего рѣшительно: все недвижимое его имѣнiе и вся движимость, начиная отъ скота и кончая даже «шаблей» была отобрана Чарпышомъ частью на себя, частью на своихъ прислужниковъ, получившихъ за свою жалобу на Кицеша вознагражденiе изъ имѣнiй послѣдняго. Кицешъ остался послѣ суда надъ нимъ

за всякую овцу и козу по 8 алт. 2 деньги, итого 30 р.; пчель старихъ 14, отъ котораго ежегодно имѣлъ я по трое молодыхъ и по исчисленiю въ 4 года будто за 14 старихъ по 1 р. за пчель, за молодыхъ по 30 алт.,—итого з старими цена 158 р.; мехъ лисей горловой, в которомъ было 35 шлямъ лисихъ, цена 36 р.; тулупъ чернихъ барановъ, бухарскiй, подбитъ зайцами бѣлыми, цена 26 руб.; коверъ новой турецкой большой, цена 10 р.; три ковра настольныхъ, ценою по 5 рублей коверъ, итого 15 р.; полотно швабского кусокъ, ц. 5 р. 10 алт.; три скатерти гданскихъ, самихъ добрихъ, по 6 р. цена, итого 18 р.; дюжину блюдь большихъ оловянихъ, тарелокъ дюжину, ложекъ 2 дюжины, цена 5 руб.; три чарки серебряныхъ, за чарку по 40 алт., итого 3 р. 20 алт.—Итого оной Чарнишъ забралъ къ себѣ въ домъ свой пожитковъ моихъ ценою на 457 р. 10 алт. 4 деньги. Да онъ же Чарнишъ приказалъ присланному своему писару Остапу отдать другимъ разныхъ чиновъ людямъ, которыхъ онъ научивъ на меня ложно бить челомъ, а именно, хто что взявъ: Дворъ мой ис хоронимъ строенiемъ одписали на городъ Ковалевку, ценою 40 р.; такъ же на оной городъ взяли кувху вина простого, ценою 20 р.; Емельянъ Хоменко с товарищи—быка, ценою 4 р. 13 алт. 2 деньги. *(Далѣ слѣдуетъ длинный перечень лицъ и взятыхъ ими вещей, скота и т. п.)*

Да в тожъ число забрано у меня с хутора моего разныхъ пожитковъ, шесть телегъ и с колезы прядиво, 147 куриць, 60 утокъ, 20 гусей, также и что на ономъ моемъ хуторе было и на гумнѣ молочного и немолоченого хлѣба—всего ценою на 40 р., а хто именни брали—я несвѣдомъ, понеже в то число былъ я въ Москвѣ.

И того оной Чарнишъ насилствомъ своимъ пограбилъ и взялъ к себѣ в дворъ свой и что другимъ людямъ по приказу своему оддалъ и что в небытности моей отобрано—на 630 р. 27 алт. Такъ же, что мнѣ, нижеименованному, окромѣ моихъ пограбленныхъ пожитковъ, харчей и убытковъ стало на 600 р. Всего, что оной Чарнишъ у меня пожитковъ моихъ пограбилъ и что убытковъ мнѣ в четыре года од ево Чарнишева разоренiя стало—на 1230 р. 27 алтынъ».

совершенно нищимъ и понятно поэтому, что онъ такъ настойчиво добивался суда надъ своимъ сильнымъ врагомъ. Правда, «реестръ» этотъ составленъ самимъ обиженнымъ и возможно, что Кицешъ кое-что и преувеличилъ, но въ общемъ, мы думаемъ, что представленная имъ картина своего разоренія, вѣрна.

Между тѣмъ, Чарнышъ, знавшій настойчивость Кицеша, вновь собиралъ противъ него обвиненія, рѣшивъ насколько возможно затягивать разрѣшеніе тяжбы. Вновь были посланы вопросы къ Корицкому и Штишевскому, свидѣтелямъ Кицешевыхъ «неслушныхъ» словъ, и опять были получены отъ нихъ «сказки». Кромѣ того, вѣрный прислужникъ Чарныша въ Ковалевкѣ—сотникъ Демьянъ, въ письмѣ своемъ къ нему отъ 21-го августа 1720 года увѣдомлялъ о томъ, что онъ съ атаманомъ Драбомъ «особливо до пана полковника миргородского писалисмо стороны Опанасовихъ Волошиновихъ поступковъ, якъ в Сорочинцахъ жилъ послѣ ураду, и такъ без битности его панскоѣ пекскоро завзяли списокъ з ратуша Сорочинского»... А списокъ былъ не что иное, какъ произведенный въ 1719 году розыскъ, изъ котораго мы узнаемъ, какимъ путемъ Кицешъ доставалъ средства къ жизни. Оказывается, что въ это время онъ жилъ въ Сорочинцахъ и черезъ посредство своего «молодыка» укралъ у Михайла Шевца «девять паръ чоботъ червонцхъ», при чемъ самъ въ этомъ и повинился на Сорочинской ратушѣ... За этотъ проступокъ Кицешъ, по постановленію уряда и съ согласія миргородскаго полковника Апостола, былъ выселенъ изъ Сорочинецъ, а молодой на розыскъ признался еще и въ томъ, что онъ обокралъ церковь въ Лохвицѣ, а «червоній» отдалъ Кицешу... Этотъ документъ являлся въ рукахъ Чарныша важнымъ оружіемъ противъ Кицеша. Романъ Анапѣвичъ, полтавскій житель, просилъ въ это время отобрать у Кицеша коня, котораго тотъ у него забралъ и безъ котораго онъ не могъ отправиться въ походъ... Вообще, Чарнышъ не былъ застигнутъ врасплохъ, когда посланная изъ Иностранной Коллегіи грамота отъ 15-го іюня 1721 года была получена въ Глуховѣ. Ею повелѣвалось дѣло Кицеша съ генеральнымъ судьей «безволокитно» рассмотреть «мимо ево, генералного суди», столь-

нику Федору Протасьеву и глуховскому коменданту Богдану Скорпякову—Писареву «обще» съ кѣмъ-либо изъ генеральныхъ особъ. Несмотря, однако, на то, что грамотой повелѣвалось разсмотрѣть дѣло «безволокипно», оно тянулось еще цѣлыхъ два года, и Чарнышъ ему лишь извѣстными средствами затягивалъ его разсмотрѣніе. На этотъ разъ, обстоятельства были всецѣло на сторонѣ генеральнаго судьи. Извѣстно, что въ началѣ 1722 года гетманъ былъ въ Москвѣ, возвратившись откуда, въ полѣ того же года скончался, поручивъ управленіе дѣлъ черниговскому полковнику Павлу Полуботку и генеральной старшинѣ. Смерть Скоропадскаго явилась для русскаго правительства удобнымъ моментомъ для давно задуманнаго императоромъ учрежденія Малороссійской Коллегіи, долженствующей собою замѣнить гетманскую власть, и Коллегія тотчасъ же послѣ кончины гетмана была учреждена, при чемъ президентомъ ея былъ назначенъ бригадиръ Вельяминовъ. Между Коллегіей и Полуботкомъ, сразу же начались, какъ извѣстно, непріязненные отношенія и недоразумѣнія сперва изъ-за неточнаго разграниченія сферы вѣдѣнія Коллегіи, а потомъ изъ-за другихъ вопросовъ, совершенно заслонявшихъ собою незначительное по существу и не задѣвавшее никакихъ принципиальныхъ вопросовъ дѣло Чарныша съ Кицешемъ. Однако, Полуботокъ, желавшій сколько возможно избавиться отъ пареканій на безмѣрную волокиту въ генеральномъ судѣ, былъ озабоченъ скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла генеральнаго судьи съ Кицешемъ, которое такъ ярко характеризовало собою положеніе суда. Въ августѣ 1722 года Полуботокъ съ генеральной старшиной писали Чарнышу, требуя отъ него отвѣта на присланную еще въ 1721 году грамоту по дѣлу его съ Кицешемъ, но генеральный судья вскорѣ отвѣтилъ Полуботку, что въ челобитной Кицеша «ни единого нѣтъ правдивого слова, одно только вимисльное притворное его плутовство; либо можно и теперь з уликою его неправди существеннѣйшій учинити отвѣтъ, однакъ» Чарнышъ воздерживается отъ этого, желая затянуть дѣло, и проситъ обратить лишь вниманіе на декретъ генеральнаго суда 1717 года и на «свидѣтельства» о «продерзливихъ» словахъ Кицеша. Указывая далѣе на свидѣтелей

его правоты, Чарнышъ въ заключеніе пишетъ: «А за прибыттемъ всѣхъ вишеписанныхъ вѣри годныхъ людей, получить всенародній клеветникъ и *кого иннихъ* напрасній тяжкій обноситель істинный по Бозѣ себѣ отвѣтъ».

Но надежда на то, что Коллегія не будетъ столь же подкушна, какъ генеральный судъ, придала всѣмъ обиженнымъ этимъ судомъ и вообще старшиной смѣлости. Такъ, явился въ это время новый жалобщикъ на Чарныша, — Ѳеодоръ Шилченко, житель подставскій (гадяцкаго полка), который въ своей челобитной, поданной въ Генеральную Канцелярію въ октябрѣ 1722 года, излагаетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для характеристики Чарныша, какъ полковника. Дѣло было еще въ 1715 году. Къ Чарнышу пришли два брата Шилченки съ просьбой разобрать ихъ «заводъ» изъ-за подѣла; дѣло это было Чарнышемъ рассмотрѣно, и онъ паложилъ «вины панской» на брата челобитчика 100 золотыхъ; но на бѣду у того «грошей» не оказалось, и тогда Чарнышъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы приобрѣсти отцовскій лугъ Шилченковъ, цѣною въ 600 золотыхъ. Но, разумѣется, Чарнышъ не хотѣлъ дать за него настоящую цѣну, а предложилъ челобитчику 10 талерей, а брату его—8 копѣ. Братъ Шилченка, «не противячися ему (Чарнышу), что онъ в насъ властитель будучи», деньги прінялъ, но когда челобитникъ заявилъ, что продавать луга по такой цѣнѣ не хочетъ, то первый бросилъ ему деньги и «клаючи матерно» говорилъ: «Якъ ти не возьмешъ тихъ грошей—тебѣ велить намъ дати кіевъ сто!» Это предостереженіе подѣйствовало на челобитчика, и тотъ согласился. Торгъ, такимъ образомъ, былъ совершенъ, и полковникъ, довольный выгодною покункою, выдалъ, кромѣ того, братьямъ «оборонный» универсалъ, въ которомъ «поступовалъ намъ обоимъ (пишетъ Шилченко) изъ братомъ волности, жеби намъ волно было любъ то хоть горѣлкою шинковати, албо медомъ» и освобождалъ отъ всякихъ «долегливостей, абы предто сотникъ безъ волѣ его насъ нѣ на що не займалъ, нѣ тежъ атаманъ тамошній подставскій». — «Хоть и до смерти твоей—то мушу уволнити тебе», говорилъ не скупившійся на обѣщанія Чарнышъ Шилченку. Однако, не прошло и года,

какъ послѣ этого случая прѣхалъ въ Гадячъ новый полковникъ Милорадовичъ, пославшій отъ себя къ Шилченку Волошина, который взялъ съ него «девять копей кругового» и выгналъ «до вуйска» въ Переволочную. «И онъ» (Чарнышъ),—пишетъ далѣе Шилченко, —«не уволивъ мене ни в чомъ, грунтомъ моимъ владѣть до сихъ часовъ: тилко жъ было мнѣ волности дванадцать педѣль—и за тое далъ девять копѣ!» Оказывается далѣе, что Чарнышъ, еще прежде покупки этого грунта, имъ уже пользовался, вырубивъ въ немъ себѣ «на будипокъ кроквишъ и латвишъ» четыре тысячи («кроквиша по алтыну, а латвина по шагу»), а когда заявленъ былъ по этому поводу протестъ со стороны Шилченка, то полковникъ далъ ему десять талерей («что зрубалъ много пуши, чили за лугъ мой—того не знаю»), но при этомъ взялъ у него же «сѣна шестьдесятъ возовъ, луку подъ себе подвернулъ и пшву изъ житомъ засѣяшную, по половинѣ персоравъ», забралъ ее съ житомъ. На эту жалобу Чарнышу, видимо, было настолько легко оправдаться, что на ней имѣется лишь помѣта канцеляриста: «его милости напу судіи явити», а отвѣта самого судіи (какъ это мы видимъ, на примѣръ, на жалобахъ, собранныхъ Милорадовичемъ) нѣтъ.

В. Модзалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Степная Лубенщина ¹⁾.

Глава Ш-я.

Юго-западная и западная степь. Денисовская и Яблоновская волости.

Селенія къ востоку отъ Золотоношской дороги по лѣвому и правому берегамъ Большой Оржицы и по Чевельчѣ. Селенія къ западу отъ Золотоношской дороги: по Чумгаку, по Сухой и Гнилой Оржицѣ.

По Золотоношской дорогѣ у широкой торфяной долины, образовавшей сліяніемъ трехъ рѣчекъ: Чумгака, Сырой и Гнилой Оржицы, идущихъ далѣе къ Золотухамъ и Денисовкѣ подъ именемъ Большой Оржицы, ²⁾ расположилось въ плодородной степи ³⁾ продолговатое село Савинцы. О началѣ села ничего неизвѣстно. «Бувъ якыйсь Савка, козакъ» — и только. Онъ жилъ на древнѣйшемъ кутѣ вблизи старой церкви св. Дмитрія, сгорѣвшей въ 1783 году. Въ слѣдующемъ году выстроена вторая по времени церковь въ честь св. архистратига Михаила ⁴⁾. Въ настоящей церкви сохранилось нѣсколько остатковъ старины, между прочимъ двѣ намѣстныя иконы въ $\frac{1}{2}$ аршина ширины и 1 аршинъ

1) См. Кіевск. Стар. 1904 г., № 3-й.

2) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ. 327. Ляскоронскій. Истор. Переясл. земли. 45.

3) Въ почвѣ 4,94% гумуса. Матер. къ оц. зем. полт. губ. П. Луб. у. 44.

4) А. Грановскій. Полт. епарх. 417. Савинцы относились въ перой половинѣ XVII в. къ Переяславскому староству.

съ четвертью длины, изъ древняго икопостаса съ изображеніями Спасителя и Богоматери, покрытыми только выпуклыми шатами, но съ темнымъ, некрытымъ серебромъ фонсмъ, отчего самыя изображенія производятъ впечатлѣніе статуй, выступающихъ изъ узкихъ нишъ. Есть и храмовая икона св. Дмитрія, и огромная икона, изображающая іерарха, будто бы св. Аоанасія, константинопольскаго патріарха, съ небольшою черной фигуркой, приковавшею внизу, значеніе которой неясно. Изъ обрядовыхъ предметовъ примѣчательна дарохранительница 1798 г., пожертвованная козакомъ Павломъ Бабакомъ, а изъ книгъ—евангеліе Львовской печати, пожертвованное Ромепскимъ. Самое село раздѣляется на слѣдующіе куты: Юрченкивъ, со стороны Золотухъ и Деписовки, на которомъ живутъ козаки того же имени, Горнявщина, прежде Монастырка, жилье Халявъ, Грабивщина—Грабивъ и Саблей, Корнявщина,—«кущыкъ хать, обиходчустый куточокъ», Подиль—«нызьке мисто, роздоль и выгоонецъ, а кругомъ хаты»; а за нимъ еще три кута: Балакливщина, гдѣ живутъ Балаклицы, рядомъ Бабакивщина, жилье Бабакивъ, «тикавшихъ зъ Калайденскихъ лисивъ въ стешы»¹⁾, и Польща, на которой живутъ Поляшкы. Всѣ куты одинаково лишены садовъ и всякой другой растительности. Число жителей, достигшее въ концѣ XVIII вѣка (въ 1794 г.) 1000 душъ, теперь удвоилось (2176). Населеніе большею частью козацкое, средняго роста, темпорусое, сухощавое. Есть богатыри, имѣющіе по 50—70 десятинъ и даже 200, но большинство обладаетъ лишь 2—10 десятинами и есть много беззе-

¹⁾ См. «Лѣсн. Лубенц.» 56, 60.—Хутора Савинской дачи называются: Грабовъ, основанъ Грабами и Минками, Савинскій, принадлежавшій Богаевскимъ, изъ которыхъ Левъ Васильевичъ въ концѣ XVII в. занималъ сотничій урядъ, населенный крестьянами: Горбатенками, Грозами, Киносами, Пастрямами, Тимками и Штокаленками, и Асауленка, жилье Пампуръ и Нидгорныхъ; а мѣстныя могилы носятъ названіе: Батейкова, Блызныци, Черноморка («у ій похованъ переселенець»). О нихъ рассказываютъ: «Якисъ шведы насыпали собі могылы, вовы не давали пахать нашимъ предкамъ. Наши булы въ Іблонови».

мельныхъ. Хозяйство въ старицу было мелкое, за дешьги земля шла по 75 коп.—1 р. за десятину, зажимали за 3-й спонъ на хозяйскомъ продовольствіи, сѣнокосы снимались съ половины урожая, а болота и совсѣмъ не косились. Теперь, конечно, все измѣнилось. Наемъ земли дошелъ до 15 руб. за десятину, зажоги до 6—7 спона съ отработкомъ 2 дней съ десятины; степное сѣно убирается за 8 копицу, и болота пошли въ ходъ, по 7—13 руб. за десятину.

Къ юго-востоку отъ Савинець расположилось на пезначительныхъ возвышеніяхъ лѣваго берега Большой Оржицы круглой формы село Золотухи, съ трехъ сторонъ охваченное болотомъ. Сельскія постройки не стѣснены, но садовъ возлѣ нихъ или рощъ нѣтъ, почѣму село кажется голымъ и некрасивымъ. О названіи и о происхожденіи села, существовавшего уже въ первой половинѣ XVII в. и принадлежавшаго къ Переяславскому староству ¹⁾, сохранилось только такое преданіе. «Золотухы давни, тильки мало села було. Началось до ричкы, зъ урочища Гайвъ. Кажуть, изъ начала жывъ якыйсь Золотарь. Чы вишь Золотарь и йсть, чы така фамилія—незвисно». Передъ селомъ видѣется выгонъ и широкая улица, также похожая на выгонъ. Послѣдняя по преданію принадлежала прежде отдѣльному владѣльцу Тарасенку, потомъ обращена въ общее пользованіе. Отъ дороги влѣво расположенъ кутокъ Зацаринный, жильє древцяго, бытъ можетъ древнѣйшаго, мѣстнаго рода козаковъ Семенковъ и Бурыхъ, также древнихъ. Въ избраніи Самойловича участвовалъ Лубенскій эсауль Никита Бурый ²⁾. Слѣдующій кутокъ Петрикивщина, жильє Петриковъ. Къ рѣчкѣ прилегаеть Солонецъ, на которомъ живутъ Рудники и Самойленки. Рядомъ съ Солонцами на Кривохиживщинѣ, жительствѣ Кривохижъ, показываютъ мѣсто старой церкви, построенной въ 1784 г. сотеннымъ асауломъ Василюемъ Яблоповскимъ ³⁾. Возлѣ дверей найдена и надпись объ этой постройкѣ. Вблизи стоитъ и

1) Грановскій. Полт. епарх. 405.

2) Лѣтон. Вел., II, 317.

3) А. Грановскій. Полт. епар. 405.

повая Михайловская церковь, выстроенная въ 1875 году ¹⁾, окруженная молоденькими деревьями. Въ срединѣ села по обѣимъ сторонамъ дороги расположень кутъ Казенщина, паселенный выморочными крестьянами Тумацкаго ²⁾, Боженками, Литвищенками, Патаками и Яременками. «Ти люде продали казенцу землю козакамъ, не хотили одбуткивъ одбувать, ихъ измырылы и Сучыча пазначылы старшиною, а ту землю одъ козакывъ одибралы». Справа отъ дороги расположены куты: Реутивщина, жильє Реутивъ, и хуторокъ Зайци—Зайцивъ и Пашкивъ ³⁾.

Всего жителей въ селѣ съ окрестными хуторами 1668 душъ. Золотухи богатѣйшее село въ уѣздѣ землею. Лучшіе хозяева обрабатывали въ старину землю самостоятельно четырехпарными плугами, а болѣе мелкіе спрягались вчетыреь по парѣ. Хлѣбопашество было такое же незначительное, какъ и вездѣ. «Лѣнивъ не було понятія, тильки для прядыва». Теперь, взамѣнъ традиціоннаго 3-го снопа, хлѣбъ снимается съ 4-го съ большими отработками и съ 5—6 безъ отработка. Прежде хозяинъ получалъ треть сѣна, теперь три четверти и четыре пятыхъ; болото скашивается съ половины, которую половищикъ обязагъ доставить хозяйину. Козаки имѣли прежде по 3—5 коровъ, 5—10 лошадей, по десятку свиней и по 10—100 овецъ. Мѣстные жители помнятъ еще о древнѣйшемъ способѣ пастыбы общаго стада каждымъ хозяиномъ поочередно ⁴⁾; потомъ пазимались по 2 пастуха для чередь и по 1-му для черидокъ, съ уплатай «шестышпой» коробки ⁵⁾ отъ головы—первымъ и по гарницу—последнему. Теперь пастуху платится по 1 п. отъ рогатой скотины и лошади.

1) и 2) Ib.

3) Вокругъ села разбросаны хутора: Тарасенковъ, 8 хать, населенныхъ Тарасенками, Норки—Петриками и Норками, и могилы: Гусятына, Лубенська, Мійська и Хмелева; о послѣдней говорятъ: «у йй два лѣха, по сей бикъ одынъ, а по тій бикъ—другий. Хлопецъ у баптани сыдивъ и чувъ якъ щось тамъ загуло».

4) Откуда и названіе череда—очередь. П. Ефименко. Догов. о наймѣ пастух. 1878 г. 62.

5) Шестую часть четверти.

Противъ Золотухъ за плоской, аллювіальною ¹⁾ долиною Большою Оржицы, по уборкѣ сѣна полной стогами, такими же частыми, какъ и въ м. Оржицѣ, скучены козацьи постройки села Денисовки на усадьбахъ, почти лишенихъ садовъ, у просторнаго выгона. Мѣстный помѣщикъ, извѣстный ученый и писатель В. В. Лесевичъ такими чертами набрасываетъ положеніе села. «Денисовка удалена отъ городовъ, желѣзныхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ, почтовыхъ путей и даже какъ бы спряталась и отъ сѣти проселочныхъ сообщеній, пріистившись на излучинѣ маленькой рѣчки, оставляющей подходъ къ селу только съ одной стороны ²⁾. О началѣ села жители передають: «Якійсь то тутъ бувъ чоловікъ Денесь; до ёго стали підходити други». Первый кутокъ отъ царины, со стороны Савинець, называється Лопатинь, — «тамъ засивъ Лопатынь»; далѣ Бойківъ, — заселень Бойками и Слинками (Кожушными), Морозивській, жилье Морозовъ, пришедшихъ изъ Лубенскихъ окрестностей изъ Вышого Булатца, также Сергієнковъ. За ними расположены куты: Ченивській, жилье Чепъ, Губаривській—Дмитренковъ и Забридный или Бридокъ—незначительное возвышеніе, поросшее вербами и кустами, на которомъ по преданію жилъ самъ осадчій. «Ие вербы и висока мистына, кружапына, а потимъ ричечка и черезъ ричечку Денесь йиздывъ воламы, вона милка, а се лито ³⁾ унычожылася. Була слобода ныжче по-надъ ричкою за Бридкомъ и царына була по сей бикъ теперешней царыны, а тутъ слободы не було, се було кладовыще; и яки то были непріятели; на круглій могыли виха стоить, п якъ вона хылытся, такъ люде втикають сюды, потимъ виха одійшла и люде роботають». Вблизи видна усадьба В. В.

1) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 326.

2) «Денисовскій козаць Р. Ө. Чмыхало, его сказки и приказки», очеркъ изъ «Міра Божія», читанный авторомъ въ Засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Импер. Геогр. Общ. 23 дек. 1894 г., и заключающій въ себѣ очеркъ личности деревенск. интеллигента Чмыхала и пересказъ сказки и двухъ приказокъ.

3) 1903 года.

Лесевича, потомка старинной малорусской фамилии. Уже во времена Богдана Хмельницкаго дворянинъ Лесевичъ командовалъ отрядомъ на Волыни ¹⁾. Затѣмъ, по фамильнымъ воспоминаніямъ, Костантинъ Лесевичъ переселился изъ села Лисовичей, возлѣ Таращи, кievской губерніи, на лѣвый берегъ Днѣпра въ зипковскій уѣздъ. Сынъ его Даниилъ былъ Гадячскимъ полковымъ судьей, а внукъ Владиміръ женился на Лукашевичевой, за которой получилъ въ 1748 г. Денисовское имѣніе въ приданое, и сынъ его коллежскій ассесоръ Викторъ Владиміровичъ, кончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, жилъ и хозяйничалъ въ Денисовкѣ. Обширный, запущенный паркъ усадьбы и плодовой садъ, полный грушъ, яблонь, абрикосовъ и волошскихъ орѣховъ, спускается въ долину Оржицы. Въ саду поставлены рядомъ три розовыхъ кристалическихъ валуна ²⁾. Домъ старый, съ крутой соломенной крышей, состоитъ изъ перепутанныхъ комнатъ, пристроенныхъ большею частью впоследствии, первоначальная же часть постройки, какъ видно еще и теперь, заключалась въ сѣняхъ, хатѣ и свѣтлицѣ или комнатѣ, помѣщавшихся въ ряду соседнихъ крестьянскихъ хатъ на выгонѣ. На дворѣ устроены артезианскій колодезь. Къ усадьбѣ прилегаютъ «Чмыхаливскій кутокъ», на которомъ, кромѣ Чмыхаль, живетъ и часть бывшихъ крестьянъ Лесевича. Далѣе прорѣзываетъ село «Бублыкivскій кутокъ», жилище Шабливъ и Бублыкivъ. «Бублыкivъ кутокъ серединою начався, серединою и кончается» ³⁾. Въ самой срединѣ, между стѣснившимися постройками стоитъ церковь св. Іоанна Богослова съ песоразмѣрно высокой колокольней. До 1778 г. Денисовка числилась хуторомъ

1) Владимірскій-Будановъ. «Передвиж. населен.» въ Кіев. Стар. 1888 г., VI, 95.

2) Въ восьмидесятихъ годахъ было только два валуна, о которыхъ упоминаетъ профессоръ Гуровъ (Геолог. опис. 327).

3) Части болотъ возлѣ Денисовки называются: Липки, Островъ, Половецкѣ («въ древности тамъ половци жылы»), поля: до Переясловскои, Фесенковои и Оржицкой могилъ, и выселки: Гапонивъ, Вильховый, Оверкивъ и др.

сотника 2-й Лубенской сотни Ограновича, и съ этого года основана церковь, перестроенная въ 1854 году, а колокольня—въ 1882 г. ¹⁾). Всего населенія въ приходѣ 2250 душъ. Денисовка—не бѣдное село. Среди козаковъ славился прежде богатствомъ Бубликъ. «У Кузьмы Бублика было 100 десятинъ. 5 группивъ пидсусидкивъ, три млына, шынокъ, 1—2 плугы. И зачавъ вишь хурсовать, прасолувать ²⁾), та не прыйде на праздныкы до-дому и мотавсь и кравь коней и воливъ, вымотувавсь, и все спустывъ, оставсь голый, понавъ въ острогъ и тамъ у острожи умерь». Большинство козаковъ имѣло по 1 плугу. Козаки разводили пчель по 50—100 шней. О старомъ панскомъ хозяйствѣ Виктора Владиміровича Лесевича почти ничего неизвѣстно, такъ какъ онъ давно скончался, но и въ дѣтствѣ его сына, Владиміра Викторовича, когда имѣніемъ управляли: опекунъ Горбачевскій, родной братъ матери малолѣтняго владѣльца, и приказчикъ Яковъ Степура, хозяйство оставалось все еще значительнымъ. Оно заключалось въ 1200 десят. земли, земляной мельницѣ (топчакъ), випокуриѣ, завѣдываемой крестьяниномъ Марченкомъ, дѣти котораго и теперь называются винниками, 25—30 коровахъ съ 2 быками, табушъ гнѣдыхъ кобылъ съ гнѣдымъ жеребцомъ, и 1000 головъ меринсовъ. Несмотря на такое развитіе хозяйства, крѣпостнымъ жилось въ Денисовкѣ лучше, чѣмъ въ другихъ селахъ: «непринуждени были люде, папы не стиспялы». Тяглые, въ числѣ 50 хозяевъ, получали по 7 десятинъ на семью, владѣніе плугомъ—сверхъ того еще десятину на плугъ, а пѣшіе получали по 3¹/₂ десятины на семью. Выбрасывался третій снопъ и наблюдалась тридневка. Еще съ большей гуманностью отнесся къ крестьянамъ Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ, вступивъ во владѣніе имѣніемъ. Онъ подарилъ освобождаемымъ крестьянамъ усадьбы, выгоны и пятую часть выкупной ссуды, остальные четыре пятыхъ, 6500 руб. отдалъ крестьянамъ

¹⁾ А. Грановскій. Полт. епарх. 410.

²⁾ Прасольство—скупъ сборныхъ предметовъ: скота, сала, кожъ, щетины и т. п. (И. С. Аксаковъ. Изслѣд. о торг. на украин. ярм. С.-Пет. 1858 г., 33).

же на устройство школы и ссудной кассы; затѣмъ онъ не оставилъ и освобожденныхъ крестьянъ безъ помощи, арендовавъ имъ около 400 дес. земли въ пачалѣ по 2 р. 25 к. десятину и «съ большою предусмотрительностью поставивъ условіемъ, чтобы арендный договоръ возобновлялся ежегодно, причемъ прежніе арендаторы должны принимать къ себѣ въ товарищество на равныхъ правахъ всѣхъ, кто пожелаетъ изъ ихъ общества. Аренда и послужила источникомъ сравнительнаго благосостоянія крестьянъ, чему не мало способствовала, кромѣ вышеупомянутаго условія, необычайно низкая арендная плата. Благодаря арендѣ, крестьяне не знаютъ ни отработковъ за землю, ни погоны за клочками земли, ни отдачи скота на выпасъ»¹⁾. Положеніе другихъ Денисовцевъ, не участвующихъ въ этой арендѣ, представляется слѣдующимъ: земли нанимаются по 14 руб. за десятину; закупаются за 5-й спосъ съ отработкомъ по востребованію и за 6-й съ отработкомъ двухъ дней съ десятины. Степной сѣнокосъ нанимаются по 9—10 руб., лучшей по 5—6 р. за десятину; изъ послѣдняго получаютъ 3 стога или 20 копенъ сѣна на десятину. Есть и общественный сѣнокосъ, который скашиваютъ всѣ въ одинъ день и получаютъ столько сѣна, сколько каждый успѣлъ покосить для себя²⁾. Сохранились и общественныя стада съ платежемъ поль копы ржи за пару воловъ, 50 коп. отъ коровы, по 1 р. отъ лошади и по 12 к. отъ овцы.

Къ югу отъ села глухая, хмурая степь Денисовской волости начинаетъ пѣсколько оживать, даже улыбається, какъ у Зарога. Съ одной стороны дороги мелькаютъ козачьи хуторки Рожковъ съ хорошими усадьбами, рощами, садами, степными колодезьями, съ другой стороны раскинулись по взгорью большіе хутора Климен-

¹⁾ Сбор. хозяйств. стат. полт. губ. VI, Лубенск. у., 103. Слѣдуетъ добавить, что составитель сборника соединилъ въ одну группу какъ бывшихъ крестьянъ В. В. Лесевича, такъ и Ломиковской, освобожденныхъ на менѣе выгодныхъ условіяхъ, почему благосостояніе первыхъ показано ниже дѣйствительнаго.

²⁾ Ibid. 235.

ковъ и Лесевичевъ, почти сливающіеся, населенные Дмитренками, Лавриненками, Марченками, Прудкими, Сокирками, Шереметами и др. Но отрадное впечатлѣніе исчезаетъ со взлѣдомъ въ Чевельчу. Пограничная съ золотопошскимъ уѣздомъ Чевельча расположена на лѣвой сторонѣ ручья того же имени и состоитъ изъ однообразнаго ряда избъ съ промежутками межъ ними, иногда въ сажень и того меньше, часто даже не огражденными плетнями, почти безъ зелени. Чевельча основана въ началѣ XVIII в. Кулябками; по имени одного изъ нихъ, земскаго комиссара Лубенскаго повѣта Николая ¹⁾, село называется еще и теперь Николаевкой. Кромѣ Кулябокъ, здѣсь были также владѣнія Значка Яворскаго и Закревскаго. Сообразно этимъ владѣніямъ, и самое село дѣлится на три части: Значкивку или Яворивщину, расположенную на холмѣ за рѣкой, населенную крестьянами: Божками, Бодаренками, Бибиками, Бутенками, Кочергами, Ладыками, Регушами, Рябухами, Рыбчиками или Рыбченками; Кулябкивку или Максимовку,—среди села, жилье: Балацырѣй, Бурлакъ, Голосенкивъ, Зинькивъ, Косенкивъ, Коломійцевъ, Сербиновъ и Сукноваловъ. На третьемъ кутѣ, Закревщицѣ или Сторожовкѣ, находящемся съ Оржицкой стороны, живутъ: Бодаренки, Дренгали, Овчаренки, Повстины и Царишны.

Эти крестьяне приведены папами въ Чевельчу изъ разныхъ мѣстъ черниговской губерніи, и прилукскаго, пчирятинскаго и константиноградскаго уѣздовъ—полтавекой.

Посреди села рѣчка разливается, образуя длинный, типичный, покрытый ряской и частью заросшій камышемъ, прудъ. Вдоль пруда и на взгорьи разбросаны, среди густо разросшагося орѣшника, вѣковые бересты, осокори, покрытые мхомъ, и итальянскіе тополи (яворы). Этотъ спящій прудъ съ отраженными въ водѣ вѣковыми деревьями полонъ задумчивой поэзіи. За нимъ на холмѣ видѣнъ запущенный паркъ и садъ, приводящіе къ длинному, каменному, одноэтажному дому съ 38-ю комнатами

¹⁾ См. «Средн. Лубенц.» въ Кіев. Стар. 1903 г., IX, 281.

и куполообразнымъ мезониномъ, построеннымъ сенаторомъ А. Я. Стороженкомъ, скупившимъ разновременно всю Чевельчу. Противъ дома, на площади, короткая липовая аллея ведетъ къ церковному погосту, обсаженному желтой и бѣлой акаціями, берестами и тополями. Здѣсь подь мраморнымъ памятникомъ погребенъ сенаторъ, умершій въ 1858 году семидесяти лѣтъ. Церковь основана въ 1780 году прапорщикомъ Яковомъ Кулябкой въ виду крайней необходимости, такъ какъ весенній разливъ, затопивъ село, прекращалъ сообщеніе съ сосѣдней Скаржиновкой, ¹⁾ и мѣшала людямъ говѣть. Эта церковь строилась съ потолкомъ, какъ домъ, съ камышевой, потомъ тесовой кровлей; послѣ поправки 1814 года, она держалась до 1881 года, когда перестроена заново ²⁾. Внутри церкви нѣтъ ничего особенно интереснаго. Небольшая иконка патрона Стороженка, св. Андрія Критскаго, въ роскошной ризѣ, двѣ большія картины масляными красками, изображающія пророка Іону и Іосифа съ ангеломъ предъ побѣгомъ въ Египеть, да люстра, взятая изъ дома Стороженка. Въ этомъ домѣ хранились прежде: большая библіотека и картинная галлерея, оцѣненная въ 100 т. рубл.; на царнѣ содержалось 30 охотничьихъ собакъ, на конюшнѣ—бѣлыя выѣздныя лошади. Жизнь текла шумно и весело; особенно веселились на именинахъ хозяина, 4-го іюля, когда къ нему съѣзжались гости изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. Такая жизнь поддерживалась обширнымъ хозяйствомъ, развѣвавшимся на прострaнствѣ 3 т. десятинъ. Занашка производилась 18—20 плугами въ большомъ размѣрѣ: ржи для винокурни, ячменя для пивоварни. Одного льна засѣвалось 50 десятинъ. Лѣсъ и шпено отвозились въ Крымъ на 9 паряхъ, а оттуда привозилась соль. И скотоводство было значительное: до ста рабочихъ лошадей, 40 породистыхъ рыбыхъ и красныхъ ко-

¹⁾ и ²⁾ А. Грановскій. Полт. епарх. 411 и 417. Въ этомъ сочиненіи Скаржиновка или Созоновка причислена къ лубенскому у., тогда какъ въ дѣйствительности вся она съ церковью находится за административной чертой въ золотоношскомъ у., почему и не описана здѣсь.

ровъ съ 2—3 быками и 6000 мериносовъ съ баранами изъ екатеринославской губерніи. Двадцать семей тяглыхъ крестьянъ получали по 9 десятинъ на семью, пѣшіе по 3 десятины. И тѣ и другіе работали по 3 дня въ педѣлю, а въ страду до полного окончанія косовицы и жатвы. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, крестьяне взяли лишь 500 десят. педѣла, а размножившееся населеніе дошло до 2000 душъ, мѣстныхъ же цѣны пайма — 15—20 руб. за десятину.

Послѣднее село Денисовской волости Круподеринцы расположено подковообразно съ отверстіемъ, обращеннымъ къ рѣчкѣ Чумгаку. Названіе села объясняютъ такъ: «Кажуть бувъ якыйсь Круподеря, панъ на Подолѣ пры води». Такимъ образомъ древнѣйшимъ кутомъ признается Подоль, прилегающій къ Чумгаку и составляющій сѣверный край подковы. «Тутъ була стара церква на огороди Япенкивъ, очеретомъ крыта и цегла йе». На самомъ Подолѣ живутъ козаки Япенки, изъ которыхъ Данило былъ пѣкогда денисовскимъ головой; затѣмъ часть Подола—Рудикивщина занята козачьимъ родомъ Рудныкивъ, а другая, лежащая ниже «у шпыль» Гамаливщина, населена козаками: Гамалиями, Палиями и Малнченками (Йиськамы). На Подолѣ живутъ и крестьяне собственники, бывшіе во владѣніи Полторацкаго, потомъ Забѣлы. За Подоломъ помѣщается Тарапівка, на которой жилъ прежде Додатко, «ходывъ винъ по селу, умомъ тропувсь и ёго боялысь». На пей живутъ Тарапы и Зипченки (Лысенки). Еще далѣе въ степь лежить Ковтунивка, жительство Ковтунивъ. «Воны захожи зъ-нидъ Лубень, багатенькый народъ: и мельница, и загоны, и пасишыкы добри,—понавозылы снидъ Лубень 500 шпивъ». Къ одной изъ Ковтунивень присталъ Ведмедь изъ Бѣлоусовки. На Ковтуновкѣ стоитъ и церковь въ честь рождества Пр. Богородицы, перестроенная въ 1872 г. ¹⁾, просторная съ бѣлымъ шко-

¹⁾ Старая церковь выстроена въ 1784 г. (Грановскій. Полт. епар. 409), изъ нея сохранились три старыхъ евангелія: 1, подаренное священникомъ М. Савинскимъ, 2,—Анной Сизонихой и 3-е подаренное Г. С. Ковтуномъ.

постасомъ. Около церкви и царпы расположенъ кутокъ Товсто-
пятивка, жиле Товстоіятивъ и Толочинъ. Затѣмъ по самой сре-
динѣ подковы село нѣсколько уклоняется въ сторону, образуя
два кута въ разныхъ направлєніяхъ: Новоселицу или хуторъ, къ
Савинцамъ, населенный людьми тѣхъ же фамилій, что и въ пе-
речисленныхъ кутахъ, и Воропівку или Кулыківку, къ Че-
вельцѣ, прежде жиле Кулыківъ, уже исчезнувшихъ, теперь Во-
ронъ. На южной сторонѣ подковы помѣщаются: Паливка, дре-
вній кутокъ, жиле Палиєшківъ и Сергієшківъ, и на краю, по Бѣ-
лоусовской дорогѣ, Драпівка, гдѣ жилъ панъ Соколовскій и ёго
крестьяне: Галушки и Юрченки. Старое козацкое хозяйство и
здѣсь было непачительнымъ. Хозяева имѣли по плугу, 1—2 ко-
ровы, съ десятокъ лошадей да по 2—3 десятка овецъ, хотя въ
землѣ не было недостатка. «Ничто тогда и степу не стереже, зн-
нѣвать ¹⁾ така була, шо прійде чоловікъ та паруба, щобъ то-
пыть. Ни коней, ни товару не выдать за пею». Нѣшіе убирали
хлѣбъ съ 3-го снопа на хозяйскихъ харчахъ. «Биди вопы булы
и земля есть, а ничимъ обработать». Молотили хлѣбъ за 3-ю ко-
робку. Сѣно снималось съ 3-й копны. Въ небольшомъ имѣніи
Соколовскихъ всѣ крестьяне были нѣшіе; въ болѣе значитель-
номъ—Полторацкаго—крестьяне имѣли прежде разное количество
предковскихъ земель, но помѣщикъ Николай Забѣлло, купивъ
имѣніе Полторацкаго, перераспредѣлилъ всю крестьянскую землю
однообразно, выдѣливъ по 2 десятины на пару воловъ и по
поддесятины нѣшимъ. Онъ же отмѣнилъ старый крестьянскій обы-
чай поставлять вмѣсто себя на нащину наемщиковъ «Преже
було якъ багатый, то найме за себе наймыта, такъ панъ того не
позволявъ». Другого направлєнія держался сынъ его Иванъ Ш-
колаевичъ, бывшій предводителемъ дворянства во время такъ на-
зываемаго возрожденія Лубенщины, въ семидесятыхъ годахъ, когда
въ земскихъ дѣлахъ и мировомъ судѣ приняли участіе молодые
дѣятели съ М. Т. Симоновымъ во главѣ. Иванъ Николаевичъ
поддерживалъ эти добрыя начинанія въ уѣздѣ, а по отношенію

¹⁾ *Cytisus biflorus* L'Her.

къ крестьянамъ былъ весьма гуманенъ, отдавая имъ въ паемъ землю по низкой цѣпѣ¹⁾. Предъ смертию онъ, съ согласія жены Софіи Николаевны, женщины возвышеннаго характера, пламенно преданной добру, подарилъ все состояніе мѣстному земству. Теперь всего жителей въ Круподеринцахъ 2263 души. Населеніе довольно высокаго роста, темпорусое съ свѣтлыми глазами, иногда встрѣчаются лица съ правильными чертами. Одежда та-же, что и во всей Денисовской волости, у мужчинъ лѣтомъ преобладаютъ соломенные шляпы, у женщинъ сохранились еще очинки съ перекладомъ посредиѣ, темные корсеты «до усивъ» съ красными цуговками у талии. Моды эти отличны отъ смежныхъ золотопошскихъ. «Тамъ довга одежда и ставлять выще стаѣ и метелькы нашивають». И до сихъ поръ сохранились кулачные рождественскіе бои съ сосѣдными Филипповичами.

Филипповичи или Хуторецъ, Яблоновской волости, расположены на лѣвомъ берегу Чумгака, вблизи Яблонова. Первое названіе объясняется только помощью предположенія о переселеніи сюда жителей изъ волинскихъ Филипповичей, Луцкаго повѣта, опустошенныхъ во времена Богдана Хмельницкаго²⁾; второе—принадлежностью села въ качествѣ хутора до XIX в. къ Яблоновскому приходу. Филипповичами издавна владѣла прилукская дворярская фамилія Ограновичей, происходящая отъ прилукскаго бурмистра, потомъ войта (1685, 1687 г.г.) Григорія Корніенка или Корніевича, женатаго на дочери лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки. Однѣ изъ сыновей войта, принявшихъ фамилію Ограновичей, Михаилъ занималъ уряды: прилукскаго полкового судьи, потомъ обознаго (1709—1737 г.г.)³⁾ и въ 1725 г. участвовалъ

¹⁾ Сборн. хоз. стат. Полт. губ., т. IV. 236.

²⁾ Владимірскій-Будановъ. Передвиж. южнор. населен. въ Кіев. Стар. 1888 г., VI, 83.

³⁾ Лазаревскій. Прудукск. полкъ. въ Кіев. Стар. 1900 г. X., 94 и 1894 г. VII, VIII, 57, 58, 60.

въ Гилянскомъ походѣ, ¹⁾ а внукъ Яковъ Михайловичъ былъ также приплукскимъ обознымъ въ 1767—1770 г.г. ²⁾

Нѣсколько ранѣе, въ 1759 г., другой Ограновичъ, Павелъ, занималъ урядъ лубенскаго хорунжаго ³⁾, а въ 1779 г. Алексѣй Михайловичъ Ограновичъ произведенъ Румянцовымъ въ войсковые товарищи «за пріобрѣтеніе въ наукахъ познанія» ⁴⁾.

Филипповичи ⁵⁾ подраздѣляются на слѣдующіе куты: Якимовскій, жилые крестьянъ владѣнія Акима Ограновича—Орябцивъ, Погорѣлыхъ и Шкодъ; Катренинъ, получившій названіе отъ бабы Катри, гдѣ живутъ бывшіе крестьяне Ст. Ст. Ограновича: Огородніе и Батраки. Затѣмъ на главной «Билій» улицѣ, ведущей къ усадьбѣ означеннаго Ограновича, теперь купленной козакомъ Г. Гречукомъ, живутъ крестьяне: Огородни, Ткаченки и др. Последній кутокъ Побережье занятъ крестьянами: Силками, Тютюнниками и Шпуриками. Стенанъ Степановичъ Ограновичъ, управлявшій за отсутствіемъ брата, генераль-лейтенанта Николая, считался хорошимъ хозяиномъ. Въ имѣніи были: впокуранный и селитренный заводы, земляная и водяная мельницы, 50 паръ воловъ. 25 рабочихъ (скарбовыхъ) лошадей и 12 выѣздныхъ, кромѣ матокъ и жеребца. Тяглые, число которыхъ въ имѣніи превышало число пѣшихъ, получали по 4 десят. поля и по 1 дес. болотистаго сѣнокоса, пѣшіе по 3 дес. на семью. Весь хлѣбъ спинался съ 3-го снопа и лёнъ съ 3-й горсти; «одбутокъ»—былъ четырехдневный. Во время полевыхъ работъ въ имѣніи устраивались дѣтскія ясли. Стенанъ Степановичъ имѣлъ привычку пря-

1) Лѣт. Самов. 101.

2) Лазар. Прил. полк. *ibid.*

3) Лазаревск. Истор. очер. Полт. Луб. 76.

4) Лазаревск. Распор. гр. Румянц. по управл. Малор. 15.

5) Кромѣ владѣній въ Яблоновской волости: Филипповичей и Рудки, Ограновичамъ принадлежали еще части селъ Денисовской волости: Савинецъ, Денисовки и Чевельчи (Грановскій. Полт. спарх. 410, 411) Засульской: Еркوصы и Засулье, Лубенской: Осовцы и домъ въ Лубнахъ. (Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Луб. 83, 84, 98, 104 и 106).

тать и разсовывать деньги по диванамъ, стульямъ и столамъ, по запрятанное такимъ образомъ золото и бумажки какъ то исчезли, и приглашенный наслѣдникомъ специалистъ, перерывъ всё и взломавъ фундаментъ, нигдѣ ничего не нашель. Послѣдній отпрыскъ угасшей вѣтви фамиліи Ограновичей, Николай Антоповичъ, былъ нѣсколько трехлѣтій лубенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Возлѣ его усадьбы на погостѣ стоитъ ослѣпшая старыми липами, кленами и яворами церковь св. архистратига Михаила съ красивымъ бѣлымъ иконостасомъ внутри и съ необщепринятыми изображеніями: св. архіепископа Николая въ тиарѣ и Божьей Матери въ видѣ мадонны. Церковь построена въ 1803 г. Григоріемъ и Иваномъ Ограновичами, перестроена въ 1867 г. ¹⁾ На погостѣ и склепъ Ограновичей. Всего жителей въ приходѣ 1168 душъ. Экономическое положеніе ихъ неудовлетворительно вслѣдствіе затрудненія въ наймѣ земли.

Выше Филипповичей, на лѣвомъ берегу Чумгака, раскинулось довольно большое село Перервицы по обѣ стороны почтовой дороги изъ Лубенъ на Переяславль, на разстояніи двухъ верстъ. Чумгакъ, берущій начало за 45 верстъ отъ лубенской граицы у с. Черниховки, пирятинскаго уѣзда, протекаетъ мимо Перервицеи и далѣе ничтожнымъ ручьемъ. «Чумгакъ, кажутъ, такъ проходявъ: зійшла вода тай нема». Перервицы крайній западный предѣлъ Лубенины, глубоко вдавшійся въ оба смежные уѣзда. Граница мѣстной дачи отъ с. Бѣлоусовки, золотопошкаго у., указана въ дневникѣ генеральнаго подскарбія Якова Маркевича: «Отъ яру Сухомозскаго до Острой Могилы и отъ нея до шляху Яблунскаго» ²⁾. О пирятинской же границѣ жители передаютъ:

¹⁾ Къ приходу принадлежитъ хуторъ Алексѣевка или Ярчивъ. Первое названіе происходитъ отъ имени помѣщика Алексѣя Ивановича Ограновича, женатаго на Ульянѣ Петровнѣ Милорадовичъ, второе отъ привычки его носить овчинную шапку и бурку, почему крестьяне говорили: «Онъ пде павъ ярка». Крестьяне, числомъ 100, носятъ фамиліи: Грипы, Гуртови, Унды и др., переведены изъ Харитоновки, прилукскаго уѣзда.

²⁾ Кіев. Стар. 1896 г. Прилож. I, 216.

«Намъ малось быть пирятыпського уззда, такъ у Перервынцахъ бильшь козакивъ, а тамъ все панськи села, все тилько хрестяне, черезъ то насъ до Яблунова прысчыталы. Якъ граньци уйиздивъ робылысь, то Якименки жылы зъ краю и цепь тяглы черезъ сины». Древнюю исторію села мѣстные жители передають такими краткими чертами. «За сей край не воювалы, мы сами пидійшлы, а зъ Польщюю була война и сей край пиддавсь православію сѣму литъ трыста. Одчого названіе селу—пезвиспо; ѿе урочыще Перервыно. Кажуть, шо село було по-надъ Чумгакомъ, прычепылось село де каплыци стоять, а се нывья булы». Съ краю села, отъ Яблуновскаго вѣзда стоить Введенская церковъ. Мѣстный приходъ существовалъ уже въ первой половинѣ XVIII в., какъ видно изъ упоминанія о перервинской церкви въ дневникѣ Маркевича подъ 1732 годомъ¹⁾ и изъ четьи-минеи, купленной въ слѣдующемъ году въ эту церковъ «жителькою Татьяной Ворониной»²⁾. Старая церковъ, перестроенная въ 1765 году, сгорѣла въ 1827 году, а вмѣсто нея выстроена на средства титулярнаго совѣтника А. М. Маркевича настоящая каменная церковъ, просторная, съ большимъ круглымъ куполомъ, похожая на соборъ съ двѣнадцатью колоннами, по четыре у каждаго фронтона. Внутри храма помѣщается голубой икопостась съ намѣстными иконами академической кисти, парисованными на холстѣ. Въ сторонѣ висить обновленный образъ Богоматери, о которомъ разсказываютъ, что у женщины изъ окрестностей Матрены Божковой заболѣла дочь и мать хотѣла было отослать сто рублей на молебны въ Козельщину, по ей привидилась во снѣ перервинская Богоматерь. Поспѣшивъ въ Перервинцы и прійдя въ церковъ, Божкова узнала приспившую икону и пожертвовала тѣ деньги на ея обновленіе. На погостѣ памятники А. А. Маркевича (1825 † 1886 г.) и членовъ фамиліи мѣстныхъ священниковъ Гороновичей. Возлѣ церкви чрезъ площадку виднѣется усадьба мѣстныхъ землевладѣльцевъ Маркевичей, вся въ зелени. Въ 1724 г. прилукскій сотникъ Ивапъ Марке-

1) Ibid.

2) А. Грановскій. Полт. епарх. 408, 409.

вичъ оставилъ по духовному завѣщанію хуторъ въ Перервинцахъ своему брату, лубенскому полковнику Андрею Маркевичу¹⁾. Съ этого времени начинаются поземельные споры Маркевичей съ перервинскими козаками²⁾, о чемъ сохранились слѣдующія мѣстные воспомнанія. «Маркевичей не було ще й званія, вони набрели зъ черныговської губерніи. Говорять, Марковичъ упросився изъ стадомъ: «буду пасты», потимъ заоравъ, такъ сорокъ годъ пазывалысь. Третю часть одсудили козакамъ. Мы бачылы портретъ Марковича, и жупанъ довгый, ажъ до земли высивъ полосатый». Сейчасъ за дворомъ Маркевичей и пѣсколько поодаль на Крутинвищѣ, гдѣ прежде «жывъ якыйсь панъ Крутень, до котороу приставъ Кондратковскій», живутъ бывшіе крестьяне этихъ владѣльцевъ: Денисенки, Ивки, Солоненки, Тищенки и Хребты, а вблизи, на старомъ кутѣ, жили: Гороновичи, Жилы и Сухопосы. Далѣе на селѣ встрѣчается кутокъ Козоризовскій, жилие козаковъ Козоризивъ, Пучокъ и Талановъ, и Пузыквискій -- Воронъ и Гвоздыкивъ. Старѣйшіе мѣстные козацкіе роды: Гвоздиковъ, Жиль и Козорѣзовъ. Только одинъ изъ послѣднихъ, Петръ, оравъ двумя плугами, прочіе обладали однимъ самостоятельнымъ плугомъ, чаще спрягались. «У Петра було сто пнивъ пасыки. Розказують, що въ Козоризивъ була своя выпокурпя, а якъ одибралы право курить³⁾, то гналы горилку въ горшкахъ, такъ жника коноплы тре и кострыцю пидклада пидъ горшки. Бувъ общескый табуиъ, и кожному хазяину треба поочередно подывыться, якъ табуиъ, ходыть, и навернуть до воды. Коней на пичъ не гопылы а тилько товаръ гопылы у село». Что касается панскаго хозяйства, то данныя дневника Маркевича доказывають преобладаніе скотоводства надъ земледѣліемъ на крайнемъ западѣ Лубенщины, какъ

1) Лазаревскій. Прилук. полкъ. Кіев. Стар. 1900, XI, пр. 117.

2) Лазаревскій. Очер. полт. луб. 60, 61. А. Маркевичъ занималъ урядъ лубенскаго полковника съ 1714—1727. Я. А. Маркевичъ генеральный подскарбій, И. А. Маркевичъ—луб. обозный съ 1759—1760 г.

3) Въ 1779 г. сокращено винокуреніе для предохраненія народа отъ пьянства и сохраненія лѣсовъ. Лазар. Распоряж. гр. Румянцева. 54.

и на востокъ ея. Такъ, на Перервинскомъ хуторѣ Маркевичей въ 1732 году числилось: 214 лошадей съ двумя пѣмецкими кобылами и 10 жеребцами (дриггантами); 10 рабочихъ воловъ и 48 головъ разнаго скота; для прокормленія ихъ собрано 38 скиръ сѣна и только 289 копѣ хлѣба, а на слѣдующій годъ высѣяно: 25 четвериковъ жита, а весной: 20 четвериковъ яришгъ, 3 пуда пшеницы и 2 проса¹⁾. Въ XIX вѣкѣ хозяйство Маркевичей заключалось въ селитренномъ заводѣ, крупчаткѣ, топчакѣ и четырехъ мельницахъ, въ 10-ти плугахъ, 30-ти коровахъ съ доморослыми быками, кошскомъ табунѣ и трехъ табунахъ шпанки. О посылкахъ въ дорогу вспоминають: «Тоди якъ идешъ у дорогу, то якъ возивъ пять, то шоста идѣ бочку зъ водою и бочку возлы у самый Крымъ». Изъ крестьянъ 10 хозяевъ имѣли тягло. прочіе были пѣшими. И тѣ и другіе работали по полторы недѣли пацу и по 3 дня себѣ въ періодъ жатвы, а въ остальное время года по недѣлямъ. Тяглые пахали, возили хлѣбъ и сѣно, также «на майданъ поцель лисовой возылы за сорокъ верстъ, або й билшгъ». Пѣшіе принуждены были папмать себѣ козаковъ для паханія земли.

Алексѣю Михайловичу Маркевичу, шкогда не жившему въ Перервинцахъ, наслѣдовалъ его племянникъ Андрей Андреевичъ, похорошеный у церкви. Его изображаютъ челоѣкомъ, хотя и гумашымъ, по мало вникавшимъ въ дѣла, почему крѣпостные страдали отъ притѣсеній приказчиковъ: «Прыказчыкъ Степанъ Роечко разъ нысавъ и сказавъ парубку: «Постій, я тебе розкамы!» А парубокъ прыцилувавсь и убывъ. Выпыталы, катувалы парубка и зослалы въ Сибирь»²⁾.

На полпути отъ Перервинцевъ къ Яблонову расположена на черноземной равнинѣ³⁾ деревня Стукаловка при рѣчкѣ Сырой Оржицѣ у золотоношской и пирятинской границъ, отдѣляясь отъ

1) Киев. Ст. 1896 г. Прил. Кв. II, 217, 232, V, 275 и VI, 289.

2) Вокругъ села—хуторк: Карбани, 10 хатъ Карбаней, Нешій, 8 хатъ Жлль и Пучки, 3 хаты Пучекъ и Жлль. Наемъ земли 10—15 р.

3) Содержание гумуса на поляхъ около Яблонова 5% (Мат. для оц. зем. полт. губ. II. Луб. у. 44.

пирятинской Михайловки только яромъ. По ревизіи 1764 г. она значится хуторомъ бунчуковаго товарища Борозны¹⁾, а по разсказамъ мѣстныхъ жителей Стукаловка основана владѣльцемъ Драбова графомъ Заваловскимъ. Населеніе ея пришлое. «Хороше було пидъ графомъ и козаки пидходили пидъ ёго и винъ закрипывъ. Уси тутъ нахожанци. Якъ вопо потимъ було: чы замо-тано, чы куплено Старыцькимъ?—пезвиспо». Крайній куть отъ Яблопова Новоселица занята слѣдующими крестьянскими семьями: Ведмедями, Веснами, Гуржиями, Далценками, Диденками, Донцами, Калайтанами, Коваленками, Лысенками, Малуками изъ Клепачей, Нетесами и др. Часть Новоселицы, населенная Козловскими, такъ и называется Козловщиной. Слѣдующій кутокъ Кучанскій заселенъ почти исключительно Бычовыми, вышедшими изъ Чернобаевъ, золотоношскаго уѣзда, а Середивка, лежащая за греблей на противоположномъ берегу Оржицы, занята крестьянами тѣхъ же фамилій. На Середивкѣ у поля стоитъ новая Александро-Невская церковь съ новымъ бѣлымъ иконостасомъ и новыми иконами. Всего крестьянъ до 1000 душъ. Графская экономія была значительной: 1900 дес. земли, водяная и вѣтряная мельницы, 5 экономическихъ плуговъ, 50 красныхъ (червонихъ) коровъ при 2 быкахъ и 3000 мериносовъ. Тяглыхъ было 50 хозяевъ. Крѣпостные работали педѣлю пану и недѣлю себѣ. Пѣшіе отдавали обрабатывать свою землю съ половины. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили достаточный надѣлъ: 10 дес. тяглые и 6 пѣшіе, и потомъ долго держали на арендѣ по 5 руб. десятину всё имѣніе у мѣстной помѣщицы Ладыгиной²⁾.

Въ срединѣ Яблоповской волости на обнаженномъ, суглинистомъ³⁾ желтоватомъ холмѣ стоитъ старый городокъ, переименованный въ мѣстечко, Яблоновъ. Онъ окруженъ съ трехъ сторонъ Гнилой Оржицей, чрезъ которую прежде, по словамъ Са-

1) А. Грановскій. Полт. епарх. 407.

2) Сбор. Хоз. ст. полт. губ. IV, 235.

3) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 327.

мовидца «барзо злые переправы» были ¹⁾, а теперь длинная земская плотина ведетъ къ предмѣстью Загребелью. Съ четвертой, противоположной плотинѣ, стороны Яблоновъ примыкаетъ къ степи узкимъ перешейкомъ, также перерѣзанномъ въ старину капаломъ; такъ что старый городокъ представлялся островомъ, охваченнымъ отовсюду водою. По предаію, передаваемому различно мѣстными жителями, рѣчка начала гнить съ тѣхъ поръ, какъ въ ней утонулъ, переправляясь, сынъ одной попадьи. Послѣдняя взявъ клочекъ волосъ съ головы покойника, зажгла ихъ на сковородѣ и прокляла рѣчку: «Будешь ты гныты, ричко, такъ якъ тило мого сына!» ²⁾. По другому варианту: «Яблоновъ колысь бувъ городъ и була крипость и валы. Бабушка бачылы ти ворота, у котори входылы въ крипость, и башту и два камяныхъ стовпа; и кругомъ крипости проходила вода и на другій стороны була прыстань, де було и жерело, шо заткнуто рупомъ. Якась ворожка зробыла, шо якыйсь то сынъ утопывсь» ³⁾. И теперь явственно видны

1) Лѣтоп. 36.

2) Какъ настоящій вариантъ сказанія, такъ и различныя данныя о Яблоновкѣ и о фамиліи Яблоновскихъ, вошедшія цѣликомъ въ настоящій очеркъ, переданы мѣстнымъ помѣщикомъ Я. С. Яблоновскимъ въ неоднократныхъ разговорахъ и письмѣ, за что приносится ему живѣйшая благодарность.

3) Записано отъ козака С. П. Дейнеки. Въ сборникѣ г-на Гринченка: «Изъ усть народъ.» (Черниг. 1900 г.) приводятся варианты настоящихъ сказаній изъ слѣдующихъ мѣстностей черниговской губ. Въ с. Юриновкѣ, новгородсѣверскаго у., записано преданіе о ручьѣ Буковицѣ, въ которомъ утонула дочь вѣдьмы, за что мать и прокляла ручей, бросивъ сковороду въ воду, и ручей ушелъ въ видѣ разодѣтой дѣвицы (308—310). Въ преданіи о м. Красномъ Колядинѣ, кнотопскаго у., Покорская проклинаетъ рѣчку Ромень за поглощеніе сына, послѣ чего вода мутится (317), затѣмъ въ с. Голенкѣ, того же уѣзда, записано, что вдова, проклявъ ту самую рѣчку за такое же поглощеніе сына, обратила ее въ болото (327). Занесено ли мѣстное преданіе изъ черниговской губ. и когда именно: при самомъ отновленіи Яблонова или позже какимъ либо переселенцемъ—опредѣлить невозможно.

вокругъ древнѣйшей части Яблонова, занимавшей 15—20 десятинъ, два вала: верхній и нижній, особенно возвышенные на сѣверо-западѣ. Валы разрыты, заняты частью мельницами, частью избами. Они похожи на Лукомскіе и Слѣтинскіе валы кіевского періода, такъ что съ отновленіемъ Яблонова въ 1612 г. «вѣроятно, были лишь исправлены, а не насыпаны вновь. Отстроенный Яблоновъ вскорѣ заключалъ уже въ себѣ 50 домовъ посполитыхъ и 30 козачьихъ, и въ качествѣ королевскаго города, принадлежавшаго къ Переяславскому староству, не несъ никакихъ повинностей. Во время Богдана Хмельницкаго въ Яблоновъ сѣ-шили укрыться нѣкоторые польскіе паны изъ охваченной огнемъ возстанія Кляжины или Вишневецкныи.

Затѣмъ въ 1670 году городъ занятъ Дорошенкомъ, а въ 1679 г. Юрій Хмельницкій съ Яценкомъ выжегъ окрестности и истреблялъ людей ¹⁾. Сѣверо-восточная часть мѣстечка, называвшаяся прежде Индваркомъ и Форштадтомъ, а теперь сохранившая лишь первое названіе Индварокъ, признается древнѣйшей. На ней высится приходскою Успенскій храмъ ²⁾, существовавшій уже въ 1729 году, какъ видно изъ подписи на Тріодѣ, купленной въ этомъ году козакомъ Ефремомъ Ивановымъ, и вносилъ дважды перестроенный: въ 1748 и 1861 годахъ ³⁾. Среди иконъ обращаетъ на себя вниманіе наивною пожертвованная въ 1740 г. священникомъ Стефаномъ Васильевымъ, изображающая угощеніе Авраамомъ странниковъ раками

¹⁾ Южнорус. лѣтоп., издан. Бѣлоз. I, 83, Рубанъ, крат. лѣт. 136, Конискій. Рукоп. Истор. Мал. Рос. ч. II, Бантышъ—Камен. Истор. Мал. Рос. I, 117. Костомар. Руина въ Вѣст. Евр. 1879 г., IX, 13, Д. П. Богалъй. Займанц. въ лѣвоб. Укр. Кіев. Стар. 1883 г. I, 566, Лѣвоб. укр. въ Кіев. Стар. 1896 г., V, 257., Лазаревск. Истор. очер. Полт. Луб. 99, и Грановск. Полт. епарх. 407.

²⁾ Въ мѣстечкѣ есть еще небольшая приписная Кладбищенская церковь св. арх. Гаврііла, сооруженная на средства протоіерея Романовскаго въ 1879 г. (Ив.) на кладбищѣ и у средоточія ярмарокъ, во время которыхъ въ ней бываетъ служеніе.

³⁾ А. Грановскій. Полт. епарх. 407.

на тарелкѣ. Сохраняется еще маленькій храмовой образъ, вышитый на бархатѣ, и старыи серебряный крестъ съ надписью: «Сей крестъ сооруженъ въ городъ Яблунувъ до храму Успенія Пр. Богородицы рабомъ Божиимъ Игнатомъ Росколупенкомъ мѣщаномъ ¹⁾ и козакомъ Яблоповскимъ въ 1742 году». Съ самаго открытія прихода и почти въ теченіе вѣка мѣстными священниками были Бѣлозерскіе, и теперь еще псаломщикъ—потомокъ той же фамиліи. «Тамъ де церква—говорить предаше—ничого не було, а одь церкви пзъ гребли почавсь Яблоповъ. Мало хать було». На Пидварку жили: сотникъ Яблоповскій, дворяне Божки, уже вымершіе, козаки Москальци, крестьяне Вовки и др. Ближайшій къ Пидварку кутокъ Баранпвській населенъ козаками Барапами, а дальѣйшіе три: Конопивській—крестьянами Кононами, бывшаго владѣнія Леоновичей; Пельпенкивъ—крестьянами Дышпиками и Пельпенками, владѣнія Полторацкихъ, и Толочапскій—козаками: Гончарями, Рубанами, Чепигами и Черпицкими Пространство между пидваркомъ и толокой занято лавками, коморами, складами и похоже на плохой городокъ въ родѣ Зинькова. Яблунувъ невеликъ: въ немъ всего лишь 577 жителей козаковъ и крестьянъ ²⁾, но цифра эта удваивается восемьюдесятью еврейскими семьями, занявшими Яблунувъ и содѣйствовавшими его экономическому значенію для всей удаленной отъ городовъ окрестности ³⁾.

Съ восточной стороны Яблунова, за широкой болотистой долиной Оржицы находится яблунувское предмѣстье Загребелье, на которомъ расположена усадьба Я. С. Яблоповскаго, похожая на полную чашу, настолько заключено въ ней построекъ, инвен-

¹⁾ Такъ въ надписи.

²⁾ Къ приходу принадлежать хутора: Соломкинь или Сабадашевъ, принадлежащій помѣщику Соломкѣ, населенный крестьянами: Падунами и Тютянками, всего 146 душъ, и Топчивъ,—козаками Колесниками, 34 душъ, да выселки въ 1—3 двора.

³⁾ Мѣстное старое козацкое хозяйство было такое же, какъ и повсемѣстно. Изъ пановъ Черницкіе имѣли водяную мельницу, а Полторацкіе винокурню и стада, между прочимъ мериносовъ до 1000 головъ.

таря, рабочихъ, скота, лошадей и птицъ, павлишювъ и павъ даже которые почти нигдѣ уже не встрѣчаются. На всемъ лежитъ отпечатокъ давняго, зажитого хозяйства, да и самая фамилія старинная, органически сросшаяся съ Яблоновымъ, а, судя по владѣнію древнѣйшей частью мѣстечка, Пидваркомъ, и по народнымъ преданіямъ, вѣроятно участвовавшая и въ самомъ обновленіи городка. Фамильныя воспоминанія доходятъ до яблоновскаго козака Демьяна Степановича, по фамиліи неизвѣстнаго, имѣвшаго трехъ сыновей: Василю, Андрея и Мойсея. Василій умеръ бездѣтнымъ, сынъ Мойсея Никита принялъ фамилію Демяненка, а потомки, переселившись въ Савинцы, стали именоваться Демяновскими, по уличному Мусянками. Только сынъ Андрея, сотникъ Степанъ Андреевичъ, принялъ фамилію Яблоновскій, съ точностью неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, всего вѣроятнѣе что такъ называли его въ Запорожьи по первоначальному мѣстожительству. Возвратясь изъ Сѣчи, онъ служилъ Яблоновскимъ сотникомъ, почему потомки его и до сихъ поръ называются по уличному Сотниченками. О службѣ его сохранился аттестатъ 1773 года, за № 543, съ сергучной войсковою печатью. Затѣмъ онъ переименованъ въ премьеръ-майоры и 28 ноября 1792 г. утвержденъ въ потомственномъ дворянствѣ¹⁾. Онъ же увеличилъ состояніе, какъ видно изъ многочисленныхъ купчихъ крѣпостей второй половины XVIII в., иногда покупая землю весьма выгодно, напр. 7 приблизительно десятинъ куплено за 20 руб., такъ что потомки сотника, послуживъ немного, могли уже затѣмъ свободно заниматься хозяйствомъ. Послѣднее при крѣпостномъ правѣ заключалось въ 629 десятинахъ земли при Яблоновѣ²⁾ и Загребельи, 26 паряхъ воловъ, 20 коровахъ сѣрой украинской породы при такомъ же быкѣ, 30 маткахъ гнѣдой и вороной ма-

1) Въ щитѣ герба Яблоновскихъ изображена завязанная хустка, а надъ шлемомъ и дворянской короной—дѣвица межъ оленьими рогами.

2) Пидварокъ перешелъ къ сестрѣ настоящаго владѣльца Якова Степановича, Т. С. Омеляненковой.

стей при двухъ жеребцахъ верховыхъ и рысистыхъ статей, и пасикъ въ 80 шей. Только треть земли обрабатывалась трехпольной системой, а 400 десятищъ отходило въ сѣнокосъ и пастбище. Изъ числа 50-ти крестьянскихъ семей: Маляренковъ, Миняйленковъ и др. большинство имѣло по парѣ воловъ, коровъ и по нѣскольکو овецъ. Пѣшіе отбывали тридневку, а тяглые за предоставленное пастбище пахали еще по дню въ недѣлю панское поле. Сироты брались во дворъ, а имуществу ихъ производилась опись и послѣднее возвращалось сиротамъ по достиженіи ими совершеннолѣтія. Теперь всего жителей въ Загребельи 130 душъ; кромѣ 10 крестьянскихъ дворовъ, остальные жители козаки: Павлики, Рубаны, Саливоны, Самоѣды, Чеберяки и др. Кромѣ обычныхъ занятій хлѣбопашествомъ и пасичничествомъ, козаки занимались еще до проведенія желѣзныхъ дорогъ чумачествомъ, отвозя въ Крымъ пшеницу, а оттуда привозя соль и рыбу: чабаки, тарань, которую и сбывали выгодно на мѣстныхъ значительныхъ армаркахъ.

Выше Яблонова, на правомъ берегу Гнилой Оржицы, лежитъ большое козачье село Овсюки съ довольно просторными усадьбами среди садовъ. О происхожденіи села и о старинѣ вообще жители передаютъ: «У старыну бувъ чоловікъ Овсюкъ и по ёму ставовылыся Овсюки. Годивъ трыста йе селу. Въ старовыну забигы булы, народъ выйде жать, ставлять виху на могили. Якъ той виху похылывъ, такъ люде тикають на село. Которе не втече, такъ у плинъ забиралы». Впослѣдствіи село числилось въ Пирятинской сотнѣ, а по учрежденіи уѣздовъ—въ пирятинскомъ уѣздѣ до 1803 г., когда причислено къ лубенскому¹⁾. Посрединѣ вдоль всего села тянется узкій выгонъ, по обѣ стороны котораго располагаются разныя части села. На сѣверъ отъ выгона къ рѣкѣ прилегаеть куть Заярье, отдѣленный отъ села оврагомъ, жильє козаковъ Шевченковъ. Далѣе идутъ параллельно два кута: отъ выгона Лисокобылки, населенный казенными крестья-

1) Грановскій, Полт. еп. 408.

нами того же имени, и Жадаливка, широкая улица отъ рѣки, жилье: Галагановъ, пришедшихъ изъ Погребовъ, пирятинскаго у., Жадановъ и Карпенковъ. Еще далѣе располагается оваломъ вдоль рѣки, называющейся въ этомъ мѣстѣ Чевельчой, кутокъ того же имени, паселепный козаками Чевельчами, повидимому вышедшими изъ Денисовской Чевельчи. Рядомъ съ Чевельчой Плисивщина, древнѣйшій кутокъ, жительство Плисивъ, за ней Басивщина—Басивъ и Жалобецкихъ-Внуковъ; «воны видѣлиа зъ Польни приишли». Отъ Басивщины особый переулочекъ ведетъ къ четырехугольному поселенію среди выгона въ три двора дворянъ Жалобецкихъ-Внуковъ. За Басивкой лежатъ Рубанівка, паселенная Рубанами, и Натягайливка, новая часть въ полѣ, занятая козаками перечисленныхъ фамилій. Къ югу отъ выгона у полей расположены три кута: Кашпуривщина, со стороны Яблонова, жилье Кашпуривъ, Холошивщина—Холошъ, и Андрушивщина, на которой прежде жилъ помѣщикъ Андре, а теперь выморочные за его смертью крестьяне: Тпценки и Ярмоленки¹⁾. Посреди села стоитъ третья по счету Троицкая церковь. Первая маленькая, построенная въ 1734 г., крытая гоштомъ, вторая 1827 г., иконостасъ изъ которой поставленъ въ правый притворъ новой церкви, выстроенной въ 1878 году²⁾. Въ этой послѣдней три образа Пр. Дѣвы остаются на себѣ вниманіе: два—патріархальной заботливостью прихожанокъ, привѣсившихъ къ этимъ образамъ: ленты, намисто и рушники, а третій—прелестью кисти, изображающей Богоматерь малорусскаго типа съ круглымъ лицомъ, полными щеками и маленькимъ ртомъ, но съ идеальными, нѣсколько печальными глазами. Въ алтарѣ помѣщенъ образъ Спасителя, похожій на изображенія французской школы. Въ Овсякахъ 2500 душъ въ огромномъ большинствѣ козаковъ. Нѣсколько дворянскихъ семей: Воронъ, Жалобецкихъ-Внуковъ, Чевельчей

1) Вокругъ села нѣтъ хуторовъ, а лишь незначительные выселки.

2) Первымъ овсяговскимъ священникомъ былъ Стефанъ Ворона.

и Чернышей, также козацкаго происхожденія, выслужившихъ дворянство въ мѣстныхъ присутствіяхъ, какъ доказываютъ и уличныя ихъ прозвища, напр. Секретаренки. Овсяки состоятельное село. Двѣ козацкія семьи имѣютъ по 60 десят., нѣкоторые по 20, большинство по 3—4, но безземельныхъ лишь нѣсколько пришельцевъ. Казенные крестьяне первоначально получили по пятнадцать безъ малаго десятинъ, потомъ имъ прибавлено еще по 7 десятинъ «на вѣнецъ», такъ что семьи, имѣвшія по 2—3 неотдѣленныхъ сына, обладали 40 десятинами. Андрушевцы получили по 6 дес. падѣла. Наемная цѣна земли 12—16 руб. толочная и 10—12 руб. остальная. Пшѣе обрабатываютъ землю съ 6 снопа безъ отработка. Толоки въ 600 десятинъ даютъ возможность содержать общественныя стада: скота, лошадей, овецъ и свипей съ уплатой пастуху по пуду зерна за пару воловъ, по 1 ф. муки за каждую голову мелкаго скота и по 10 коп. деньгами. Для отвѣшиванія и измѣренія зерна пастуху есть традиціонная пудовая коробка. Кормленіе пастуха производится поочередно. Народъ въ Овсякахъ красивъ, строенъ, съ темными волосами и глазами, но склопенъ къ спорамъ, неуступчивъ и надмененъ. Козаки называютъ крестьянъ мужиками. Одежды красивы: корсетки короткія темныхъ цвѣтовъ, «до 3—12 усливъ», обшиты зеленой тесмой, литнячки и ватычки длинныя, темныя Женщины и дѣвки «запынаются» платками.

Выше Яблопова, на лѣвомъ берегу Гцилой Оржицы до пирятинской границы, расположились три небольшія поселенія, составлявшія прежде съ Лазорками, ихъ окрестностью и дѣвственной степью у Асауловщины на самой пирятинской границѣ одно цѣлое, достояніе фамиліи Боярскихъ, извѣстное подъ народнымъ названіемъ Боярщины. Ближайшее къ Яблопову небольшое село Тимки, названное такъ по имени перваго жителя Тимка (Тимофея) ¹⁾, прилегаетъ къ просторному выгогу въ сорокъ десятинъ съ прелестной небольшой церковцей св. апостоловъ Петра и Павла, въ которой помѣщены копія извѣстныхъ изображеній свя-

¹⁾ По другимъ Тумка или Демка.

тыхъ Васпецова, взаѣмнѣ обыкновенныхъ икопѣ. Къ выгону примыкаетъ обширная усадьба Боярскихъ съ большимъ красивымъ домомъ, построеннымъ въ 1869 году, по плану архитектора Червицкаго, на мѣстѣ прежняго одноэтажнаго. Надъ домомъ мезонинъ съ гербомъ Боярскихъ наверху. Въ усадьбѣ заключаются: теплица съ лаврами, лимонами, пальмами и рѣдкими цвѣтами, старинный фруктовый садъ, лужайки, цвѣтники и паркъ съ тѣнистыми аллеями, изъ которыхъ липовая достигаетъ протяженіемъ версты. Боярскіе принадлежатъ къ древней шляхетской фамиліи, пришедшей въ Лубенщину изъ Побужья кружнымъ путемъ чрезъ Слободскую Украину 1). Начало фамиліи—какъ сказано въ протоколѣ Кіевского памѣстничества 30 октября, 1784 г.,—«покрыто неизвѣстностью»; по фамильнымъ преданіямъ извѣстно только, что предокъ Боярскихъ ушелъ изъ покоренной турками Славоніи въ подольскую Украину «на кресы», и основалъ тамъ двѣ слободы: Маньковку и Боярку на Бугѣ, которыя и отстаивалъ своими силами отъ турокъ и татаръ, вторгавшихся въ польскіе предѣлы обыкновенно съ этой стороны. Первоначальная исторія фамиліи символически выражена въ гербѣ Боярскихъ, данномъ Сигизмундомъ II, вмѣстѣ съ утвержденіемъ владѣнія тѣми селами. Гербъ изображаетъ вола въ зеленомъ полѣ щита, привязаннаго къ горящему шио дерева, подъ которымъ изображенъ лукъ со стрѣлами, т. е. постоянно угрожаемое и защищаемое оружіемъ хозяйство. Затѣмъ родоначальникъ харьковскихъ и полтавскихъ Боярскихъ, Ѳедоръ, переселился изъ Подоліи въ половинѣ XVII в. на земли при рѣчкахъ Мерли и Колонтаевѣ, отведенныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Ахтырскому полку. Ѳедоръ Боярскій занялъ въ 1665 г. сотицкій урядъ въ этомъ полку, его сынъ Григорій былъ полковымъ обознымъ, а внукъ Михаилъ подполковникомъ, въ отставкѣ полковникомъ Ахтырскаго гусарскаго

1) Всѣ свѣдѣнія о Боярскихъ сообщены въ нѣсколькихъ письмахъ и фамильныхъ бумагахъ представителемъ лубенской вѣтви Боярскихъ, Петромъ Михайловичемъ, за что приносится ему живѣйшая признательность.

полка. Въ аттестатѣ 1766 г. онъ изображенъ какъ храбрый, честный, вѣрный солдатъ и искусный офицеръ». Всѣ эти предки еще не жили въ Лубенщинѣ. Только секундъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ жилъ въ семидесятихъ годахъ XVIII в. въ Рудкѣ, возлѣ Тимокѣ, и памятникомъ своего пребыванія оставилъ двѣ церкви: въ Лазоркахъ и Рудкѣ, но затѣмъ въ 1804 году онъ избранъ Богодуховскимъ предводителемъ дворянства, а въ 1806—уѣзднымъ начальникомъ Богодуховскаго ополченія. У него было большое семейство: 6 сыновей и 2 дочери¹⁾, и 6000 крестьянъ въ полтавской²⁾ и харьковской губерніяхъ. Изъ его сыновей Иванъ Ивановичъ наслѣдовалъ Лазорки³⁾, другой Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ, жилъ въ Лазоркахъ и занимался хозяйствомъ; послѣдній, прослуживъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку и выйдя въ отставку поручикомъ, избранъ въ 1805 году лубенскимъ хорунжимъ и, замѣщая предводителя, устраивалъ въ 1807 году, народное ополченіе, а затѣмъ въ 1815—избранъ лубенскимъ дворянствомъ въ предводители. Избранный и на второе трехлѣтіе, вышелъ по болѣзни въ отставку и съ 1818 года занимался исключительно хозяйствомъ. Послѣднее, несмотря на дробленіе семейнаго имущества, было весьма значительнымъ и заключалось: въ землѣ при Тимкахъ, Яблоновѣ, Лазоркахъ, Должкѣ, Асауловщинѣ⁴⁾, Савинцахъ, Золотухахъ, Вязовкѣ и Чудповцахъ,

1) Въ моей ст. «Средн. Лубенщ.» («Кіев. Ст.» 1903 г., X, 35), младшая дочь И. М. Боярскаго Софія ошибочно названа вдовой Боярскаго, тогда какъ она была его дочерью, а вдовой штабсъ-капитана Я. Савицкаго.

2) Въ лубенскомъ у. ему принадлежали имѣнья въ Тимкахъ, Рудкѣ, Горбѣ, Лазоркахъ, Семакахъ, Асауловщинѣ, Воронинцахъ, Біевцахъ, Лучникахъ, Небораковщинѣ, Савинцахъ, Лукомьѣ; въ хорольскомъ уѣздѣ въ Ходолѣвкѣ, и въ харьковской губ. въ Пожаровкѣ.

3) Ему принадлежалъ кварталъ домовъ въ Пирятинѣ; онъ не былъ женатъ, какъ ошибочно сказано въ «Средн. Луб.» (Іѳ кн. XII), по показанію лазорскихъ жителей, смѣшавшихъ его съ отцомъ.

4) Степь при ней, 1000 десят., занималась гуртовщикамъ прежде за 750 р., теперь за 10,500 р.

20 парахъ воловъ, изъ которыхъ 5 парь ходило въ Крымъ за рыбой и солью съ крестьянами: С. Мартынцомъ, Д. Симоненкомъ и С. Бурякомъ, 24 коровахъ и быкъ сѣрой украинской породы, 25 маткахъ гнѣдой масти при 3 жеребцахъ: гнѣдомъ безъ отмѣтъ, гнѣдомъ съ проточиной, бѣлокопытомъ и караковымъ, и въ 500 головахъ овецъ, охранявшихся двумя чабанами: Зубомъ и Харькомъ съ 6-ю овчарками. Охотничьихъ собакъ было три смычки съ ловчимъ П. Копваломъ. О размѣрахъ свиноводства свидѣтельствуютъ ежегодныя двукратныя гекатомбы для кормленія рабочихъ и дворни предъ Рождествомъ и свѣтлымъ праздникомъ по 12 кабановъ каждый разъ. Кромѣ обычныхъ въ лубенскихъ большихъ имѣніяхъ: випокурии (въ 40 пудовъ затора, управляемой Гр. Мартынцомъ), и селитреннаго завода (управляемаго Н. Шулякомъ), въ Тимкахъ была еще суконная и красильная фабрики, на которыхъ выдѣлывалось 14-ю рабочими—8-ю дѣвками и 6-ю парнями подъ управленіемъ Л. Отточовапаго и А. Зосоменка—сукно изъ тонкой шерсти и шло частью въ продажу въ Ромны, частью изнашивалось домашними. Былъ и свой портной К. Бурякъ, ученикъ знаменитаго пѣкогда Гросса. Фрукты изъ сада, которымъ завѣдывалъ садовникъ В. Рѣдка, запродавались на деревьяхъ или сбывались на прятинскомъ и лубенскомъ рынкахъ. Крестьянъ при всѣхъ имѣніяхъ числилось 273 человекъ ревизскихъ. Теперь ихъ въ однихъ Тимкахъ 787 душъ мужчинъ и женщинъ, распредѣленныхъ такимъ образомъ: въ старѣйшей части села, отъ царицы живутъ: Бигуны, Гаркавепки, Мирные, Николаешки, Сухепки, Шовкоплясы, Шуляки и Черпенки, на Закутѣ—Бондарешки и Стрильци, и на Новоселовкѣ, къ Яблопову,—Сердюки и однофамильцы перечисленныхъ жителей. Нѣкоторыя фамиліи указываютъ на лазорское происхожденіе предковъ. При крѣпостномъ правѣ крестьяне не отработывали тридневку. Въ косовицу выходило до 100 косарей, которымъ, кромѣ обычныхъ галушокъ и кулиша съ рыбой, давалось по рыбѣ каждому, и по осьминѣ водки трижды въ день, а атаману—двойное количество. Уборка хлѣба производилась на общемъ основаніи съ 3-го снона. Крестьяне жили зажиточно, не хуже средней руки

козаковъ: у многихъ было по парѣ воловъ и даже по лошади. Воспоминанія старыхъ крестьянъ изображаютъ покойнаго лубенскаго маршала справедливымъ и гуманнымъ помѣщикомъ. Въ трудныя минуты онъ поддерживалъ крестьянъ хлѣбомъ и падеблялъ скотомъ. «Дмитрій Ивановичъ не обижавъ людей. Бывало дастъ хазяину пару волнивъ, щобъ хазяйнувавъ. Хазяинъ той каже перегадомъ: «У мене уже волнивъ нема.—А дежъ?—Однѣ однявсь, а другого продавъ та дитямъ хлиба купывъ.—Ты пропывъ.—Роспытайте людей. Ну, дае опять панъ вспомошествованіе». Для большихъ крестьянъ держалась аптека и фельдшеръ Х. Скрилець, учившійся въ Лубнахъ у доктора Волкова, обязанный ежедневно обходить село и лѣчить больныхъ. Въ случаѣ тяжкой болѣзни приглашался докторъ Волковъ изъ Лубенъ. Дмитрій Ивановичъ скопчался въ 1843 году, оплаканный крестьянами, оставивъ семилѣтняго сына на попеченіи вдовы Анны Львовны, урожденной Ограновичъ. Михаилъ Дмитріевичъ по окончаніи образованія провель всю жизнь въ Лубенщинѣ. Онъ наследовалъ какъ рыцарскія черты характера предковъ—искренность, прямоту, такъ и гуманное отношеніе къ крестьянамъ, почему былъ любимъ послѣдними, также козаками и передовымъ дворянствомъ, избирался въ гласные, а иногда замѣщалъ предводителя какъ его кандидатъ. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости далъ имъ обширный выгонъ, хорошія усадьбы, прилегающія къ рѣкѣ и земли вблизи села, чѣмъ невыгодно растянулъ экономическую землю. Добрыя отношенія къ крестьянамъ поддерживались до самой смерти въ 1896 году. Прахъ его заключенъ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью въ Тимкахъ.

Смежное съ Тимками село Рудка получило названіе отъ слова рудка, означающаго—по разъясненію А. М. Лазаревскаго¹⁾—обсыхающую лѣтомъ ложбину рѣки съ ржавыми лужами. Какъ сказано выше, она также входила въ Боярщину, о чемъ свидѣтельствуешь, между прочимъ, и мѣстная Покровская церковь, построенная въ 1775 г. секундъ-майоромъ Иваномъ Боярскимъ,

¹⁾ Прилукск. полкъ. «Кіев. Ст.», 1900 VII, VIII, прил. 57.

вмѣстѣ съ эсауломъ Георгіемъ Троцкимъ¹⁾, въ видѣ корабля, непропорціонально узкаго въ сравненіи съ высотой. Прежде со входа она была съ потолкомъ. Внутри церкви замѣчательна конія Почаевской Божьей Матери²⁾ съ подписью: «Сію икону Пресвятой Богородицы древнюю, отъ предковъ оставшуюся, и кѣтъ отмѣнить рабъ Божій Василій Юрьевичъ Троцкій премеръ (sic) маіоръ въ храмѣ св. Покровы въ селѣ Рудкѣ, которая поставлена по его желанію на лѣвой сторонѣ въ притворѣ 1897 года, 27 марта. Въ оной ризѣ отъ благоговѣнія приложилъ серебра одинъ фунтъ Никифоръ Пвановичъ Кодинецъ, бунчуковый товарищъ. Всего серебра на ризу дано три фунта». Кроме того въ церкви хранятся еще три старыхъ иконы Богоматери: конія Юсковской, ляхвицкаго уѣзда, спускная, пожертвованная въ 1835 году Пеллагеѣй Ограновичъ, и Одигитрія — въ алтарѣ. На погостѣ — могилы Боярскихъ и саркофагъ въ видѣ удлиненной пирамиды надъ Сапковской. Рудка подраздѣляется на два владѣнія, изъ которыхъ одно сохранилось въ потомствѣ помѣщика Л. Г. Ограновича, уже прекращающагося въ мужскомъ колѣнѣ; другое же давно переходитъ изъ рукъ въ руки. Нѣкогда оно принадлежало прилуцкимъ помѣщикамъ Галенковскимъ³⁾. Изъ нихъ Аркадій Осиновичъ, женатый на Н. Л. Чертовой, жепщицѣ необыкновенной красоты, выдалъ дочерей замужъ: Надежду Аркадьевну за М. Д. Боярскаго, а Елизавету Аркадьевну за Г. М. Астряба, уроженца Галиціи. Затѣмъ Рудка перешла къ Щербакамъ, а отъ нихъ къ М. Е. Скаржинскому. Рудковская церковь стоитъ на краю села. Отъ нея продольная улица — Григоровщина, заселена съ одной стороны крестьянами: Басами, Богушами, Махинами и Сербинами, а съ другою: Кибцями, Кириченками, Муравичками.

1) Грановскій. Полт. епар. 416.

2) Почаевской слѣдуетъ признать эту икону, между прочимъ, по положенію младенца Иисуса на правой рукѣ Богоматери, тогда какъ во всѣхъ другихъ изображеніяхъ Богоматерь держитъ младенца на лѣвой рукѣ, какъ всѣ матери.

3) Лазаревскій. Прил. полк. «Кіев. Ст.», 1901 г., XII, прил. 123.

Наточіямъ и Ромапоками. Слѣдующая часть села вокругъ усадьбы Ограновичей, такъ называемая Грапивцизна, населена до усадьбы: Буцями, Буйнымъ, Гуринами, Козыренками, Махловскими, Ратиченками и Хижняками, и за усадьбой: Даченками, Ичепскими, Мартыпенками, Мякотами. Всѣхъ жителей 1600. Обѣ экономіи были при вѣршностномъ правѣ— по разсказамъ крестьянъ—приблизительно одинаковы; въ обѣихъ имѣлось по нѣсколько плуговъ, коровье стадо, табуны. Люди были на половину тяглые, обязанные пахать и свозить хлѣбъ, а нѣшіе зажинали за 3-й споль. Надѣлъ полученъ средній. Теперь земля сдается крестьянамъ по 10—12 руб. десятина съ обязанностью убрать десятину экономической земли въ счетъ платы за цѣпу 4—5 руб.

Послѣднія деревня лубенскаго уѣзда на ширятинскомъ рубежѣ Высокій Горбъ, часть которой называется Александровкой, протянулась линіей вдоль дороги. Осажденная Боярскими, она вскорѣ перешла въ фамилію Троицкихъ, обладавшихъ еще Лазорками въ лубенскомъ, Повстипымъ и Березовымъ въ ширятинскомъ уѣздахъ. Одинъ изъ Троицкихъ, Максимъ, былъ въ 1710—1719 г. лубенскимъ полковымъ судьей, ¹⁾ по затѣмъ фамилія эта, оставивъ лубенскій уѣздъ, сосредоточивается въ ширятинскомъ, а Высокій Горбъ отходитъ за дочерью В. Ю Троицкаго, Аппой, въ приданое Островскому. Благодарная дочь устроила въ 1854 году церковь пророчицы Аппы на гробахъ родителей, въ настоящее время приписую къ Рудкѣ ²⁾. Форма церкви—правильный крестъ, иконостасъ голубой, икона темного. Въ ней хранится старинный серебряный крестъ съ частицами мощей. О старомъ житьѣ-бытьѣ крестьяне разсказываютъ: «Издъ Троицкого подходы, тутъ мало его кришенихъ, вси подхожи. Трудно было жить козакамъ, платежи были велики: одъ окошка платили, а папы давали земли скильки хочъ пахать. Троицкій утшався людьми якъ своимъ дитьмы. У Горбы индіишлы: Калыны зъ-за Пырятына, Журьбы зъ Карпыливки, Дерезы, Задорожни зъ

¹⁾ Лазаревскій. Полт. оч. Полт. губ. 75.

²⁾ Грановскій. Полт. епарх. 416.

Лытвы, Галенки, Кутови, Недоборы, Почовки, Пикули, Рыцци, Соияши, Шкурки и Шуты, а въ Александровку: Корчуби, Латыши, Лушни, Мусіенки, Третьяки, Черепановы—пзъ Базани. Успхъ теперь 400 душъ. Почты усн булы тягли. Таки булы хазяиши, що и жеребцивъ держали на кошоши». У В. Ю. Трощаго было значительное состояніе, заключавшееся въ 3000 десят., топчакъ, виокурнѣ, 10 плугахъ, стадѣ въ 100 головъ при нѣсколькихъ быкахъ, табунѣ въ 150 матокъ, преимущественно рыжихъ, съ 6-ю жеребцами. Потомъ его экономіи раздробились и обѣднѣли. Обѣднѣли крестьяне Высокого Горба и стали пѣшими. Но имъ не выдавался 3-й спопъ, какъ повсемѣстно, а по окончательной уборкѣ хлѣба весь опъ сохранялся у помѣщика (Островскаго), крестьянамъ же пазначалось по 2 п. на каждого ежемѣсячно. Такая мѣсячна только и встрѣчалась въ этомъ удаленномъ уголкѣ Лубенщины.

Настоящей статьей окачивается рядъ очерковъ лубенскаго уѣзда, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ» подъ различными пазваніями: «Спѣтнская старина», «Къ вопросу о колонизациіи Подсулья въ XVI и XVII в.», «Лѣсная Лубенщина» и «Средняя Лубенщина». Въ этихъ очеркахъ изображалась по возможности природа, типъ населенія, прошелная и настоящая жизнь каждаго поселка, кромѣ города, требующаго отдѣльнаго изученія, въ ихъ разнообразной индивидуальности. По наблюденію же геологовъ и статистиковъ, общій видъ природы лубенскаго уѣзда, мѣстности и почвы, какъ извѣстно въ значительной степени опредѣляющихъ характеръ населенія, предрѣшающихъ и направляющихъ его дѣдѣтельность,—отличается разнообразіемъ. Такъ, сѣверовосточный уголь уѣзда, орошенный Сулой, частью суглинистый, частью супесчаный, изобилуетъ садами, лугами и холмами, между прочимъ и Исачковскимъ *roche moutonnée* съ сплошной глыбой діабаза. Южнѣе, за Комышанской дорогой, этотъ участокъ переходитъ въ степь, сначала волнистую и тучную, потомъ, къ Лубнамъ, солонцоватую и песчаную. Сѣверная часть уѣзда между Удаемъ и Луб-

нами полна роць и лѣсовъ — пастоящая страна садовъ и прозранныхъ ключей: къ югу же отъ Лубень садовъ и роць меньше; здѣсь глазамъ представляются одни лишь вѣтвящіяся во всѣ стороны овраги. Такой же обнаженный и печальный видъ имѣетъ предстепье и берега Слѣпорода, за которымъ къ югу вдоль торфяныхъ долинъ Оржицы и Чумгака разстилаются широкія, безбрежныя степи, съ востока ограниченныя Сулою, съ юга и запада сливающіяся съ золотоношскими и прятинскими степями. Какъ въ началѣ славянской колонизаціи этого края, такъ и потомъ, почти въ теченіе всего героическаго періода малорусской исторіи, жизнь ютилась въ защищенныхъ самой природой углахъ. Всѣ лѣтошныя городки по Сулѣ: Сибинь, Лубны, Лукомль, также Оржица и Яблоновъ по Оржицѣ выстроены почти по одному плану: на гористомъ выступѣ берега, ¹⁾ окруженномъ съ двухъ-трехъ сторонъ водою, а съ остальной примыкающемъ къ степи перешейкомъ, прегражденнымъ валомъ, иногда широкимъ ровомъ, наполненнымъ водою. И позднѣйшія поселенія: Денисовка, Карпиловка, Ошипки, тѣснились на полуостровахъ, на островахъ даже, какъ Лушипки. Гдѣ не было такихъ природныхъ закрытій, тамъ села строились сообразно условіямъ мѣстности или линіей по берегамъ рѣкъ на возгорья, какъ: Шеки, Мгарь, Лука, Бѣвцы, Мацковцы и др., или кругами и полукругами, какъ Литвяки, Юсковцы, Остановка и т. д. Такимъ образомъ, главными условіями существованія поселенія предки признавали защищенность мѣстности и близость воды. Кромѣ природныхъ защитъ, поселенія охранялись еще сторожевыми курганами, на которыхъ стояли конные сторожа и наклопеніемъ значка на село объявляли о набѣгѣ. По этому знаку народъ скрывался за валы, а гдѣ ихъ не было — за рѣку, въ недоступныя конницы лѣса и болота.

Переходя къ изслѣдованію самаго населенія Лубенщины, прежде всего представляется вопросъ о томъ: осталась ли какая-нибудь жизнь въ окрестностяхъ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній великокняжескаго періода послѣ погрома ихъ татарами въ

¹⁾ Сравни. Бопланъ. Опис. Укр. 11.

XIII в., или вся Лубенщина въ теченіе цѣлыхъ столѣтій была пустыней? Въ подтвержденіе сохраненія древнѣйшаго населенія Переяславской Украины изслѣдователи ¹⁾ приводятъ фактъ сохраненія лѣтописныхъ названій городовъ и сель, переданныхъ потомкамъ скрывшимися въ укромныхъ мѣстахъ жителями. Но такихъ лѣтописныхъ названій въ Лубенщинѣ сохранилось немного, большинство же названій сель, ихъ частей, окрестныхъ урочищъ, собраныхъ и приведенныхъ мною въ настоящихъ очеркахъ въ значительномъ числѣ, получились недавно или отъ свойствъ почвы и мѣстности, или отъ именъ осадчихъ и владѣльцевъ, сравнительно недавнихъ. Притомъ лишь нѣсколько поселеній отновлено, большинство же построилось на новыхъ мѣстахъ, а не на старыхъ городищахъ и селищахъ, зачастую лежащихъ неподалеку. Напротивъ, всѣ историческія, письменныя свидѣтельства говорятъ о совершенномъ запустѣніи Переяславскаго края и въ томъ числѣ Лубенщины, бывшихъ послѣ разоренія лишь татарскимъ кочевьемъ и только позже временно посѣщаемыхъ козаками охотниками. Но и козацкая, и послѣдующая панская колонизація подвигались туго ²⁾, и только со временъ Богдана Хмельницкаго, а особенно въ такъ называемую руину, цѣлыя толпы народа перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. «Въ 1674 году, послѣ турецкихъ опустошеній, сѣгобочная Украина до того малолюдная, тогочными людьми украинскими наполнилася и умножилася», — говоритъ Величко ³⁾. Такъ что изслѣдователю прошлой народнои жизни Лубенщины, кромѣ поставленнаго выше вопроса о сохраненіи остатковъ первоначальнаго славянскаго населенія въ краѣ, естественно представляется новый: откуда пришли новые поселенцы при Вишневецкихъ и послѣ? Этотъ послѣдній вопросъ легче поддается рѣшенію, чѣмъ первый, а именно: какъ письменныя данныя, такъ и сходство историческихъ сказаній, обрядовъ и нѣсенъ, уцѣлѣвшія воспомнанія о переселеніи, особенности рѣчи и мѣстныя названія приводятъ къ заключенію, что въ составѣ населенія пынѣшней Лубенщины замѣтны элементы:

¹⁾ См. Ляскоронскій. Ист. Цер. зем. 179, 201, 404, 425, 486.

²⁾ П. В. Луцицкій. Слѣды общ. землевл. въ Отеч. Зап. 1882 г., XI, 98.

³⁾ Лѣтоп. 356.

кіевскій, черниговскій, сѣверно-малорусскій, частью бѣлорусскій ¹⁾, также въ незначительной степени: вольнскій, подольскій, польскій, сербскій, валашскій и восточный. Затѣмъ оба вида колонизаціи—козацкій и панскій—продолжались и въ XVIII в. передвиженіемъ козаковъ съ сѣвернаго лѣснаго участка на югъ и переводомъ преемниками Вишневецкихъ—Новицкими, Орѣховскими, Кулябками, Боярскими и др.—крестьянъ изъ соседнихъ уѣздовъ въ степи. Съ размноженіемъ населенія путемъ такого расселенія и естественнаго прироста соединилось и другое связанное съ нимъ явленіе: разложеніе разнообразной по типамъ, обрядамъ, народному творчеству, по болѣе однородной по соціальному положенію народной массы на сословія: панское, козацье и крестьянское. Въ героическій періодъ малорусской исторіи козацкое сословіе, окрѣпшее духовно и физически на просторѣ степей въ безпрестанныхъ войнахъ и отраженіи набѣговъ, получаетъ преобладаніе въ краѣ. Уже войско Павлюка состояло большею частью изъ жителей лубенскихъ имѣній Вишневецкихъ. Затѣмъ наканунѣ возстанія отобрано было у жителей Вишневецчины нѣсколько тысячъ самопаловъ; по всѣмъ же въ 1648 году народъ отсюда толпами бѣжалъ къ Хмельницкому. И самъ Богданъ приказалъ набирать въ реестръ преимущественно жителей изъ Вишневецчины, а при Выговскомъ лубенцы составляли зерно Запорожья ²⁾. Съ переходомъ героическаго періода малорусской исторіи, послѣ неудачной вспышки Мазепы, въ новый періодъ—хозяйственный, рядовое козацество, хотя и отходитъ на второй планъ, уступая дорогу вновь образовавшемуся изъ старшины панскому сословію, но не исчезаетъ вполнѣ, а, занявъ пересѣченную, неудобную для крупнои собственности центральную часть уѣзда, также участки въ долинахъ Сулы и Удая и большую половину южной Лубенщины, образовало классъ свободныхъ мелкихъ, частью среднихъ собственниковъ; классъ способный къ культурѣ,

¹⁾ Кулишъ. Ист. возсоед. Руси. II, 22.

²⁾ Соловьевъ. Малор. козач. до Хмельн. въ Рус. Вѣст. 1859 г. IX, кн. 2, 177—196. Кулишъ. Польск. колон. Ю. З. Русс. Вѣстн. Евр. 1874 г., III, 539. Костомаровъ: Борьба коз. съ Польш. 247., Б. Хмельн. I, 171, и Гетм. Выговск. въ Основѣ 1861 г., IV, 26.

богатый непочатыми силами, какъ показываетъ примѣръ М. Т. Симонова, и таящій въ себѣ зерно будущаго. Паны заняли сѣверо-восточный уголь уѣзда, восточную, часть южной, западную степи, преимущественно окраины уѣзда и только отдѣльныя владѣнія средняго участка. На первыхъ порахъ хозяйство пановъ и козаковъ складывалось по одному образцу. Земля пахалась четырехпарнымъ плугомъ древнеримскаго образца въ размѣрѣ, необходимомъ для прокормленія, обезпеченія будущаго урожая и выкуриванія вина. Излишекъ урожая даже и не снимался козаками¹⁾. Народныя воспоминанія, документы, приведенные въ «Средней Лубенщинѣ», и указанія въ дневникѣ Маркевича приводятъ къ убѣжденію о преобладаніи скотоводства одинаково во всѣхъ частяхъ лубенскаго уѣзда. До самаго размежеванія, выдѣливаго отдѣльные, отрубные куски изъ общихъ смѣль, по послѣднимъ свободно бродили табуны и стада. Даже надзоръ за ними не поручался первоначально особымъ пастухамъ, а лежалъ на обязанности каждаго хозяина поочередно, только потомъ выдѣлились пастухи, получавшіе 5—10-е овечье руно, хлѣбъ и деньги за свой трудъ. Какъ хозяйство панское и козацье были одного и того же образца, такъ и отношенія хозяевъ къ рабочимъ въ обоихъ случаяхъ были одни и тѣ же. Отношеніе старѣйшихъ пановъ къ крестьянамъ постоянно опредѣляется выраженіемъ: «вопы втпшались людмы, якъ дитмы». Допуская извѣстную идеализацію этихъ отношеній въ крестьянскихъ воспоминаніяхъ, все же необходимо допустить, что паны и крестьяне должны были согласовать свои интересы въ виду вольнаго перехода, при которомъ хозяинъ могъ лишиться рабочихъ, а послѣдніе—всего нажитого имущества. Но даже и отмѣна вольнаго перехода и закрѣпощеніе крестьянъ, стѣснивъ и поработивъ личность, оставили въ большинствѣ случаевъ безъ измѣненія чисто экономическія отношенія, и мѣстное крѣпостное состояніе до самаго освобожденія можетъ быть формулировано, какъ подневольное сельско-хозяйственное сотрудничество съ разверстаніемъ урожая въ двухъ третяхъ хозяину и въ одной трети рабочему.

В. Милорадовичъ.

¹⁾ Тенловъ. Зап. Въ Записк. о Южн. Русн Кулиша. 181, 182.

Останній Гирей ¹⁾.

I.

Давно колись довелось мені зайхаты у Жванець, що на Днистри.

За тыхъ часивъ, якъ Бессарабія палежала до Турціи, а Поділля до Польцы, Жванець стоявъ на самій граници тыхъ двохъ державъ, и бувъ тамъ сильный замокъ, видъ якого теперь лыпылысь тильки рунны. Нема вже дидивъ тыхъ, що памьятали часы польского панування.—лышь такъ де-що розказують стари люде про ти стародавни подін, про яки чулы видъ своихъ батькивъ та дидивъ, та старезне, порепане каминня руннъ, поросле мохомъ, показуе, що колись тамъ лунали боёвн крыкы, гремпы рушпыцы та гарматы, лылася кровь хрыстыянська та турецька...

Давно це було и мохомъ вже поросло.

Панувалы колись у Жванци польськы магнаты: Калыновськы, Лянцкороньськы, Йорданы, а теперь те мнестечко безпаньське, и сыдыть въ ёму жыды, що скуповують по околыцяхъ пшепыцю и сылавляють іп Днистромъ.

Зацкавившысь Жванецьбымы руннамы, я взявъ собі за провидныка Гершка-фактора и пійшовъ зъ нымъ по вепхъ шкавыхъ закуткахъ старого городыца. Гернгъ розказувавъ мені

¹⁾ Переказано за Ролле, Лашковымъ та инш.

про ти подін, яки ще держались у пам'яті йшвапеських старожылых людей.

Оглядивши все, що було для мене цікаве, я думавъ вже вертатись до свого зайизду, колы мій провидникъ, довидавшись въ розмови зо мною, що я лікаръ, звернувся до мене зъ несподиванымъ проханнямъ.

— Пане... пане дохторе! Що я васъ попрошу, не прогнывайтесь...

— Ну?—спытавъ я.

— Зробить ласку, зробить Божеську мылость: тутъ йе одынь бидный жыдокъ, такой бидный!.. Може-бъ вы потрудылись до ёго, тутъ педалечко: винъ вже мисяць лежить, такой слабый, несчастый!.. Будьте таки ласкави..

— Добре,—згодывся я.—Веды. А чымъ винъ педужый?

— Хиба я знаю? Де ёму взяты дохтора, або ликарства, колы винъ хлиба немає? Я такъ думаю, що у ёго певне сухоты—чехотка...

— А чымъ винъ заробляе?—спытавъ я.

— Тутъ, пры слагавахъ, вирныкомъ бувъ, хлибъ нагружавъ. Гершко винъ мене черезъ майданъ на край мистечка.

— Ось ёго хата,—показавъ винъ.

Окремо видъ иншихъ жыдивськыхъ хатыпокъ стояла нужденна, вбога хыжка, що почынала вже входить у землю; латани вконця и двери йи покрывылись, чорна стриха облизла и свитыла дирамы, облуплени руди стины давно вже не знали глыны та вапша. Хатка стояла одыноко, мовъ вдова, або сырота. виддаля видъ иншихъ хатъ, хоть тако-жъ убогихъ та облупленихъ, але прытуленихъ одна до одной, наче одна ридна громадка.

Увійшовшы въ ту хатку—пызешку, зъ кривою горбатою стелею, я побачывъ у темному, зацвилому кутку хворого, що лежавъ на широкому лижку, застеленому якимсь лахмттямъ.

Це бувъ страшенно худый, довгый чоловикъ, зъ дуже темнымъ облыччямъ, сывымъ кучерявымъ волоссямъ и риденькою сывою бородою. Складъ лыця ёго бувъ незвычайный, не жыдив-

ський: шыроки вылицы, пласкатый инсь, вузеньки, укисни очи, що свитылысь видь гарячки, мовь дви жарычки, невысоке чоло— все те нагадаю мени монгольскы тины, яки доводилось бачыты у Крыму, та за Ураломъ. Хворый важко дыхавъ и мигъ говорыты лишь зь перерезамы, дуже сылымъ голосомъ, бо не ставало ёму духу и мучывъ кашель. Здалека чуто було, якъ клопотило щось у ёго грудяхъ и свыстлы та шыпылы тамъ зловищи пыщыкы.

Недовго треба було мени прислухатысь та мркуваты, щобъ перевпрытысь, що Гершъ-провидныкъ сказавъ правду: у хворого были сухоты, та такъ ёго высушылы воны та выснажылы, що вже не бильшь тыжня, або двоухъ можна було личыты ёго жыття. Зь тяжкымъ серцемъ мусивъ я признатысь, що тутъ уже вся ликарська наука безсыльна,—хыба що тильки можно було трохи зменшыты ёму кашель та облегчыты задышку.

Запысуючы хворому ликарство, я спытавъ, якъ ёго звать, и здывувався, почувшы зовсимъ не жыдывське прызвысько—Татарчукъ. Мыхохить перепытавъ я у друге.

— Татарчукъ... Ёсь Татарчукъ,—сказалы мени.

Зновъ глянувъ я на хворого—якась дывна, незвычайна загадка була для мене: чысто-монгольскы рысы облычя, прызвысько Татарчукъ...

Я выйшовъ зь убогой хыжки. Передь очыма у мене ще малячыло те чудне облычя, а въ ушахъ бренило не меншь чудне прызвысько.

Татарчукивъ чымало трапляется середь подильскыхъ селянгъ по-надъ Днестромъ. Колысь, у давни часы, ихъ мабудь було ще бильше, але за польского панування багато Татарчукивъ перемпылось у Татаржыньскыхъ, Татаровичивъ, Татаровськыхъ. Ричь звычайна: усмихнется доля, погрубшае калытка—та й соромъ стае старого, дидывського прызвыща, кортыть перемпыты просте на папське. Але щобъ жыдь мавъ селяньське, бодай чы не козацьке прызвыще—того я ще доси не чувавъ.

Такъ роздумуючы, йшовъ я Жванецькымъ майданомъ, колы дигнавъ мене Гершъ-провидныкъ.

— Що вы скажете, пане дохторе, про слабого?—спытавъ вишь.

— Погано, голубе!—згтхнувъ я.

— Сухоты?

— Эге.

— Такъ що нема вже надіи?

— Нема... Скажы мени, Гершику,—спытавъ я згодомъ,—якымъ воно чыномъ сталося, що жыдъ мае селяньське, «гонше»¹⁾ прызвыско Татарчукъ? Такого я зроду не чувъ.

— Хе!—усмихнувся Гершь,—воно справди дивно...

— Дивно-жъ,—казавъ я.—Чувавъ я жыдывески прызвыска: Бондарь, Коваль—то воно ричъ звычайна, бо бувають жыды ковали та бондари. Але Татарчукъ...

— Бо я вамъ скажу, пане дохторе,—почавъ Гершь поважнымъ, трохы таемнымъ тономъ:—вишь не простый жыдъ, якъ вси, вишь високого роду.

— Высокого роду?—здывувався я.

— Эге. Стари люде розказують, що тутъ у Жванци дуже давно, може сто лить, може бильше—я не знаю, жывъ турецькый князь. Ну, то вишь угодобавъ соби одну жыдивочку, що гарна була дуже, тай взявъ ин за жинку. То вона, выходить, була прабабка ось того Ёся Татарчука. Бувъ у нен зъ тымъ турецькымъ княземъ сынъ, и пійшли видъ того сына Татарчука.

— Якъ же вишь попавъ у таки злыдни та убожество, колы вишь княжого роду?—спытавъ я.

— Ну, я вже того не знаю,—видповивъ Гершь.—Хиба воно не буває на свити, що багатый зубожіе тай иде зъ торбама, а якыйсь злыдарь, парывый—розбагатіе такъ, що наны ёму кланяются?

— Буває,—згодився я.—А щожъ зъ тымъ княземъ сталося?

— Чы я знаю? може вмеръ, може вбылы на війни... Давшо не булю. Оцей Ёсь—вишь вже останній зъ того роду, бо нема у ёго ни дитей, ни бративъ, ни сестеръ. Колысь вишь вйздывъ у Турцію, чы куды—шукать свого роду. Ще вже за моєи

¹⁾ Хрыстыяньське.

пам'яті було. Мавъ вінъ якись папери, документи, то думавъ, що може знайде що—чи маетки яйи, чи грони—пшля того князя. Ну йпздивъ, шугавъ, та мабуть нічого зъ того не выйшло, бо вернувся вінъ такій сумній—ажъ чорній. Нікому нічого не розказувавъ тай ставъ зновъ за фактора пры сплавалъ та галерахъ. Отуть вінъ и хоробу собі прыдбавъ, бо це робота тяжка: и мокнуты, и мерзнуты по цлыхъ дняхъ доводятся. Лыхо тай годи!—зитхнувъ Гершъ.—То вы кажете, пане, що зъ ёго вже нічого не буде?

— Нічого. Хочъ якихъ хочете дохторшвъ зберить, то вже ёму новыхъ легкыхъ не вставлять...

Гершкове оповидання про Татарчука не завдовольнило мени цікавості. Якосъ навить и не йнявъ я ёму виры, бо дивно мени було, що у поганенькому мстечку, у якійсь пужденній пори вмирае въ убожестви та голоди потомокъ якогось «турецького князя».

Але лить черезъ двадцять шшля смерти Ёся Татарчука я перевирывся, що въ оповиданні про ёго, яке я чувъ видъ Гершка, було багато правды.

II.

Въ 18 столітті почалесь змагання Россіи здобути собі выхидъ на швиденне Чорне море, а такожъ забезпечити собі у власність багати швиденні стени, сумежні зъ Україною, яка тоди вже втратыла була свою самостійність. На Чорному морі и ёго берегахъ хазайнували туркы та кримськы татары, а у швиденныхъ стенахъ—погайськы татарськы орды.

Завелась війна Россіи зъ Турцією. Царыця Катерына задумала выдплыти Крымъ та погайщивъ видъ Турціи въ окрему самостійну Крымську державу, щобъ такимъ чыномъ ослабыти Турцію, «видпрваты у неѣ праву руку», якъ нысала Катерына Пашшови, що командувавъ тоди швиденною російською армією. Зъ невеликою Крымською державою легче було-бъ дати раду, ніжъ зъ могутною тоди Турцією.

Саме тоди выступивъ на политичну арену Шагинъ-Гирей, чкій низійше бувъ самостійнымъ, але й останнімъ крымськымъ ханомъ.

Дивне, незвычайне було жыття того хана: здобувшы собі велику, якъ на ти часы, науку та освіту, вінъ вразъ зъ тымъ не збувся своихъ дикыхъ азіатськихъ звичаивъ; бажаючи просвітити и своихъ дикыхъ пидданныхъ свитломъ европейскои науки и звичаивъ, вінъ робивъ це людськымы, азіатськымы способымы. Помазанецъ зъ волн Аллаха, вінъ вправъ, що одного ёго самовластного бажання стане на те, щобъ все подіялось по ёго думци. Вінъ знавъ исторію, знавъ добре, чому впали велики державы — Вавилонъ, Персія, Греція та Рымъ: знавъ якъ зросли и стали могутнымы пови европейськи народы, а про те у себе не гадавъ навить, що, выйнявши необережно одну цеглыну зъ виковичнои будивши старыхъ звичаивъ, вінъ може завалити ихъ. Вопо-жъ такъ и сталося: впала велика татарська держава колышнихъ завоєвныкивъ и, падаючи, прыдавила и ёго. останнёго нащадка гризного Чингизхана.

Шагинъ-Гирей родився року 1746 въ Адріанополи, у Румелин, де Гирей малы свои родови маеткы. Рапо вінъ лышывся сиротою після смерти батька свого, крымського хана Махметъ-Гирей. Маты Шагинова, итальянка родомъ, вывезла ёго зъ Адріанополя у Салоники, бо боялась за ёго жыття: тоди часто бувало, що наслідныкивъ державы зводили зо свиту всякымы способымы ихъ родычы, щобъ не стоялы имъ поперекъ дороги. Салоники у ту пору были осередкомъ торгивли у Македонин и стягали до себе купцивъ зъ усихъ европейськихъ державъ: Англин, Франціи, Итали, Гишпанін, Нимцивъ. Вдова ханська зъумила зацкавити свого сына освітою та наукою Захиднои Европы; до того жъ вінъ бувъ дуже кебетный та цикавий. Такымъ чыномъ молодой Шагинъ живъ свои дытячи лпта середъ освиченныхъ заморськихъ купцивъ та маандривныкивъ, багато де чога навчывся и такъ виодобавъ собі науку, що колы на 16 годи ёго жыття вмерла ёго маты, то вінъ перебрався жыты у Венецію, щобъ бильшу ще змогу маты вчытысь. Тоди вже вінъ знавъ добре грецьку, ла-

тынську, итальянську та французську мову, арабську знавъ ще зъ малечку, а російською навчывся пизнійше, проживаючи у Петербурзі.

«Вельми здивувався я, коли ёго ханська мылость зволилъ промовити до мене мовою латынською, та ще такъ expedite (гарно), мовъ бы який Цицеронъ»,— такъ писавъ пизнійше про Шагина до Тульчинського воеводы Потоцького Квяткевичъ. ёго посоль до крымського хана та козаківъ.

У Венеції проживъ Шагинъ до 20 году свого жыття, коли дядко его, тодишній крымський ханъ Керимъ-Гирей, людина такожъ освичена и поступова, покликавъ ёго до себе. Керимъ-Гирей дуже любивъ свого небожа и пазначивъ ёго калгою и сераскиромъ всихъ пагайськихъ ордь. Ти орды жылы у приморськихъ ливденныхъ стѣнахъ видъ гырль Дуная ажъ до Кубани, и було ихъ чотыри: буджацька, едсанська, едичкульська и джамбудуцька. Шагинъ оселився у едсанцивъ, яки жылы у теперешній пивденній Херсонщини, мижъ Днестромъ та Днипромъ. Ногайци дуже полюбылы и шанувалы своего молодого воеводу за ёго розумъ, смилывистъ и тверду волю. Шагинъ дуже дбавъ про порядокъ и справедывистъ въ ордахъ, старався залучаты торговыхъ людей зъ чужыхъ земель та зъ Турціи, щобъ завязаты зъ ними постійну торгивлю, хотивъ завести и крацый европейський ладь у вйську, але зъ тымъ ёму не посчастыло, бо трудно було переробыты дыки, кочови звычаи татаривъ.

Жывъ вишь просто, трохы на европейський ладь, одягався не пышно, не державъ гарема, обидавъ пры столи, а не доли—на кылыми, якъ звыкли татары: дуже кохався у ловахъ, найбильше зъ хоргами та соколамы. Все ханськи прыказы выповнявъ докладно, але при дворѣ, у Бахчисараѣ, бувавъ не часто, бо старыня ханська недобрымъ окомъ дывылась на ёго, маючы ёго за противника стародавнихъ звычаивъ. Не любылы ёго такожъ и за те, що вишь тягнувъ до Россіи: Шагинъ зумивъ нахлыты на свою сторону Шагина, та ще едсанського мурзу Джанъ-Мамбета, и перевирыты ихъ, що російський урядъ, бажаючи добра татарамъ и вичного ладу мижъ ними та Россією, хоче вызволыты

нихъ зъ индѣ турецькою властїю и зробити самостійне, могутне Крымське ханство.

Але недовго бувъ Шагинъ ногайськимъ сераскиромъ. Почалась війна Россїи зъ Турцією, и саме тоди вмеръ Керимъ-Гирей ханъ.

Новый ханъ Селимъ-Гирей, ставлений Турцією, бувъ не прихильный до Россїи. Тягнувши за Турцією, вінъ пославъ ногайцївъ руйнувати Україну, а Шагина закликавъ у Бахчисарай. Ногайцямъ бувъ назначений новый сераскиръ. Війна 1770 року була нещаслива для Турції: Румянцевъ розбивъ турківъ индѣ Маргою и Кагуломъ, Панингъ взявъ Бендеры и загнавъ далеко поза Днистеръ ногайськи орды—едысанцївъ та буджакивъ.

Ногайци побачили сыгъ Россїи и помощь Турції: Паниновн не трудно було теперь пахлынты ихъ до Россїи, бо вінъ зайнявъ своимъ військомъ ногайськи стѣны.

Однихъ страхомъ, другихъ индкуномъ та дарунками вінъ примусивъ видступити видъ Турції и индѣ тою умовою пропустивъ едысанцївъ та буджакивъ черезъ Днистеръ назадъ у ривни стѣны.

Тоди Панингъ пославъ сколькохъ прихильныхъ ёму мурзь до едычуливъ, та джамбулукивъ, и ти, за прикладомъ своихъ бративъ—едысанцївъ та буджакивъ, видреклися видъ Турції и перейшли на сторону Россїи.

Зєднавши соби ногайськи орды, Панингъ почавъ заходы, щобъ видпрвати видъ Турції и крымськыхъ татаривъ.

Зъ Петербурга бувъ приказъ Долгорукову руйнати зъ військомъ на Крымъ и сылою примусити татаривъ видректися видъ Турції и пристати до згоды зъ Россїєю.

Але попереду була зроблена спроба памовити татаривъ, щобъ шили воны на це зъ доброю воли.

У Крыму тоди были велики розрухы и колотичи: одинъ вигнулы за Турцією и за ханомъ Селшмомъ-Гиреемъ, що бувъ наставлений зъ Цареграду; други, за прикладомъ ногайцївъ, тягнулы до Россїи.

Щобъ приєднати татаривъ, користуючысь тою незгодою, Папінъ пославъ у Крымъ послівъ зъ прыхыльныхъ ордь: Джапъ-Мамбетового брата—Мавроени, Меліссу-мурзу та Али-агу, видъ джамбулукивъ.

Хапа Селимъ Гирей тоди не було дома: випъ бувъ у турецькій арміи на Дупаи, а місце ёго заступавъ папа (наслідникъ хапський).

Якъ прибулы Папінські послы, паша засадывъ ихъ у тюрму, зібравъ раду зъ татарськихъ старшынь та вельможъ, и рада прысудыла на смерть послівъ за те, що прыйшхалы вопы бунтувати народъ проты хана: Мавроени повисыты, а Меліссу-мурзу и Али-агу спалыты живцемъ. Проты такои постановы выступавъ ршучо Шагинъ-Гирей, який такожъ бувъ въ радѣ. Випъ добре розумивъ, що видъ Турціи не можно сподиватись теперъ пидмогы, бо сылу забрала Россія; випъ впрывъ, що Россія справди хоче утворыты самостійну крымську державу.

Опроче того, добре розуміючи переможну сылу пауки, освпыты та европейськихъ порядківъ, випъ мріявъ, що можно буде у незалежній крымській держави завести европейський ладъ и пидпяти дыкий Крымъ до велької, могутной Чорноморської имперіи.

Себе одного випъ покладавъ здатнымъ переробыты дыкыхъ кочовникивъ у освиченыхъ европейцивъ, пидвладный Крымъ зробыты незалежною имперією, а першою умовою для такои реформы мусила быты незалежність Крыма.

Отже теперъ тая незалежність, якъ думавъ випъ, сама лизе въ руки, и конче треба скорыстуватись такою нагодою. Крымъ того випъ знавъ, що російський урядъ, зпаччы ёго прыхыльнисть до себе, поможе ёму вступыты на хапський тронъ.

Мавроени привизъ памову Папина видступытысь видъ Турціи и, яко самостійній держави, скласты умову зъ Россією про вичну згоду, а представыкы видъ погайцивъ—Мелісса-мурза и Али-ага—своиыстылы крымський урядъ державный, що погайськи орды вже прыстали до такои умовы.

Шагинъ-Гирей у палкій та сыльній промови старався склонныты державну раду до угоды зъ Россією. Випъ доказувавъ, що

ничого сподиватись добра видь Турціи. Россія сама протягае Крымови братню руку и хоче зробити ёго самостійнымъ. Покаравшы на горло посливъ, державна рада ніякои шкоды не зробить тымъ Россіи, а соби зъ друга зробить ворога, и тоди вже нічого буде сподиватись добра та прыхыльности видь Россіи.

Шагинову мову пиддержавъ казамеръ-ефенди, старшый мулла, и хочъ мало не вся рада державна була вороже пастроена проты Россіи, але посливъ выпустилы на волю и дали имъ до Папына лыста, въ якому хочъ и не приставалы на угоду, але старалысь завырты въ своихъ добрыхъ почуваняхъ.

Мавроени, кримъ того, повизъ погайцямъ лыста видь ихъ колышнёго сераскира. Шагинъ-Гирей хвалывъ погайцивъ за ихъ прыхыльнисть до Россіи.

У Крыму писля того ще бильше змогыся розрухы та ворожнеча. А погайци, одержавшы Шагинового лыста, зібралыся на раду и постановылы vybrаты крымськымъ ханомъ Шагина-Гирея. Свою постанову вони объявылы Щербипину, губернатору слободської губерніи—тобъ то и погайськихъ степивъ--и вишь про ту постанову панисавъ у Петербургъ, зъ свого боку пиддержуючы ихъ.

Але у Петербурзі на ти погайськи выборы не покладалы велькой надіи. Погайцивъ похвалылы за прыхыльнисть, ихъ мурзамъ прислалы багати дарушкы, а Щербипину звелилы попереводыты погайськи орды пидъ Днистеръ та пидъ Донъ, щобъ очыстыты видь ихъ дорогу до Перекопу для россійского війська.

Долгоруковъ съ сыльною армією вступывъ у Крымъ и дуже швидко, безъ велькой боротьби, позаймавъ вси крымськи города та твердыни ажъ до Керчи.

Турція прислала невелику пидмогу крымцямъ, але ту пидмогу Долгоруковъ видбывъ у Кафи. Селимъ-Гирей видрпкся свого ханства и втпкъ у Турцію.

Не трудно було вже Долгорукову, маючы весь Крымъ у своихъ рукахъ, примусыты татаривъ видступытысь видь Турціи и прыстаты до угоды зъ Россією.

Забравшы мурзъ та значнійшу старшыну татарську у Карасубазарі, вишь примусывъ ихъ пидписаты умову и велывъ имъ

выбраты соби пового хапа. Выбраты Сагибъ-Гирея, Шагиного старшого брата, а Шагипа-Гирея выбрали пашою, тобъ-то наследникомъ хапа.

Такимъ чыномъ Крымъ зробывся нибы-то самостійною державою, зъ выборнымъ ханомъ, незалежнымъ видъ Турціи, але дуже залежнымъ видъ Россіи. На такі выборы прыстали и погайци.

Щобъ показаты свою прыхыльнисть до Россіи, новый ханъ пославъ у Петербургъ зъ присяжнымъ листомъ Шагипа-Гирея,

Въ кинци надолыста року 1771 Шагинъ-Гирей прыйхавъ у Петербургъ.

Россійський урядъ поводывся зъ нимъ дуже ласково и прыхыльно: на дорогу ёму було вызначено по 50 карбованицвъ у день, а у Петербурзи дали ёму роскишне помешкання и вызначыли платню по 100 карбованицвъ у день.

У Петербурзи Шагинъ-Гирей видразу прычарувавъ уснхъ: молодой, гарнои вроды, розумный, смпльвыи, зъ европейскою освітою та по азіатськи щедрыи, випъ зъєднавъ соби прыхыльнисть и пошану у вснхъ, крмъ де-якыхъ заздрыхъ придворныхъ вельможъ.

Видразу випъ намагався, щобъ министр царыци нешыр зъявывся до ёго на прывитання—але не добывся того. Потімъ випъ обявывъ, що на аудіенціи у царыци, буде у шанци, бо такый татарський звычай. На це згодылась царыци и бувъ навить выдапый указъ, якимъ дозволялось вснмъ магометанамъ буваты у шапкахъ на вснхъ послуханияхъ та церемоніяхъ. Зъ царыцею Шагинъ-Гирей говорывъ смилыво и дуже внодобавляи якъ своею вродою, такъ и розумомъ та освітою.

Царыца Катерына пысала до Вольтера: «у насъ теперъ гостіе султанъ-паша, братъ незалежного крымського хапа, людына молода, лять 25, розумный и цикавыи до всякон освіти». А у другому листи: «наследникъ крымського хапа дуже прыемный татарыпъ: гарный зъ себе, розумный, освиченый не по татарськи, пыше вирипъ, бажае все бачыты и все знаты докладно. Вси ёго полюбылы».

Справди, колы не вси полюбылы, то вси дуже зацікавы-
лысь Шагиномъ-Гиреемъ.

Царыця засыпала ёго даруцкамы: дороги шубы та одежи,
срѣбне пачыння, брылянтвый перстень, шабля, цвяхована доро-
гымъ каминнямъ, кримъ звычайной платни по 100 карбованцивъ
у день, ще пять тысячъ на дрибни выдатки.

И Шагинъ-Гирей роскошно заживъ у Петербурзи, забувши
про всяку политику та про свои мрії и замиры звельчыты
и просвитыты татарскый пародъ. Впнъ бувавъ на всихъ
прывдорныхъ церемоніяхъ, забавахъ, бенкетахъ та выста-
вахъ у театри, на військовихъ парадахъ, бувавъ и у вельможъ,
прыймавъ гостей у себе; цікавився всимы музеямы, фабрыкамы,
школамы; бувавъ навить у Смольному институти и дывився, якъ
танцюють та спивають институтки.

Грошей втрачавъ винъ багато, и не ставало ёму тіен платни,
яка була ёму вызначена.

Нанинъ выпросывъ ёму запомогы 10 тысячъ карбованцивъ,
але й ти грошы швидко розвіялысь. Шагинъ-Гирей позаставлявъ
дороги даруцки царыци, и потимъ доводилось выкупаты ихъ:
такъ выкупывъ ёму Нанинъ перстень и табатирку за 8,500 карб.

А тымъ часомъ у Крыму не було ладу; боролись тамъ дви
стороны: одни тягли до Турціи, други до Россіи, а ханъ Сагпъ-
Гирей бувъ слабой воли, песмылый и не мигъ даты порядку.
Турція не прызнавала ёго ханомъ, бо винъ бувъ поставлений
Россією, а россійскый урядъ домогався видъ ёго, щобъ винъ
видавъ Россіи два приморскыи города: Керчь и Еншкале. Ша-
гинъ такожь радывъ братови видаты ти города Россіи. Сагпъ-
Гирей не хотивъ виддаваты тыхъ городивъ, а турецька партія
мурзь та старынинъ пахыляла ёго пиддатысь Турціи.

Тымъ часомъ почалысь розрухы и середъ прыхыльныхъ до
Россіи погайцивъ, особливо середъ едычкульцивъ и джамбулу-
кивъ, що стоялы по той бикъ Дону: ихъ буштувалы турецьки
посланци зъ-за Кубани и пахылялы до Турціи.

Щербининъ пысавъ у Петербургъ и райавъ зновъ назпачыты
ногайцямъ сераскпромъ сыльного и смылого Шагина-Гирея,
бо ёго воны поважалы и слухалы.

Шагица-Гирей виправляли у Крымъ, щобъ полагодыты справы.

Але, помы ще впигъ зибрався йихаты, справы крымськи полагодылысь иншымъ способомъ: Долгоруковъ зъ вийськомъ зновъ увийшовъ у Крымъ, розигпавъ и розбывъ де якихъ мурзъ и, зибравшы раду у Карасубазари, зновъ примусывъ ии видступытысь видъ Турции, пидпысаты умову про вичну згеду зъ Россією и «на знакъ тїей згоды» видаты Россіи Керчь та Еникале.

Шагигъ-Гирей йихавъ у Крымъ заспокоиты своихъ землякывъ и закрипыты пхъ прыхыльнисть до Россіи. Жывшы у Петербурзи, впигъ бачывъ сылу Россіи, розумивъ, що боротьбою та змаганнямы Крымъ соби ничого не выбере; бачывшы ласку и щедроты царици для себе, впигъ думавъ прыдбаты таку жъ ласку и для своего народу.

Але той народъ, дыкий и своевольный, цурався россійскою ласкы. На думку Шагигъ-Гирей треба було крымцямъ сыльного, розумного хана, який примусывъ бы пхъ, якъ малыхъ, петамущыхъ дїтей, робыты те, що для пыхъ буде корыстно. Такимъ хапомъ мигъ буты тильки впигъ, и теперь вже ёго не завдовольняла посада сераскира погайськыхъ ордъ: ёму треба було ханського трону. Ханъ Сагигъ-Гирей зибравъ раду старшынь и мурзъ, щобъ послухала впстей, яки привизъ калга Шагигъ-Гирей зъ Петербурга.

Шагигъ почавъ памовляты ряду нокынуты всяку ворожнечу, забуты про Турцию и покласты вси свои падїи на ласку и мылость царици Катерины. Впигъ выхвалявъ ии прыхыльнисть до Крыму, ии щедроты, называвъ себе вичнымъ и вичнымъ прыхыльныкомъ Россіи, видъ якоп залежыты счастья, велычнисть и незалежнисть Крыма.

Неймовирни и уперти мурзы та старшына не пиддавалысь намовамъ Шагигъ-Гирей.

— Мы однаково боимся и Россіи, и Турции, казалы вошы. Коли пасъ прытыспула Россія, мы мусны прыстаты на угоду зъ нею, вона-жъ пасъ пидвела и покрывдыла: забрала пашы земши и города. А видъ Турции мы не зналы лыха, зъ нею мы съ-поконь-вику въ згоди и вира у пасъ одна.

— Та пиколы зроду Россія не хотила вашои кривды, казавъ Шагинъ-Гирей. Хтившы, вона могла-бъ зробыты зъ Крыму пустыню, а про те—сами бачыте—вывела свое вѣйско пазадъ, нѣякого лыха не зробывшы. Россія бажае незалежности Крыма и вчпюге спокою для себе. Коли Крымъ стане незалежный, Турція пиколы не посміе воюваты зъ Россією, бо Крымъ—це жъ права рука Турціи.

Рада уперто мовчала.

Зъ Шагиномъ-Гиреемъ прыйхавъ зъ Петербурга князь Путятынь. Розгниваный Шагинъ казавъ ёму: «зъ такымы невдячнымы и упертымы людьмы, зъ ворогамы моймы и Россіи, я ничого не могу вдѣяты. Дорогою душею я постарався-бъ завести ладъ у Крыму и вчпю згуду зъ Россією, але не сыла моя,—вошы мене не слухають. Коли не зможу ничого бильше зробыты, то покыну Крымъ и буду просыты захысту и прытулку у царици, якій я до выку буду вирный и вдячный».

Путятынь пысавъ про це у Петербургъ и раявъ наставыты Шагина-Гирея крымськымъ ханомъ. Але у Петербурзи не дуже гванылысь зъ цимъ дипломъ, бо не хотили видразу ламаты незалежність Крыма, якый мавъ соби выбраного хана. До того ще и Турція не хотила признаваты Карасубазарську умову про незалежність Крыма, и коли-бъ побачыла такый впливъ Россіи на крымськи дѣла, то сперечалась бы ще бильше.

И безъ того Турція почала заходы, щобъ вернуты Крымъ нидь свою руку. На Кубань зъ Турціи выслалы Девлетъ-Гирей. Туды збиралысь вси незавдоволены и неспокійны крымцы, туды перебралысь и недобыткы-мурзы, якыхъ розгнавъ зъ Крыму Долгоруковъ.

На Тамани оголосылы Крымъ зновъ нидь захыстомъ Турціи и выбрали Девлетъ-Гирей крымськымъ ханомъ. Заворушылысь и джамбулукы и едичкулы, яки жылы по цей бикъ Кубани ажъ до Дону. У Крыму зновъ взяла сылу партія турецькихъ прихильныкывъ.

Шагинъ покынувъ Крымъ и перебрался у Полтаву; тамъ ёго прыйнялы радо, и російськый урядъ зновъ назначывъ ёму платню по 1000 карб. у мѣсяць.

Тымъ часомъ Девлетъ-Гирей перейшовъ за Кубань, розбивъ погайського сераскира Казы-Гирея, и едычкульци признали ёго крымськымъ ханомъ.

Турція піддержувала ёго, и Россія почала теряти падію на самостійність Крыма.

Щобъ утриматы пры соби хочъ нагайськы орды, Россія послала на Кубань вирного Джанъ-Мамбета и Шагина-Гирея, якого погайци давно хотили соби за сераскира.

Але Девлетъ-Гирей тымъ часомъ перейшовъ зъ Кубани у Крымъ; тамъ ёго прийняли дуже радо; Сагиба-Гирея скинули зъ ханства и оголосыли Девлета-Гирея крымськымъ ханомъ.

Утвердившысь у Крыму, Девлетъ-Гирей заразъ назначывъ погайськымъ сераскиромъ Тохтамышъ-Гирея, а пашею, тобъ-то паслidyкомъ хана, Турція назначыла на мiсце Шагина Гирея—свого прыхыльныка Бахти-Гирея.

Тымъ часомъ погайци признали вже своимъ сераскиромъ Шагина-Гирея. Але прыбувъ зъ Крыму Тохтамышъ-Гирей зъ 3 тысячами вiйска, розбивъ Шагина-Гирея и утвердився сераскиромъ. Крымъ и погайськы орды зновъ стали пидъ владу Турціи.

Тоди Россія постановыла зновъ покорыты крымцiвъ сылою. Прыйшовъ приказъ зъ Петербурга Румянцеву выступыты на Крымъ зъ 30 тысячами вiйска и постановыты ханомъ Шагина-Гирея.

Румянцевъ пидступывъ до Перекопу, а Шагинъ-Гирей зъ росiйськымъ вiйскомъ пiйшовъ на Кубань. Винъ розбивъ и прогнавъ Тохтамыш-Гирея, и погайци, якы завжде были прыхыльни до Шагина, признали ёго крымськымъ ханомъ. Тоди Шагинъ-Гирей зъ Кубани перейшовъ у Крымъ, а назустричь ёму йшло росiйське вiсько зъ Перекопу.

Ханъ Девлетъ-Гирей, зибравшы 40 тысячъ вiйска, ставъ до обороны своихъ правъ, але ёму не пощастыло: розбитый Шагинъ-Гиреемъ и генераломъ Прозоровськымъ, винъ мусивъ впдректыся своего ханства и втекты зъ Крыму.

А незалежнимъ крымськимъ хапомъ бувъ наставлений Шагинъ-Гирей и крымци мусили присягнути ёму и зновъ видректися видъ Турціи.

Було це у жовтні року 1776.

III.

Давня мрія Шагина-Гирея здійсллася: вінъ ставъ головою свого народу и мигъ теперъ заводити нови, краци порядки, щобъ зробити зъ дикаривъ освиченихъ европейцивъ, а зъ незалежного Крыму—велику, могутню Чорноморську імперію.

Вінъ бачивъ и розумивъ добре, що найбільше лихо було Крымови видъ непорядкивъ та розрухи, яки розбивали народъ на різні партіи. Найбільше у тому були винні мурзы, бек, та інша старшина, яки мали велику силу и впливъ при попереднихъ хапахъ. Вони-жъ здебільшого и тягнули до Турціи. Де-яки мурзы и бек жыли якъ незалежні князьки у своихъ маєткахъ, держали своє війско, не боялись хана и не слухали ёго. У воєннихъ справахъ черезъ те виходивъ великій пеладъ и безголовья, бо кожний такий мурза командувавъ самъ, якъ собі хотивъ. Тымъ то невелике, але упорядковане и слухняне російське війско швидко розбило далеко більшу силу Девлетъ-Гирея.

Шагинъ-Гирей почавъ зъ того, що утворивъ державну раду, въ яку настановивъ своихъ прихильникивъ. Вінъ назначивъ їмъ платню и вони цілкомъ залежали видъ хана.

Потімъ вінъ поділивъ Крымъ на шість уділівъ и въ кожний уділъ самъ назначивъ *каймакама*. Кожне каймакамство було поділено на *кадилыки*, якими заправляли *кади*, а ихъ зновъ такъ назначавъ самъ Шагинъ-Гирей. Кадилыкивъ було у Крыму 44.

Такий поділъ бувъ заведений на взирецъ російськихъ губерній та повітівъ.

Повсякчаси війны, незгоды та розрухи дуже зруйнували Крымъ: народъ зубоживъ, скарбниця ханська була порожня, а податкивъ ніякъ не можна було стягнути.

До того ще колышпя старшына ханська звыкла обкрадаты казну и обдыраты народъ и купцивъ.

Дбаючи про грошови справы ханства, Шагинъ-Гирей завивъ справный и суворый порядокъ у грошовыхъ дилахъ скарбу; всякый пайменьшый выдатокъ мусивъ записыуватысь у рахунковыхъ кныгахъ. Записыувалысь навить выдаткы на ханську кухню. А заправлявъ скарбомъ *дефтердаръ-ага*, тобъ то мипиسترъ фпансивъ, який мавъ помпчыка *казнадара*, себъ-го казначея. Була заведена и монетарня у Кафи, де былы монету рижной цины и за тры roky выпустьлы иш на 330 тысячь карбоващивъ на наши грошы.

Щобъ не обтяжаты народъ подушными податками, Шагинъ-Гирей повиддававъ на видкупъ рижни доходы ханства: мытницы (таможни) у Черекони, Козлови та Кафи, соляни озера, броварни та вынокурни: пазначывъ палогъ зъ рогатон худобы, ичиль. Подушне платылы тильки жыды и цыгане. Крымъ того давали чымали доходы власни ханськи землш и маетки, и цш грошы йшлы вже на удержання ханського двора.

Багато старання поклавъ Шагинъ-Гирей, щобъ упорядкувати вйсько. Доси крымське вйсько складалось зъ ногайськихъ ордъ, зъ загонивъ, яки прыводылы мурзы и бея, и зъ турецького вйська, що стояло у Кафи, Керчи та Енкале. Таке вйсько було дуже рижномащитне и безладне.

Ногайци были дыки, хыжи пайздныкы и розбышакы: вони гараздн были тильки грабуваты, палыты и руйнуваты и не могли встояты проты статечного реестрового вйська, особливо проты гармать. Загоны мурзъ та бенвъ тако-жъ были безладни; мурзы и беи выстуналы часто кожний самъ по соби, бувало сварылысь и грызлысь помижъ себе, и зъ такимъ збиранимъ вйськомъ трудно було даты ладъ. Турецького жъ вйська не стало зовсимъ, скоро Крымъ обявывеся самостийнымъ и видступывеся видъ Турци.

Щобъ упорядкувати вйськову справу, Шагинъ-Гирей завивъ рекрутчыну: вишь звеливъ переписыаты увесь народъ и видъ няты дворивъ браты одного рекрута. Набравшы ихъ, вишь звеливъ муштруваты ихъ на европейський ладъ. Крымъ того вишь па-

бравъ одынь полкъ пайкрацого вѣйска и той полкъ державъ при соби; назывався вѣнь *саймены*, тобъ-то хапська гвардія.

У Кафи бувъ поставлений чугушный заводъ и кувалысь свои власни гарматы и пушкы, а билиа Бахчисараѣ—пороховый заводъ.

Стари мурзы и бей важкымъ духомъ дыхалы на нового хана за те, що вѣнь забравъ видъ пыхъ всю сылу ихъ, вплывъ и вѣйско.

Ремствувавъ и народъ за рекрутчыну. Але Шагинъ-Гирей не вважавъ на це и заводывъ скрызъ свои порядкы.

Ѵму не сыдилось у Бахчисараѣ, що стоить у глыбокій, тиснѣй котловини мижъ горы. Могутня, невсыпуца вдача шукала соби простору, шырокихъ шляхивъ, еднання зъ заморськымы чужышчымы, зъ европейскою торгивлею та освитою. И Шагинъ-Гирей задумавъ перебраться зъ сонного Бахчисараѣ у кыпучу и рухливу приморську Кафу. Вѣнь заходывся будуваты соби багатый палаць у Кафи и выкликавъ для того итальянськыхъ майстривъ та ремесныкивъ.

Свое власне жытти вѣнь обставивъ зовсѣмъ по европейскы. Вся челядь ёго була зъ чужышчывъ: кухаръ пимецъ, лакей французъ, машталеры и фурманы—москалы, ликари—Иванъ Ивановичъ и анлычанывъ Робертсонъ.

Шагинъ-Гирей не любывъ пиздыты верхы, якъ велося споконъ вику, а бильше у карети; одягався просто, у довгу чорну керею, обидавъ пры столи, гарема не хотивъ держаты, и лынь на превельку сылу придворни муллы памовылы ёго взяты соби три жоны.

Нови порядкы не подобалысь татарамъ. Муллы и инши духовни парпкалы, що ханъ не поважае старои вѣры, батькивськыхъ та дидивськыхъ звычанвъ и тягне до чужовирной Россіи, видступывшысь видъ своихъ одновѣривъ туркивъ.

Мурзы, бей и старшына не злюбыла ёго за те, що вѣнь звывъ ихъ ин на що, забравшы видъ пыхъ и сылу, и вѣйско, и вплывъ на державни справы; народъ ремствувавъ за рекрутчыну,

військо—за нови порядки. Лышь саймены булы впрни и покирпн, бо ханъ дуже инелувався нмы и любывъ ихъ.

А Турція тымъ часомъ не покынула своихъ заходивъ и змаганъ, щобъ зновъ завернуты Крымъ до себе; черезъ тайныхъ посланцивъ вона зносилась зъ непокирпымы мурзамы и беямы, пиддержувала педовольнисть и сіяла зерпа зрады. По крымськихъ городахъ та селахъ вешталысь ти посланци, перебравшысь за купцивъ, мултъ та старцивъ, и бунтувалы народъ.

Лышь певельчке чысло прыхыльныкнвъ Шагиа-Гирея, якыхъ вшъ попазначавъ на державни уряды, та полкъ сайменивъ булы ёму впрни и щиро помогалы заводыты новый ладъ.

И у Крымѹ зновъ почалысь розрухы и бунты. Зибравшысь загопаны, бунтари ходылы по селахъ, побываючы и грабуючы ханськихъ прыхыльныкнвъ та чыновныкнвъ, а народъ помогавъ бунтарямъ и прыстававъ до ихъ загопнвъ.

Агаса-бей, зибравшы скылько загопнвъ до куны, пидступнвъ до Бахчисараю, але саймены видбылы ёго. Агаса подався до Карасубазару, але тамъ зустрнвъ ёго генераль Прозоровський зъ россійськымъ войскомъ, що стояло у Перекони, и видбывъ зповъ. Вертаючысь назадъ зъ-пидъ Карасубазару, бунтари наскочылы на Шагиа-Гирея, якый выйшовъ проты ныхъ зъ сыльнымъ войскомъ. Ханъ розбывъ и роснороннвъ загинъ Агасы. Але тымъ часомъ инши бунтарьски загоны, довидавшысь, що ханъ забравъ трохы не всю сылу зъ собою, напалы на Бахчисарай, ограбувалы ханський палаць, перебылы челядь и прыблыжныхъ хана и розграбувалы веихъ ёго прыхыльныкнвъ.

Почувшы про це, Шагиа-Гирей взявъ на помпчъ частыну россійського війська у генерала Прозоровського и повернувъ назадъ у Бахчисарай, розбываючы и розганяючы по дорози бунтарьски загоны. Не встыгъ ханъ дійты до Бахчисараю, якъ у Козлови скоплось пове, несподиване лихо: туды высадывся зъ Очакова колышній скипутый ханъ Селимъ-Гирей. До ёго почалы горнутысь вси бунтари и ворогы Шагиа и зновъ оголосылы Селима-Гирея крымськымъ ханомъ.

Шагинъ-Гирей повернувъ назадъ до Козлова, а па пидмогу пшовъ ёму зъ Перекону генераль Прозоровскый. Селимъ-Гирей зъ безладными п непорядковаными загонами не мигъ встояты проты Шагиного п російського вѣйска. Не довго боровся вѣпъ, оточений ихъ потугамы, п мусивъ здатысь.

Покатувавшы лотымы карамы Селима-Гирея и своихъ ворогивъ, Шагинъ-Гирей зъ генераломъ Прозоровскымъ пройшлы увесь Крымъ, розбиваючы п караючы бунтаривъ. Кровью залылася Крымська держава: бильшь 12 тысячъ народу покарано на горло, а що вже погынуло жппогъ, дитей та старыхъ, пемощныхъ видъ голоду та холоду—бо діялось це зимою р. 1778,—того не зличыть.

Прыслала п Турція запомогу вѣйскомъ Селимови, але тая запомога опизшылась, п Суворовъ видбывъ їи, потопившы 7 турецькихъ корабливъ п перебывшы бильшь 7 тысячъ турецького вѣйска.

Прыгнитывшы, але не погасывшы кровью загалъне ремство, Шагинъ-Гирей зновъ взявся проводитьы свои порядкы.

Вѣпъ бачывъ, що безъ запомогы Россіи не зможе вдержатысь на тропи. Тому-то псля тыхъ бунтивъ вѣпъ ще тиспѣйше звязався зъ нею.

Зъ Россіи вѣпъ вже заклькавъ майстривъ, купцивъ, выпысувавъ зброю; російськихъ офицеривъ державъ пры вѣйску для науки. Щобъ легче було зпосытысь п зсылатысь зъ Россією, Шагинъ-Гирей завивъ почту п поставивъ 16 почтовыхъ станцій видъ Бахчисараю до Перекону.

Але чымъ тиспѣйше вѣпъ зблыжався до Россіи, тымъ бильше виддалаявся видъ ёго татарскый народъ. Шагинъ-Гирей почавъ вже боятысь за свое жыття, бо скризъ, павить у дворци, булы у ёго ворогы.

Мынуло два рокы псля велького повстанпя, п татары зновъ заворушылысь. Теперь почалось зъ Кубани.

Турція выслала Сулеймана-Агу пидняты па Шагина-Гирея погайцивъ. Орды заворушылысь. Псля лютыхъ каръ п розгрому

повстанцівъ у 1778 році, ногайци зненавидили свого колишнього любого сераскира.

Найбільшъ рухливи и непокирни джамбулуки и едычулы оголосили кримськимъ ханомъ Богадыра-Гирея—Шагинового брата. Піднялись подекуды и кримци.

Хочъ Шагинъ-Гирей и покаравъ лютою смертю де-якихъ пепевныхъ и смилвійшыхъ, але тымъ не заспокоивъ народъ. Ногайци выслали посланцівъ до царицы, прохаючи скинуты ненавистного и лютого Шагина-Гирея и признаты ханомъ Богадыра. Але на те прохання царицы не ввельла и зветила татарамъ покорытыся Шагинови.

Тымъ часомъ вже и у Крыму знялося повстання шдъ прыводомъ Султанъ-Алима. Зновъ прыйшлося скрутно Шагинови.

Зъ Кубани находывъ Богадырь зъ ногайцями, а видъ Козлова Алимъ зъ 3 тысячами повстанцівъ. Шагинъ-Гирей выславъ на Алима саймешивъ, але воны передались Алимови и зъедпалыся зъ повстанцями.

Шагинъ-Гирей мусивъ покынуты все и, рятуючы свою голову, втекти въ Еникале, де стояло російське війско.

Зновъ піднявся весь Крымъ и, выбравшы Богадыра ханомъ, пославъ до царицы и у Турцію грамоты, прохаючи скинуты Шагина и пазначыты Богадыра.

Але зъ Петербурга прыйшовъ приказъ Потемкину, тодшньому генераль-губернаторови Новоросійського краю, усмырыты буштъ и зновъ настановыты на кримський тронъ Шагина-Гирея.

Зновъ російське війско увійшло въ Крымъ, розбыло и розпорошыло повстанцівъ, зновъ почавъ Шагинъ-Гирей лютымы карами втыхомырюваты своихъ непокирнихъ пидданныхъ. И зновъ польлася татарська кровь зъ рукъ татарського хана...

Потемкинъ, бачывшы, що Шагинъ-Гирей власною сылою не вдержытся на трони, почавъ намовляты ёго видректися того ханства, де ёго ненавидять и готови стратыты ёго зо свиту. Випъ раявъ ёму виддаты Крымъ Россіи, а за те обиявъ ёму ханство у Персіи за пидмогою Россіи.

Шагинови докучыла та неустанна боротьба зъ своимъ власнымъ народомъ. Вишь бачывъ, що не дасть зъ пымъ ладу, и згодывся на намову Потемкина.

Зибравшы старшыну татарську у Карасубазари, вишь, поклыкаючы судъ Божый на ихъ головы, объявывъ, що не хоче быты хапомъ такого пепокпрного и невдячного народу.

До татарськои старшыны промовывъ де-Бальменъ, посланый видъ Потемкина, намовляючы ихъ просыты царицю, щобъ прийняла Крымъ пидъ Россійську державу.

Татары бачылы руину своего краю видъ неустанныхъ вйгъ та розрухивъ, непавыдили нови порядкы Шагина-Гирея, не надіялись вже вернутысь пидъ турецьку владу, бо перемогла Россійська сыла, и згодылысь пиддатысь Россіи.

24 сичня р. 1783 россійське вйсько зайняло Крымъ, и татары прысягнулы царици. У манифести було сказано: «щобъ заспокоиты разъ на завжде всяки розрухы крымьски, прылучаемъ до нашої державы пивьостривъ Крымъ, остривъ Тамань и всю Кубань, якъ справедыву загоду за вси шкоды и клопоты, якы мы понесли на удержання въ нихъ спокою и порядку».

Такъ скінчылося хапство Шагина-Гирея, а зъ нимъ и самостійність Крыма.

Симъ литъ правывъ вишь, щиро бажаючы добра своему народови, думаючы звельчыты Крымъ, зробыты ёго могутною, незалежною державою...

А замисць того зпивечывъ, зруйнувавъ п заливъ братнёю кровью той багатый край и видавъ ёго у чуже пидданство.

IV.

Розвипчаний ханъ, звычайно, не мигъ лышытысь у Крыму, та й самъ не хотивъ.

Россійський урядъ, назпачывшы ёму 200 тысячъ платни на рикъ, указывавъ ёму перебраться у Херсонъ. Шагинъ-Гирей

не хотивъ туды, думавъ довго, выбравъ соби Азовъ, потимъ зповъ передумавъ, ажъ на останку зібрався на Тамань.

Зъ Кафы перевезлы туды все добро ханське, жинокъ ёго, челядь, громадку ёго прыхыльпыкивъ зъ ихъ добромъ, частыну вирныхъ сайменивъ, табунъ дорогыхъ арабськихъ коней, верблюдовивъ. Всёго перебралось зъ ханомъ за Тамань биля 2 тысячь душъ.

На Тамани Шагинъ-Гирей проживъ не довго. Ногайци, побачывшы, що Крымъ перейшовъ нидь россійську державу, а зъ пымъ и вони сами, не хотилы покорытысь. Частына ихъ почала перебыратысь за Кубань на турецьки земли, а инши задумалы вернуты соби незалежність, почалы бунтуваты проты наставленыхъ надъ ними россійськихъ начальныкивъ и зсылалысь зъ Шагиномъ-Гиреемъ. Дійшло до того, що Потемкинъ мусивъ послаты військо, щобъ замырыты своевольныхъ ногайцивъ.

Шагинъ-Гирей пославъ одного зъ приставленыхъ до ёго россійськихъ офицеривъ зъ листомъ до царицы, але Потемкинъ, довидавшысь про це, вернувъ зъ дороги того офицера, а Шагинови пославъ приказъ, щобъ вигъ не смивъ безъ ёго дозволу пысаты до царицы и роспоряжатысь своимы приставами.

Взагали Потемкинъ не любивъ Шагина-Гирея, чынивъ ёму всяки прытычыны и утыскы, а у Петербургъ пысавъ, що Шагинъ-Гирей зсылаеця зъ погайцями и бунтуе ихъ.

Тоди цариця прислала указъ, щобъ Шагинъ-Гирей заразъ перебрался у Воронижъ, и на той перепздъ назначено ёму було 20 тысячь. Не прожившы и року на Тамани, Шагинъ, покынувшы тамъ увесь свій двиръ, мусивъ перейхаты у Воронижъ.

Тяжко вильному стеновому орлови жыты у певолци, у клитци,—ще тяжче було самовладному гордому ханови покорятысь приказамъ Потемкина и наставленымъ видъ ёго приставамъ-офицерамъ.

И Шагинъ-Гирей просивъ черезъ Потемкина царицю дозволыты ёму перебраться у Турцію. Вигъ бачывъ теперъ, що обцяне ёму ханство у Нерсин була дурныця.

Думаючи перемандрувать у Турцію, вишь не хотивъ таскаты у Воронижъ за собою свій двирь и все добро.

Пивтора року прожывъ Шагинъ-Гирей у Воронижи, дождаючысь того дозволу, и диджався лышь того, що прыказано було зъ Воронижа перевезты ёго у Калугу.

Правда, везлы ёго зъ пошаною и честию; скривъ булы прыказы городнычымъ и губернаторамъ зустричаты ёго, якъ царську особу, але Шагинъ-Гирей почувавъ себе хочъ у добри, але у певоли, хочъ у золотій клитци, а все такы у клитци.

Зъ Воронижа у Калугу вишь перейхавъ зъ дуже певелькымъ дворомъ: бувъ при ёму секретарь Терзи-Измаилъ-ефенди, двое муллывъ, капитанъ-ага ханьского корабля и чоловпка 20 челяди.

Про цю подорожъ зъ Воронижа у Калугу переховалысь до нашого часу де-яки згадки, запысани сучасныкомъ ии Болотовымъ.

Шагинъ-Гирей почувавъ у Богородицку у господи Болотова. Ось шо пыше той сучасныкъ:

«19 грудня у третій годины ишля полудня прыскочывъ верховешъ, повидомляючы, що гости йдуть; мало не вразъ зъ пымъ прыбула кухня ханська и челядь. Полиціймейстеръ зъ командою драгунивъ выйхавъ назустричъ Гирееви, а я заходывся порядкуваты госпуду. Незабаромъ прыбувъ и высокый гистъ. Прывиталы мы ёго на ганку, и я попросывъ Гирея у гостышну свитлицю, де винъ почавъ роздягатысь. Челядь зияла зъ ёго дорогу соболячу шубу та чорну теплу хусту, мягку та довгу, якою була закутана ёго голова. Ханъ одягпенный бувъ у довгий чорный жупанъ, який дуже скидався на черпечу рясу, а на голови у ёго була певельчка шапка зъ гарныхъ чорныхъ смушкывъ.

Моя тепла хата дуже внодобалась ханови, и вишь сказавъ, що бажавъ бы тутъ почуваты. Лашкаревъ, офицеръ конвоя, охоче прыставъ на це, тымъ бильше, що треба було полагодыты ханськы сапи, бо вони перевернулысь булы, дойпзжаючы до города, и цось тамъ обламалося. Ханъ весело розмовлявъ зъ Лашкаревымъ по французськи про цю прыгоду.

Камердыперъ ханськый, ставшы навколишки, подавъ ёму у срибній посудѣ кофій. Здывував мене чы-мало цей азіатськый звычай. Писля кофію такимъ же чыномъ ханови подали люльку, просту глыняну, на довгому чубуци, и винъ курывъ їи, похожаючы по свитльци и балакаючы зъ Лашкаревымъ. Думаючы, що я не розумію французьскои мовы, винъ пошанувавъ и мене короткою розмовою по россійськи. Потимъ ханъ пишовъ на спочынокъ, и у гостынній оставсь Лашкаревъ и дворяне ханьски: Измаиль-ефенди та капитапъ-ага, люде високого розуму и пауки».

Болотовъ бувъ художныкъ и, запам'ятавши соби облыччя Шагина-Гирея, памалювавъ потимъ ёго патреть — якъ казали ти, що зпалы хана — дуже схожий. Литъ 35, гарной вроды, высокый, худый, чорный, зъ чорною бородою и у чорній керей, винъ дуже скыдається на монаха.

На другый день ханъ нойихавъ дали, багатымы дарункамы подякувавшы всемъ за гостыну. Болотову винъ подарувавъ гарный золотый годышныкъ, ёго жинци и дочци два сувон дорогого аксамыту, сроднычому золоту табатырку.

Але и у Калузи не довго прожывъ Шагинъ-Гирей. Довелось дызнати ёму багато утыскивъ и перешкодъ, пайбільше видъ Потемкина.

Платню ёму выдавали дуже несправно, задержуючы їи на скилька мисяцивъ. А винъ звыкъ жыты роскошно, роздававъ щедри дарунки и разъ-у-разъ ёму не ставало грошей. Доводылось позычати ихъ и платыты дуже вельки проценты. Такъ у Калузи ханъ наробывъ довгу до 130 тысячъ.

Въ тимъ клопоти взявся помогты ёму жыдъ Веніамынъ-бей, який колысь державъ у Крыму, ще за папування Шагина-Гирея, горильчаный видкупъ.

Винъ предложывъ ханови зибраты аренды зъ ёго масткивъ у Крыму; ханъ прыставъ на це и выправывъ ёго у Крымъ, давшы довиренности.

Але Потемкинъ звеливъ арештувати Веніамына, а Шагина-Гирея сповистывъ, що вси ёго маетки забраны у казну и винъ вже до ныхъ нїякого права немае.

Тяжко це засмутило Шагина-Гирея. А тымъ часомъ двирь ёго зъ усимъ добромъ сидивъ на Тамани, не знаючы, що зъ собою подіаты. Шагинивъ братъ Арсланъ пысавъ ёму зъ Кубани: «глянь на Бога и пожалій насъ. Дай намъ звистку, що думаешъ чыныты зъ собою и куды намъ прыкажешъ подитись, або дозвольт намъ самимъ подуматы и распорядытись собою, якъ знаемъ».

Шагинъ-Гирей выславъ на Кубань дозирешного чоловіка Кугаса зъ лыстами до бративъ и Исламъ-бея, якого винъ лышывъ старшымъ надъ своимъ дворомъ.

Але, пился арештованна Веніамыпа-бея, Потемкинъ велывъ стежыты добре на Перекоци, Арбаты и кругомъ Тамани, щобъ не мигъ зсылатись Шагинъ-Гирей зъ своимы.

И Кугаса перейняли близьъ Перекону, а лысты хапа видисламы до Потемкина.

Тоди Потемкинъ пославъ прыказъ крымському губернаторови Коховському, щобъ обявывъ Шагиновому дворови, що лышывся на Тамани, щобъ прысягалы на вирнисть и пидданство російській держави, а хто не схоче прысягнуты, щобъ выбрався соби у Турцію.

Исламъ-бей и султанъ Али-ага (начальныкъ гарема) видповилы, що воны прысягалы своему ханови и безъ ёго дозволу не можуть прысягаты никому иншому.

Такожъ и тры жоны Шагинови не схотилы російського пидданства и просылы, щобъ ихъ видправылы або до ихъ хапа або у Турцію.

Тымъ часомъ и Шагинови прыйшовъ парешти зъ Петербурга дозвилъ выйхаты у Турцію. Йихаты винъ мавъ на Кывь, Камьянець-Подольській до Хотина. Зъ ёго дворомъ распорядывся Потемкинъ такъ, що Исламъ-бей, 1200 татаривъ и сайменивъ переправылы за Кубань, у Турцію (бо въ ту пору ще Кавказъ належавъ до Турціи): гаремъ, брата Арслана та Али-агу и 117 чоловіка челяди на ханському кораблі выправылы у Турцію моремъ, а 50 колышнихъ сайменивъ та челяди, табушь копей, верблюдивъ и добро ханське выправылы на Кывь, пазустричъ Ша-

гинови. Старшимъ надъ пымы бувъ Кугасъ, якого выпустилы зъ арешту.

Кугасъ трохи забарився у Перекопи: зима була люта и винъ просивъ Потемкина дозвольты ёму перезимуваты у Крыму, щобъ не погынулы видъ холоду верблюды: але ёму того не дозволылы, и винъ мусивъ покинуты верблюдивъ, а все добро переклавъ на коней и зустрився зъ своимъ хапомъ у Кыиви, на зымнёго Мыколу р. 1786. Шагинъ-Гирей вирушывъ зъ Кыива у Бердычивъ, а передъ Риздомъ бувъ вже на Довжку, нидъ Камьянцемъ. Тутъ винъ спочывавъ тры дни п посылавъ гонця у Хотынъ, до турецького пашы, повидомляючы про свій замиръ йихаты у Турцію. Але паша, не маючы пнякого прыказу зъ Стамбулу, боявся пропустыты Шагина-Гирей. Треба було послаты у Стамбуль пытаты прыказу султана.

А Шагинъ-Гирей чымъ близьче бувъ до турецькои земли, тымъ бильше стававъ неспокійный и петерплячый.

Почалысь нови клопоты и труднація: російський урядъ переставъ платыты грошы Шагинови и ничымъ було жыты ёму зъ дворомъ своимъ.

Полковникъ Вельяминовъ, прывавленный до хана, пысавъ у Петербургъ, прохаючы не задержувать платни, и на превельку сылу выпрохавъ, що продовжылы їи ще на мисяць. Але, покы прыйшлы ти грошы, треба було ихъ якось добуваты и довелось ханови зновъ позастановляты де-яки дороги клейноды зъ скарбу та продаты частыпу коней.

Кони были дороги арабськи, и купывъ ихъ у хана управытель маеткивъ пана Ляцкоронського Адамъ Чайкивський. И довго ще потимъ велася у того пана порода арабськихъ коней и звалы ихъ гиреямы.

Шагинъ-Гирей хотивъ буты ще близьче до турецькои земли и, спочывшы на Довжку, перейхавъ у Жванецъ. По той бикъ Днястра винъ бачывъ вже ту землю, бачывъ замокъ турецький у Хотыци.

У Жванци довелось ёму оселытысь у руинахъ замчыска Ляцкоронськихъ, де було лышь скилька кимпаты тенлыхъ и

здибныхъ для жытла. Камьянецькый комендантъ Вите для почоту и охороны Шагина прыславъ сотню польскаго вѣйска.

Трохы не мисяць довелося ждаты Шагинови видповиди зи Стамбулу, а пудьга и непевнисть мучылы ёго страшенно: винь бачывъ турецьку, ягъ-не-якъ, а ридну землю и не мигъ ступыты на неи.

Збигався звидусиль народъ, щобъ подывытысь на татаривъ: де-яки диды памьяталы ще найизды и погромы татарьски. А теперь ти сами татары, та ще й зъ хапомъ своимъ, смырненко сыдили у замчыську. Збигалась и шляхта цикава, перебигалы и туркы зъ Хотыша, щобъ подывытысь на своихъ одновирцивъ и ихъ Гирея. И юрба народу патовномъ стояла що-дня передъ воритьмы Жвапецького замку.

Шагипъ-Гирей сыдивъ и не показувася, а нудьга и журба сушылы ёго.

Почалы прыдворни намовляты хана пройихатысь трохы, щобъ розважыты тугу и щобъ показатысь пародови, якый хотивъ поклоньтысь и прывитатысь ёго свитлисть.

И Шагипъ выйихавъ верхы, оточеныи своими татарамы и командою польскаго вѣйска.

Зъ пошаною прывитавъ ёго народъ, а туркы стали навколншкы и поклоньлысь до земли потомкови калифа. Прыгадавъ соби бидный ханъ безъ хапства давни часы, колы витавъ ёго такъ само пидапый ёму народъ татарьскый, и може хочъ на хвылыну забувъ, що винь теперь не повелытель, а самъ невольныкъ.

Тяжко було Шагинови сыдиды у Жванци въ непевности. Зъ тугы не мигъ винь йисты, сонъ пропавъ и цылымы ночамы винь молився Богу. Муллы прыдумалы, що треба ёму пошукаты жипку; може вопа якось розважыла бь ёго смутокъ. Хапъ прывставъ на це.

Знайшлы у Жванци гарну и гожу жывивочку, дочку заможнёго Орана, що арендувавъ паромы на Днистри.

У ту пору траплялось часто, що туркы, яки стоялы за Днистромъ, выкрадалы або купувалы соби дивчаты до гаремивъ. У

хотыпського пашы у гаремі було чымало подільськихъ женокъ и зъ хрыстыянокъ, и зъ жыдивокъ.

Тому то старый Оранъ охоче прыставъ на те, щобъ статись тестемъ хана Гирея

Звычайно, не зъ порожними руками выйшовъ винъ видъ своего зятя, выдавши ёму дочку за ханшу.

Бувъ кінець сичня року 1787, колы хотыпський паша одержавъ гатти-шерифъ (указъ) султана. Велькый взирь пысавъ до Шагина-Гирея: «Ёго вельчество султанъ назпачывъ Измаила-агу щобъ прывитавъ вашу свитлисть, яко высокого гостя султана, и проводывъ васъ зъ честію. шанобою и всякими выгодами видъ Хотына до Бухарента, а звидтиль черезъ Йерганъ до Адрианополя».

5 лютого Шагинъ-Гирей, щиро простывпысь зъ офицерами, що булы до ёго прыставлени, обдарувавшы ихъ на память дарунками и роздавны 1400 червипцивъ команди вйськовій, перейхавъ черезъ Днистеръ у Турцію.

Зъ дворомъ ёго пойhxала и пова ханша.

Радый бувъ Шагинъ-Гирей, що выбрався зъ чужыны, яка такъ непрывитливо и певдячно повелася зъ нымъ; думавъ пидъ захыстомъ одновирной Турціи знайти соби у родовыхъ маеткахъ своихъ у Румелии спочынокъ пилія бурлывого и песчасного своего жыття у Крыму та Россіи.

Та не такъ сталося.

Турція повелася зъ нымъ гиршъ, ніжъ лыха мачуха. Вже вырушывши зъ Хотына, Шагинъ-Гирей прымытивъ, що Измаиль-ага поведытся зъ нымъ не «зъ честію и пошаною, яка належытся высокому гостеви султана», а якъ полюняпшыкомъ.

У Бухаренти Измаиль-ага розгннавъ увесь дворъ Шагинивъ, а ёго самого, вже якъ вязня, у кайданахъ, повизъ не до Адрианополя, а на остривъ Родосъ и кыпувъ у тюрму.

Тамъ черезъ скілька мисяцивъ, по прыказу султана, ёму видрубалы голову.

Такъ скончылося жыття остави ёго, «незалежного». крымського хана Шагина-Гирея

V.

Про ти кримськи подїи та про жыття и долю останнёго хапа багато записано и въ архивныхъ наперахъ та реестрахъ, и въ записяхъ та денникахъ сучасныхъ людей. Але жыття и доли останнёи жишкы Шагина-Гирея, той жванецькои жывивочкы, никто не записавъ; мы не знаємъ навить, якъ вона звалася на именья: Оранова дочка—тай годи. Малій людыни маленька и памьять.

Такъ тпльки де-що розказували стари люде у Жванци и зъ того можно прыблизно дошукуватыся, що вона, покышута у Бухарешти, допленталася якось назадъ у Жванецъ до батька. Кагаль жывивськый не хотивъ прыйпнаты їи, потурчену и сногапепу, але... Оранъ бувъ заможный хазяинъ, арендувавъ паромы, мавъ дила зъ багатымы панамы Лянцкоронськымы,—тожь заможному та багатому и громада ничего не зробить.

Мабуть несчаспе було жыття той жывивкы-хашпы, мабуть не мало слизъ выплакала вона, черезъ людськи посмихы та поговори. Породыла вона сына и, звычайно, бувъ вже вишь повернутый у жывивську виру, а прозвали ёго, памьятаючи батька, Татарчукомъ. Отже мабуть той Татарчукъ, законный сынъ останнёго хана Шагина-Гирея, бувъ праидь несчасного злыдаря Ёся Татарчука, який фактурувавъ пры сплавахъ на Днистри и згинувъ видь сухоть, у голоди та холоди, у пужденній, обдертій хыжци. Чы-жь гадавъ гризный Чингизханъ, що така доля судылася ёго потомкамъ?

Кандидать на священство изъ „шкурниковъ“.

Въ 1763 году въ Нѣжинѣ, при Троицкой церкви, открылась вакансія викарнаго священника. Хотя мѣсто это далеко не было прибыльнымъ, такъ какъ викарій въ то время получалъ лишь четвертую часть доходовъ сравнительно съ настоятелемъ, но и на такую скудную должность не трудно было найти охотниковъ. Правда, «учительный человѣкъ», т. е. обучавшійся въ кievской академіи по крайней мѣрѣ «по школу піитику», или въ крайнемъ случаѣ—послужившій нѣскольکو лѣтъ въ канцелярской должности при консисторіи, не сталъ бы и смотрѣть на мѣсто викарія, а «промовался» бы не иначе, какъ на настоятельское мѣсто, и при томъ въ хорошемъ приходѣ; но въ то время въ Малороссіи много было безмѣстныхъ священниковъ, которые выпрашивали у архіереевъ такъ называемыя «пріискныя» грамоты и затѣмъ высматривали, не откроется ли гдѣ-либо въ епархіи хоть какое-нибудь іерейское мѣсто, такъ какъ продолжительное пребываніе въ званіи пастыря *in partibus infidelium* перѣдко доводило ихъ до крайней нищеты и не позволяло имъ быть слишкомъ переборчивыми. Такой кандидатъ немедленно пріискался и къ мѣсту, открывшемуся въ Нѣжинѣ, и упросился хоть временно занять его въ надеждѣ, что онъ понравится прихожанамъ, заручится ихъ «презентами» и тогда станеть хлопотать въ консисторіи о «довѣчномъ усыновленіи» его означенной церкви. Но прихожане видимо не были склонны поддерживать эту надежду временнаго викарія—и вовсе

не потому, чтобы новый священник оказывался очень уж плохимъ, а главнымъ образомъ благодаря вѣковой привычкѣ — имѣть пастыря изъ своей среды. Конечно, будь у умершаго викарія сыновья или, по крайней мѣрѣ, зятя, годные къ священству, они были бы самыми подходящими кандидатами для занятія открывшейся вакансіи. Въ глазахъ прихожанъ они были бы своими людьми, связанными съ приходомъ родовыми традиціями. Этимъ именно и объясняется, почему въ Малороссіи, при существованіи свободнаго выбора прихожанами кандидатовъ во священство, большинство приходоу оказывались наследственными въ одномъ и томъ же родѣ перѣдко въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Но разъ такихъ наследственныхъ кандидатовъ не было налицо, прихожане искали ихъ въ своей средѣ, и лишь въ томъ случаѣ, когда послѣднихъ браковала епархіальная власть, приходилось принимать за «душепастыря» чужого человѣка.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. при замѣщеніи вакансіи въ троицкомъ приходѣ въ Нѣжинѣ. Нашелся и здѣсь свой кандидатъ, сынъ нѣжинскаго мѣщанина Григорій Темнянскій. Это былъ молодой человѣкъ, достигшій какъ-разъ того возраста (30-ти лѣтъ), ранѣе котораго въ тѣ времена никого не рукополагали во священники. Отецъ его, тоже Григорій *Темній* (такъ онъ писался) принадлежалъ къ кушпирскому цеху, т. е. чинилъ кожи, шилъ изъ нихъ «кожухи» и торговалъ ими на ярмаркахъ; сыну не правилось это скромное ремесло, ему хотѣлось добиться лучшей «кондиціи», и онъ, по обычаю тогдашнихъ выскочекъ, прежде всего передѣлалъ свою простонародную фамилію на болѣе шляхетскую и сталъ именоваться *Темнянскимъ*, хотя отецъ его и вся родня продолжали именоваться прежнимъ фамильнымъ прозвищемъ. Выскочить ему въ настоящее шляхетство нельзя было и думать: помимо мѣщанскаго происхожденія, главнымъ препятствіемъ къ этому служила недостаточность его образованія. Григорій Темнянскій ни въ какихъ латинскихъ школахъ не учился; все его образованіе ограничивалось тѣмъ, что, научившись у дьячка грамотѣ, онъ нѣкоторое время обучался письмоводству въ магистратской канцеляріи. Съ такимъ образовательнымъ цензомъ нельзя

было въ то время сдѣлать никакой карьеры; даже для полученія должности священника, въ званіи настоятеля прихода, обязательно требовалось прохожденіе по крайней мѣрѣ младшихъ классовъ кievской академіи, и только для кандидатовъ на мѣста викарныхъ священниковъ это требованіе замѣнялось испытаніемъ ихъ въ церковномъ чтеніи, пѣніи и знаніи катихизиса.

Для Темнянскаго такое испытаніе не могло представить никакихъ трудностей. Еще въ дѣтскіе годы, обучаясь въ дячковской школѣ, онъ былъ приученъ читать и пѣть на клиросѣ, съ возрастомъ полюбилъ это занятіе и приобрѣлъ въ немъ такую опытность, что съ успѣхомъ замѣнялъ своего бывшего учителя, когда тотъ почему-либо не могъ участвовать въ богослуженіи. Это сблизило Темнянскаго съ настоятелемъ, іереемъ Іоанномъ Данилевскимъ, и онъ то именно внушилъ молодому человѣку мысль искать священства; а когда Темнянскій еще и породнился съ нимъ, женившись на его племянницѣ, то въ лицѣ настоятеля онъ приобрѣлъ вліятельнаго протектора, усердно помогавшаго ему «промоватися» въ священный чинъ.

Первымъ актомъ такой «промоціи» было соглашеніе съ прихожанами. Какъ мы сказали уже, въ Малороссіи издревле приходу принадлежало право выбора членовъ клира. Это было фактическимъ выраженіемъ стариннаго права патронатства, въ силу котораго лица или общины, построившія церковь и доставлявшія ей необходимое матеріальное обезпеченіе, имѣли право «подаванія» (избрація) къ ней достойныхъ служителей. Въ эпоху до Хмельницкаго, пока въ Малороссіи повсемѣстно существовало вотчинное землевладѣніе, право выбора священнослужителей принадлежало не одной «громадѣ», но и владѣльцу села, а въ городахъ—не однимъ прихожанамъ, но и цѣлой общинѣ, въ лицѣ магистрата. Въ правобережной Малороссіи, по силѣ Андрусовскаго договора снова доставшейся Польнѣ, такой порядокъ продолжалъ практиковаться до XIX в., при чемъ, по мѣрѣ усиленія помѣщичьей власти, право сельскихъ «громадъ» выбирать для себя пастырей все больше умалялось и почти совсѣмъ перешло въ руки помѣщика или его управляющаго. Въ лѣвобережной Малороссіи,

или «Гетманщинѣ», дѣло приняло противоположное направленіе: благодаря отсутствію въ ней (по крайней мѣрѣ, въ первое время послѣ Хмельницкаго) владѣльческаго института, право выбора причта всецѣло перешло въ пользованіе прихожанъ и лишь въ видѣ почета испрашивалось еще и согласіе мѣстныхъ козацкихъ старшинъ, чаще всего участвовавшихъ въ выборахъ на ряду съ остальными «парохіанами». Но по мѣрѣ того, какъ старшины стали получать гетманскіе универсалы и царскія грамоты на владѣніе цѣлыми селами, вновь пародившіеся «державцы», на ряду съ другими владѣльческими претензіями въ духѣ старой шляхетчины, вспомнили и о старинномъ правѣ «подаванья», принадлежавшемъ «державцамъ», и отказывались припимать въ свои маетности священниковъ, не испросившихъ предварительно ихъ соизволенія на запятіе прихода. Наконецъ, бывали и такіе случаи, что епархіальные архіереи по собственному усмотрѣнію «насылали» священниковъ, не справляясь съ желаніемъ прихожанъ. Все это порождало нестроеніе и безпорядки, для устраненія коихъ потребовалось вмѣшательство центральнаго правительства, до котораго доходили частыя жалобы по такимъ дѣламъ. И вотъ 19 іюня 1735 г. на имя св. синода данъ былъ именной высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось: «къ имѣющимъ въ малороссійскихъ Кіевской, Черниговской и Переяславской епархіяхъ въ городѣхъ и уѣздѣхъ церквамъ поповъ и діаконовъ безъ согласія старшинъ и владѣльцовъ и прихожанъ насилно не насылатъ, по таковое въ священный чинъ на убыліе мѣста произвожденіе чинить по избранію самихъ старшины и владѣльцовъ, также и приходскихъ людей, и по выборамъ за ихъ руками». Съ тѣхъ поръ этотъ порядокъ замѣщенія священнослужительскихъ должностей надолго утвердился въ Малороссіи, и если прихожане какой-либо церкви почему-либо медлили замѣщеніемъ іерейской вакансіи, то консисторія посылала въ мѣстное духовное правленіе указъ: объявить владѣльцамъ данаго села (если таковые были) и прихожанамъ такой-то церкви, «чтобы они, парохіане, вси необходимо къ той своей церкви по суцей справедливости и такъ совѣстно, какъ они имѣютъ суду Божию предстать, трѣхъ или двоихъ кандидатовъ пе-

медленно выбрали изъ людей учительныхъ, въ латинскихъ школахъ въ кievской Академіи или гдѣ ищѣ латинского діалекта обучавшихся, буде же изъ учительныхъ крайне не сыщется, то и зъ неучительныхъ¹⁾, только бѣ они были разумніи, въ чтеніи и пѣніи искусніи, къ священному писанію прилѣжніи и житія безпорочного, и тѣ выборы объ нихъ протопону съ правленіемъ за своими руками подали: когда же вскорѣ оніе парохіане таковыхъ кандидатовъ не сыщутъ, представили бы о томъ его преосвященству съ прошеніемъ опредѣленія къ той ихъ церкви священника по усмотрѣнію его преосвященства». Но до этого дѣло рѣдко доходило.

Не дошло оно до того и въ пѣжипскомъ троицкомъ приходѣ. Какъ только Григорій Темнянскій заручился протекціей мѣстнаго пастоятеля, послѣдній въ ближайшій воскресный день, за литургіей, оповѣстивъ прихожанъ, чтобы ови по окончаніи богослуженія не расходились по домамъ, такъ какъ онъ намѣренъ совѣтоваться съ ними о важномъ церковномъ дѣлѣ. Разоблачившись и выйдя на погостъ, пастоятель повелѣ рѣчь о томъ, что необходимо избрать кандидата на мѣсто викарнаго іерея и что, по его мнѣнію, лучшаго кандидата, какъ Темнянскій, и искать не пужно. Тутъ выступилъ передъ громадой и самъ Григорій Темнянскій и заявилъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ готовъ послужить церкви Божьей и честнымъ парохіанамъ, если имъ будетъ угодно избрать его своимъ пастыремъ. Прихожане ничего противъ этого не имѣли: Темненко (такъ они его называли) былъ для нихъ своимъ человѣкомъ, знали они его съ дѣтства и были довольны его дьячковскимъ искусствомъ; кромѣ того, въ приходѣ немало было его родственниковъ, которымъ было лестно имѣть пастыремъ родича; словомъ, кандидатура его не встрѣтила никакихъ возраженій и была принята единогласно. Теперь оставалось еще сдѣлать «постанову» о томъ, «какими ему, Темнянскому, по удостоеніи его во священство, доволствоватись доходами». Темнян-

1) Послѣдняя оговорка дѣлалась лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь шла о замѣщеніи должности викарнаго священника.

скій не сталь торговаться и прямо заявилъ, что онъ согласенъ довольствоваться тою же таксою, какая издавна установлена въ приходѣ. Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе въ будущемъ всякихъ недоразумѣній, тутъ же, на сходѣ, былъ написанъ формальный договоръ прихожанъ съ будущимъ викаріемъ, гдѣ было точно обозначено, сколько давать ему «роковщины» и по чемъ платить за совершеніе разнаго рода требъ. Послѣ этого былъ составленъ и подписанъ прихожанами избирательный актъ такого содержанія: мы, прихожане такой-то церкви, «добровольное учиня между собою согласіе и по сущей справедливости, такъ совѣстно, какъ имѣемъ суду Божию предстать», избрали въ кандидаты Григорія Темнянскаго, «намъ въ добромъ состояніи и годности къ священству свѣдомуго, котораго единогласно желаемъ имѣть при оной церкви викарнымъ священникомъ: а кромѣ его, Темнянскаго, большъ никто правнѣйшій намъ и достойнѣйшій къ священству, ниже изъ учителей латинскаго діалекта, не оказался». Получивъ этотъ актъ, Темнянскій, согласно старому обычаю, долженъ былъ пригласить будущихъ прихожанъ къ себѣ въ домъ для угощенія.

Но этого было недостаточно; ему нужно было еще имѣть «презентъ», или аттестатъ, отъ магистрата. И здѣсь, конечно, дѣло не обошлось безъ угощенія магистратскихъ чиновъ, послѣ чего документъ былъ выданъ безпренятственно. Въ немъ удостоверялось, что «онъ Темнянскій, мѣщанинъ пѣжинскаго Григорія Темнаго сынъ, обхожденія добраго и никакихъ за нимъ пороковъ не имѣется». Оставалось еще добыть «презентъ», или одобрительное свидѣтельство, отъ пѣжинскаго духовнаго правленія, но хлопоты по этому дѣлу взялъ на себя настоятель Іоаннъ Данилевскій, самъ состоявшій членомъ правленія. Здѣсь же Темнянскій долженъ былъ подвергнуться испытанію въ церковномъ чтеніи и пѣніи и получилъ полную «апробацію» въ этомъ искусствѣ, послѣ чего правленіе выдало ему такую аттестацию, что онъ, Темнянскій, «есть человекъ честный, доброобходительный, постоянный, церковному чтенію и пѣнію навывшій и въ немъ искусенъ, лѣта къ священству имѣетъ правилніе, 31 годъ». Еще болѣе лестною аттестациею снабдилъ его настоятель Данилевскій.

Съ такими «презентами» можно было смѣло «промоватися во іерейство», и Темпянскій отправился съ этою цѣлью въ Кіевъ. Въ консисторіи его приняли благосклонно, и ему уже, по резолюціи митрополита, велѣно было готовиться къ рукоположенію «и въ катедральной конторѣ должности іерейскіе проходить», т. е. изучать краткое руководство къ прохожденію пастырской службы. Но тутъ случился непредвидѣнный казусъ, едва не разстроившій плановъ нашего «аколѣта»¹⁾.

Быль у него землякъ, канцеляристъ нѣжинскаго полковаго суда Петръ Богдаревскій. Предки его, рядовые козаки, именовались просто *Бондаренками*, самъ же онъ передѣлалъ эту плебейскую фамилію на шляхетскую: *Богдаревскій*, а сдѣлавшись канцеляристомъ, не захотѣлъ имѣть ничего общаго съ какими-то «боцдарями» и сталъ писаться «*Богдаревскій*. Это былъ одинъ изъ раннихъ ростковъ того «крапивнаго зелья», которое такъ буйно разрослось въ Малороссіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Близко знакомый съ порядками дѣлопроизводства и владѣя изрядно тогдашнимъ канцелярскимъ языкомъ, представлявшимъ для малороссянъ того времени немалыя трудности, Петръ Богдаревскій, помимо своей службы, занимался еще «хожденіемъ» по судебнымъ дѣламъ частныхъ лицъ и любилъ сочинять каверзѣйшія ябеды. Незадолго предъ тѣмъ онъ поссорился съ нѣжинскимъ поповичемъ Даниломъ Савицкимъ, и когда тотъ сталъ хлопотать о предоставленіи ему отцовскаго мѣста въ преображенскомъ приходѣ, то Богдаревскій подбилъ вдовую попадью Марію Минченкову подать въ консисторію жалобу, будто ея покойный мужъ умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему поповичемъ Савицкимъ. Жалоба эта при слѣдствіи не подтвердилась, но Савицкій потерпѣлъ отъ этого «немалые убитки и волокиту». Таковую же каверзу Богдаревскій задумалъ устроить и Темпянскому. Въ маѣ 1763 г. онъ подавъ лично кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому слѣдующее «доношеніе»:

1) *Аколитомъ* (отъ греч. ἀκόλιθος) именовали въ Малороссіи ставленника, готовившагося къ рукоположенію.

«Святотроецкой пѣжинской церкви іерей Іоаннъ Данилевскій промуеть ванему преосвященству къ рукоположенію и благословенію во іерея за викарія къ тоей церквѣ пѣжинского жптеля, кушнѣра Григорія Темного, на что и презента на его, Темного, выданы. Но понеже оной іерей Данилевскій утайлъ предъ вашимъ преосвященствомъ, что объявленнй Григорій Темнй съ малихъ лѣтъ даже доселѣ майстерствомъ бадался (занимался) кушнѣрскимъ и чинилъ разніе кожи, яко то: овечіе, волчіе, медвежіе, лисичіе, заячіе, бабаковіе, гарпоставіе, кошечіе и собачіе, такожь бѣлочіе, норчіе и всякихъ звѣрей мерзскихъ, работаніе своими руками и очищая съ тѣхъ кожъ мясо и кровь и всякіе мерзости (какъ то по обычаемъ ихъ должно), да и пынѣ въ его домѣ таково майстерство дѣлается; а при томъ и сего оной Данилевскій не упомянулъ, яко оной Григорій Темнй неучителнй и совершенно законовъ не вѣдаетъ и не токмо поученіемъ просвѣщать христیانъ, но и о себѣ разумѣтъ ли въ касающихся до христیانства важностяхъ, не надеждно: того ради о вышесанномъ вашему преосвященству доношу. А что оной Темнй по длинно марался съ малихъ лѣтъ даже доселѣ около всякихъ нечистотныхъ кожъ и кровей, о томъ и самъ, упователно, потаиться не долженъ. При объявленной же святотроецкой церквѣ вѣкарій честного во всемъ состояніи и управителемъ опредѣленнй отъ духовного правленія имѣется».

Хотя въ капопахъ нѣтъ запрещенія рукополагать въ священнй санъ бывшихъ кожевниковъ, и апостоль Петръ, какъ извѣстно, не гнушался подолгу гостить въ Іюніи у нѣкогого Симона «усмаря», однако митрополить приказаль провѣрить допощеніе Богдаревскаго. Призваанный для этого въ консисторію, Темнянскій «сказкою ноказаль», что онъ «съ малихъ лѣтъ какъ не учился майстерства кушнѣрскаго, такъ въ немъ и не бадался по сіе время и кожъ, прописанныхъ въ допощеніи канцеляриста полковаго Петра Богдаревскаго, разнихъ звѣрей, не чинилъ, по первѣе съ малихъ лѣтъ руской грамоти, потомъ въ канцеляріи магистрата нѣжинскаго писать обучался, а наконецъ одружился. Отець же его Темнянскаго, Григорій Темнй, въ домѣ своемъ

имѣя людей, майстерствомъ кушнѣрскимъ бадается, только шкуръ собачихъ, конечихъ и другихъ звѣрей мерзкихъ не чинить и люде его не чинять, кромѣ лисичихъ, овечихъ, бѣлочихъ, барсуковихъ и несковихъ. По жепитбѣ же его, Темнянского, когда было отецъ его оный Григорій Темній отлучится куда, оный Темнянскій спитіе кожухи временно, по повелѣнію отца своего, на торгу продасть было. Сіе же оный, Богдаревскій, по нѣякойсь злобѣ къ отцу его, Темнянского, и къ нему прописаль въ своемъ допошеніи неправедно и измышленно, забирая (разсчитывая) по своей ябеднической приобиклости получить что отъ его, Темнянского, зъ датковъ» (т. е. взятку).

Члены консисторіи¹⁾ дали полную вѣру этому показанію и, зная съ самой невыгодной стороны Богдаревскаго, пришли къ заключенію, что «означенный полковій канцеляристъ Богдаревскій и подлинно (какъ сказкою оный аколѣтъ Темнянскій показали) по нѣякойсь злобѣ, чимъ бы въ промоціи его, Темнянского, приостаповку и волокиту причинить, подалъ тое допошеніе и, не ожидаясь по оному надлежащаго разсмотренія и рѣшенія, заразъ невѣдомо куди отъехалъ», а потому «приложили миѣніе: оное его, Богдаревскаго, допошеніе, яко затѣчное и, повидимому, ябедническое, безъ дѣйствія оставить, реченного же Темнянскаго, яко человекъ честного и ни въ чемъ не подозрительного, по презентамъ духовнаго нѣжинскаго правленія, пастоятеля святотроецкой нѣжинской церкви іерея Данилевскаго и прихожапъ, къ оной церквѣ во іерея за вѣкарія рукоположить».

Митрополитъ Арсеній на этомъ «миѣніи» консисторіи положилъ резолюцію: «Быть по сему. А сверхъ сего велѣтъ означеннаго Петра Богдаревскаго (sic) за оное его затѣчное и ябедническое, поданное въ обиду и волокиту послѣдовавшее Григорію Темнянскому допошеніе, дабы и другіи отъ таковыхъ затѣчныхъ, яко жъ того много по дѣламъ является, доносовъ оберегались, къ

¹⁾ Кіевобратскій архимандритъ и ректоръ Самуиль, кирилловскій игуменъ Павелъ, протопопъ кіевоподольскій Романъ и намѣстникъ подольскій іерей Іаковъ.

причащенію святыхъ божественныхъ таинъ не допускать дотоль, пока опъ реченного Темнянскаго не перепросить и прощенія отъ него не получить и тѣмъ покаяніе свое окажетъ».

Спустя нѣсколько дней такую же точно резолюцію положилъ митрополитъ и на докладѣ консисторіи о другомъ «акколѣтѣ», пѣжинскомъ поповицѣ Данилѣ Савицкомъ, оклеветанномъ тѣмъ же Богдаревскимъ.

Ор. Левицій.

ХТО-ЖЪ ВЫНЕНЬ?

Була неділя. Вже сонечко геть-геть підійшло вище дерева, колы підъ повиткою почалы ворушытыся сухи постати боцдаривъ. Натруджени руки й погы бажалы спочывку, а въ поясныцю—мовъ що сокырою рубало. Підійшла неділя—свято, треба жъ и спочыты!

Де хто зъ старійшыхъ вже вставъ, умывся, надивъ чысту одежынку и стоить на колнахъ, лыцемъ па схидъ сонци—молятся Богу. Молодни чоловикоы та парубкы ще лежалы въ холодку: де яки спалы, а щии вже и выспалысь, та вылежувалысь.

Зъ села почувся далекий дзвннь. Сумно-прывитный згукъ ёго роскотывся по лисовой долини и замеръ въ повитри. Одынь за другимъ летлы ти згукы; одынь за другимъ почалы вставаты трудовныкы, мовъ соромлячысь, що въ сели люде йдутъ до церкви, а воны у лиси сплять!

Черезъ яку годину вже вси повставалы, прычепурылыся, перекусылы хлиба, покы обидъ выспіе, и сядлы розмовляючы про всяки справы.

Зъ-за дерева по гори замаячыла чоловича постать верхы па кони: то Васыль, хазяйскый приказчыкъ, визъ зъ города почту.

— Може що меши привезе!—мовивъ самъ собі коженъ.

Васыль, тымъ часомъ, поривнявся зъ повиткою и здержуючы баского коня, гукнувъ до гурту: «Остапе, тоби гостынецъ зъ дому!» И вшь вытягъ зъ юхтового гамана чымалого пакета па

тры маркы, и пиднявъ ёго високо, мовъ на показъ. «Иды, на скорійше, бо, бачышь, кипъ не стоить!»

Зъ-пидъ повиткы прожомомъ выскочывъ маленький чоловичокъ, сухой якъ триска. Ёго куценьки ногы дрибсесенько затупотили по сухій земли, и черезъ якый ментъ винъ вже бувъ била Василя.

— Ось тоби лысть зъ дому.

— Мени?

— А тоби, якъ що ты Евстафій Савченко—каже той осмихаючысь.

— Та, до якого часу, люде добри Остапомъ звать, а на сей разъ хай вже буду й Стахвиемъ!

— Зъ тебе могорыть?

Василь, давшы въ руки Остапови пакета, поихавъ до хазяйской копторы, а Остапъ вже стоявъ на однимъ мисти, повертаючы того пакета на вси боки, паче мркуючы: «пу, зъ якого боку ёго почыпать?» Дали, зирвавшы одынь краечокъ, винъ вынявъ лысть, кругомъ спысаный дрибенькымы, але выразнымы литерамы; кримвъ лыста вынявъ ще фотографычну карточку, на котрій було тры дивчачыхъ постати. Дри дивчышкы, у вышиваныхъ сорочкахъ, зъ випочкамы на головахъ, были ще зовсимвъ диткы: веселенькы очыци свитылыся прывитно и мовъ осмихалыся. Диткы были рокивъ по дванадцать-трынадцать. Третья постать була дивкы рокивъ пидъ двадцать; вышивана сорочка, керсетка, картата плахта—выдавали ии за украинку.

Ныльно подывывся Остапъ на ту карточку; на очахъ заблыщали слёзы и випъ мовывъ тыхо, наче самъ до себе: «Галья— якъ жыва!..—и поцилувавъ одну зъ меньшыхъ дивчатокъ.—А це Мотя Панасенкова, подруга Гали... а це й старша Панасенкова дочка Софійка, що десь далеко вчытсья. И що то—школа? Ривняе и багатыхъ и бидныхъ! У Панасенка своя экономя, а у мене... та що въ мене?—злыдень я, та й бильшь ничого!.. А це жъ и лысть мабутъ Галья сама пысала... Спасыбн Богови, маю вже свого пысаря!—И винъ зновъ поцилувавъ свою дочку, що мовъ осмихалася до батька.

Тымъ часомъ Остапа обступило товариство. Тутъ булы и стари й молоди. Всихъ стукнуло въ саме сердце: кожень прыгадавъ свою семейку, и зъ десятѣхъ грудей, мовь по змови, вырвалося тяжке зитхання: «Якъ то тамъ мои»?..

— Зъ Остапа могорычть!—обизвалося де килько чоловигивъ зъ гурту.

— Та якъ що дома діється гараздъ, то й могорычть справимо!—каже Остапъ и подавъ лыста парубкови рокивъ симпадцяты.—На, Грыцьку, прочитай, будь ласка, що тутъ дочка пише?

Взявъ Грыцько лыста, подывывся на нѣго, здвыгнувъ плечыма, та й каже: «та це напысано такъ, що я й не втну!»

— Якъ?!

— Напысано по нашому, по мужычому, зовсимъ не такъ якъ у тыхъ кныжкахъ, що я колысь вчивъ.

— Э... э!.. Грамотни, бисъ вашому батькови!—обизвався Йвапъ, пидійшовшы до Грыцька:—самъ каже, що напысано по нашому, а прочитать «не втну!» Дай сюды! Якъ колы, то й рота не дасть роззявить: «я вчився», каже. Васъ тильки вчать «козликівъ», та «бурѣнушокъ»! Ходимте пидъ повитку, въ холодокъ, — звернувся випъ до гурту.

Ишлы. Пидъ повиткою для недилл було прыбрано. Струментъ высивъ на килочкахъ и тильки колодки стоялы перухомо на своихъ мисцяхъ. Посидалы. Видкашлявся Йвапъ, сплюнувъ на бикъ, обитерь свои довги усы и почавъ чытаты.

«Таточку мій риднесенькый! Яка я рада, що маю змогу сама напысаты вамъ лыста! Вамъ тежъ мабуть весело, що ваша Галя сама пише. Сей рикъ для мене дуже счастливый: я скипчыла нашу народню школу и получила першу награду. На экзамени мени було кругомъ пять и за се мени дали похвальный лысть. Сю награду дали тильки мени та Мотп Панасенковий... Мы вдвохъ и подругуемо, мовъ сестрычкы!.. А инчи—зосталыся на другый рикъ у школи... Якъ жаль ихъ бидныхъ! Попечытелька нашої школы, добродійка Панасенчыха, купыла хорошихъ кныжокъ, щобъ роздаты тымъ, хто скипчыть школу. Кныжки ти—наши, украинськи, та ще й прызвыще мають чу-

дове: «Божі дити». Якъ тамъ хороше напысано про Меласю, та про Костыка!.. Якъ прыйдыте до-дому, то я вамъ почитаю!.. Книжкы—не велики, але гарно оброблени у голубу калипкорову оправу, а якъ у мене, то ще й зъ золотымъ снопомъ жыта и серпомъ—се-бъ-то перша награда. Кримъ того, Софійка, такы жъ Папасенкова, подарувала мени видъ себе другу книжку: «Кобзарь Г. Г. Шевченка», роскишне выдання, въ дорогій оправѣ зъ золотыми квиточками. Не могу вамъ и розказати, яка я рада! Чытаю, та чытаю!.. Багато де чого ще не розумію, але мени помагають розумити Мотя й Соця.. Отъ хто чытае, якъ бы вы почувы!.. Дали, якъ бачыте, мы втрѣхъ знылися. Мени ажъ ніяково, що я стою порядъ зъ такымы папшочками! Вони мене люблять и радять, щобъ я поступала вчытыся до гимназій; общалы просыть своего татка, щобъ выпросывъ земську запомогу. А вы те-жъ пышитъ прошеніе за мене до земської управы. Яка бъ я була рада, якъ бы я вчылася у гимназій!.. Мамочка булы хвори тыжнивъ зо-два. Де килько разивъ бувъ лікаръ.. Кто ёго кыкавъ—я певне не знаю... Свить не безъ добрыхъ людей!.. У насъ бувъ великый дощъ зъ витромъ: зирвало частыцу покрывли на хати, дощемъ промочыло прычилкову стипу и вона одвальглася до самиспнього дерева. Мамочка бидкаются, що немає грошей. За те, що я хороше вчылася, мамочка общалы купыть мени стричку, але й доси не купылы! Немае, кажуть, грошей... У Моти я часто буваю, тамъ и обидаю и Васылькови прыпошу до-дому: у ихъ багато всѣго зостається видъ обиду и те все дають мени, щобъ я видносыла до-дому. Васылько вже пидрисъ и частенько васъ, таточку, згадуе. Мамочка дуже бидкаются за гршмы: и хату лагодыть, и мени стричку купувать, а грошей немає. Кажуть: «якъ бы у татка булы гроши, то вигъ бы прыславъ!» Я трычи зрывалася пысать, та все и не доведу до лища. Першый лысть я напысала тією мовою, якою насъ вчылы въ школи, але Софійка якъ побачыла, то порвала той лысть на шматочки, та ще й прыстрамыла мене, що я не могу слова напысаты на ридній мови. Це мене запалыло и я напысала такъ, якъ бажалося Софійци; та и вы, таточку, за се

не погниваетесь. Не думала я и не гадала, щобъ Софійка такъ мене любила й жалувала! Спасыби їй! Вона така хороша паппочка! Бувайте здоровеньки! Не забувайте жъ, що у насъ стица впала, а грошей немає. Напыпить, чы вы здоровеньки и чы вы не забороняете мени вчытыся въ гимназію? Все вамъ пивенько кла-няемося и цілуемо васъ. Ваша дочка Галя».

Скинчывъ Иванъ лыста, похытавъ головою, та й промовывъ: «да й молодчына жъ у тебе, брате Остапе, дочка! Адаже жъ... тильки що вдержався, щобъ не плакати! Не забороняй, братику, вчытыся,—зъ неи будуть люде!

— Правда, правда—озвалося килько чоловікивъ—що и правда то правда! Молодчына, имено молодчына!

А Остапъ сыдыть на колодці, та тильки слёзы втырає. Радіє батькове серце, що ёго ридна дытыша потишає ёго своимъ таланомъ. Мигъ бы, полетивъ до дому, обявъ бы, поцілувавъ бы свою дорогу Галю, та далеко... Бильшь сотни верстовъ видъ того ридного куриня, де ёго сямейка тильки що зъ голоду не вмирає!.. А винъ робыть, винъ кривави пухыри попадавлювавъ на рукахъ, щобъ бильшь заробыть, щобъ пагодувати и себе й жинку зъ дитками!.. Охъ, заробиткы, бодай не диждали такыхъ и наши диткы!..

— Зъ неи будуть люде,—каже дали Йванъ:—не забороняй їй вчытыся!

— Та я жъ и не забороняю! Нехай вчытыся, якъ що добри люде поможутъ гришмы,—каже Остапъ.

— Та вже, якъ Папасенкови дочкы визьмутся за це дило, то напевне заномогу дадутъ!

— Кольи бъ то Господы! Я не ворогъ своїй дытыни!.. А покы що, треба йти до хазяина, хай дає одынацять карбованщывъ: десятку пошлю до дому, а карбованецъ—на обхидку.

— Я тежъ хочу просыть пятерычку,—каже Йванъ.

— Та и я, мабутъ, пошлю—каже Опасає:—бо и въ мене дома... Э... хъ!.. та й бильшь ничого!

— Ходимте всп!—каже Борысь. А теперь у хазяинна й гроши маются. Васылъ хвалывся, що зъ Хорола зъ ярмарку прывезлы сотъ сымъ!

— Ходимь!..

Вси робитныкы, скільки було пидъ повиткою, пишли до хазайської конторы. Хазяинъ—высокій русявій чоловікъ, тонко-голосый, зъ лукавымы очыма—сыдивъ била столу и выкладавъ щось на счетахъ. Побачывши такой гуртъ людей, своихъ робитныкывъ-бондаривъ, вишь зразу-жъ догадався, що це прыйшли по гроши. По ёго облыччу пробигла осиння хмарка, але вишь весело видповивъ на добрыдень.

— А що, хлопци, скажете?

— Та до васъ, Кырыло Марковычъ...—почавъ Остапъ, та й замовкъ, и тильки чухавъ потылицю, вынувато осмихаючысь, шаче піймався на якій шкоди.

-- Та бачу, що до мене, а що скажете?

— По гроши до васъ, Кырыло Марковычъ,—озвався Іванъ—та вже, будь ласка, и не видкажыть!

— По скільки жъ вамъ?

— Та мени..—вынувато каже Остапъ:—я просывъ бы... Тильки не видкажыть, бо такъ треба, такъ треба, що ажъ...—и вишь, не доказавшы, махнувъ рукою.

— Скільки жъ тобі треба?

— Та треба-бъ одынацять карбованцивъ!

— Скільки?!—перепытуе хазяинъ.

— Одынацять...

— Чы-маленько!.. Мабуть стільки немає й заробленихъ!

— О-це! Пивъ лита проробывъ, та ще немає й одынацять карбованцивъ?

— А ты-жъ бравъ!

— Та що жъ тамъ?! Трычи просывъ по десятици, щобъ переслаты до-дому, а вы жъ по карбованцю дали, та й тильки!..

— И сёгодня дамъ карбованця!

— Ни бо вже, Кырыло Марковычъ, будь ласка, на сей разъ дайте що прошу.

— И не выгадуй!—махнувъ рукою Кырыло и повернувся до Ивана.—А тобі скільки?

— Пять.

— А ты хйба не бравъ?

— Пославъ же объ Тройци пять до дому, та двичи по карбованцю бравъ—оть и вси!

— Ну, то дамъ и тоби карбованця! Всимъ вамъ дамъ по карбованцю, а за бильше... и языкивъ своихъ даремно не чешить, и мене не гайте! Мени байдькы быть нѣколы! Здається, я вамъ уже казавъ, а якъ що не казавъ, то скажу, що до Покровы, покы я не прыйду зъ Лубень, зъ ярмарку, бильшь якъ по карбованцю никому не дамъ! Мени треба грошей за дла дла, а вамъ за дла чого? Я васъ харчую! Що треба кому—чы тютюнъ, чы що ишше—вы берете на сели у Мусія Мыкытовича по кнызи и я самъ плачу за васъ...

— Нашымы жъ гршмы!..

— Коль-бъ ще своимы! Це гарно!.. Ну, выходыть, що вамъ грошы потрібни тильки на прошій!..

— Якъ? А у насъ же дома сймействá!—гаряче перебувъ Борьсь.

— А мени то що за дло? Треба буде навищо грошей, то жинка позычыть!

— У кого?!

— У кого схоче! Всякъ знае, що пйсля Покровы чоловікъ виддасть!

— Кырыло Марковичъ! Та це жъ розбій!—озвалося де-килько чоловікъ.—Мы жъ просымо свон, зароблени, гроши! Дайте намъ наше, мы вашого не просымо!..

— Та и я скажу, що розбій! Вы прыйшли гуртомъ и вчыняете бунтъ! Васылю!—гукнувъ выпъ, спшнувшы за мотузочку, що була проведена до дзвинка у другу половыну будивли.—Васылю, иды сюды!

— Слухайте, хазяину!—каже Йванъ.—Не роздувайте вы велькой пожежи, бо однаково ваше дло не выгорыть! Мы у васъ не строковц, а видъ дшкы робымо! Скилькы я заробывъ, за стилькы заплатитъ мени й грошей!

— А вже жъ що такъ!—гукнувъ Опанась и ще де хто зъ гурту.—Мени мое давай,—тай решть увесь! Мы заробылы и маемо право взять свое до конійкы!

— Ляканого не злякаете! Вы робылы, а я вамъ платывъ! Де вапы умовы?

— А совнеть! А хазяйське «слово»! Мы на «слово» йшли робыть, на «слово» счытаемось, на «слово» й гроши беремо...

— Та-акъ!.. Про це треба й менн помиркуваты!..

— А що таке, Кырыло Марковычъ!—каже Васыль увійшовины въ контору.

— Та... вже не треба, погы що. Геть зъ хаты, та не далеко заходь.

Васыль выйшовъ. Се бувъ парубокъ рокивъ двадцаты пять. Широки плечи и товста шыя показувалы, що зъ цымъ жарты коротки! Вырисъ Васыль бильшь по ярмаркахъ, йздячы зъ дж-камы; у Кырыла Марковыча служыть не выходячы рокивъ десять, и вопы одыгъ другимъ булы завдоволени. Внигъ бувъ пысьменный, але пысьменство ёго не йшло дали того, щобъ пысать те, що повелыть хазяинъ, и балакать—чому ёго навчатъ. Бондари тежъ ёго не цуралыся и идъ часть, за чаркою горилкы, вони спыльпо судылы хазяинна. Тильки крыводушывъ Васыль! Сёгодня зъ бондарямы судыть хазяинна, а завтра—зъ хазяиномъ лае бондаривъ.

Вси замовкылы. Кырыло Марковычъ нидперъ рукою пидборидди и нобы ставъ до чогось прыслухатыся, не зводячы очей зъ викна. Въ хати тильки й чутно було, якъ кругли часы на стипи выбылы: «не-такъ», «не-такъ», «не-такъ»... Що жъ «не такъ»? Чы «не такъ» хазяинъ шапуе своихъ робитныкывъ, чы «не такъ» робитныкы обиходятыся зъ хазяиномъ? И те «не такъ», и те «не такъ»! Мало ще йе на свити хазяинивъ, котри-бъ обходылыся зъ робитныкамы «такъ», такъ... якъ зъ людмы!..

Важко, голосно, черезъ нись, дыхалы сухн, загорили люде. Чорни груды, прыкрыти бильмы сорочкамы, высоко пиддймалыся и зъ ныхъ, що хвылыны, вырывалыся тяжкы зитханья.

— Та-акъ!..—протягъ хазяинъ и лукаво осмихнувшыся, обернувся до робитныкывъ.—Вы трохы грубенько обійшыся сёгодня зо мною, та дарма! Я цёго въ гнивъ не покладу. Краце—мы помырымось!—Внигъ вставъ, одимкнувъ шкафу и вынявъ звидты

четвертну сулію и вельку чарку.—Грошей у мене сёгодня немае; хазяйка забрала въ городъ—тамъ ѣе дилце. Дамъ я вамъ, хлопци, по карбованцю, а якъ прийде хазяйка зъ города, тоди дамъ, кому скільки треба. А погы цю—выпыйте по чарци горилки и йдигь обидать.

— Кырыло Марковичъ,—озвався ІІванъ—вже не першый разъ мы чуемо цю шпсю! Пора бъ вже яку другу спивать!

— А пора!—пиддержуе Борысь—намъ вже ця дуже обрыдла! .

— Стійте, стійте, не гарячиться!—поребыва хазяинъ.—Кажу жъ вамъ; выпыйте по чарци, та по другій, а я ось и гроши знайду. Иване, йды, твоя перша чарка!

— Не хочу! Хай починае хто старійшый.

— Почавъ!.. Хе-хе-хе!..—роблено засміявся хазяинъ—И почше выгадувать! По моему, не сыва, а розумна голова вельку стобить, а по твоему... Ну, хай по твоему!.. Диду Омелько! Мабуть вы пайстарійши, йдигь выпьемъ зъ вами першу.

— Та чы йты, то йты!..

Пидійшовъ Омелько, выпывъ дви зряду, втерся рукавомъ, сказавъ «спасыби» и одійшовъ. За Омелькомъ пидійшовъ Матвій, потимъ ще де хто зъ старійшыхъ. Иванъ, Борысь, Опанась и Остапъ уперто дывылись въ землю и не ворушылыся зъ миста. Вже й молодши выпылы, а воны все стоялы и тильки зитхалы.

— Ну, а вы! Иване, Борысе!.. Хйба вы въ Бога не вируете? Чого понадувалыся, якъ сычи?!

— Кырыло Марковичъ!—почавъ твердо Опанась,—до якого часу вы будете водыть пасъ за носы? То грошей немае, то ярмарокъ не доладній, то се, то те!.. Наши диткы зъ голоду мруть, а мы будемо потурать вамъ! Пора-бъ уже и совисть маты!..

— Опанасе! Ты жъ такы чоловікъ, не скотыня! Я жъ кажу, цю завтра, або пнсля завтрёго, дамъ уснмъ, кому скільки треба, а сёгодня намае грошей. По карбованцю вепмъ, а бильшь не могу дать!

— Що мени зъ карбованця!—озвався Остапъ.— У мене хата розвалылася, треба жъ лагодыть, а за вищо! Вы жъ сами бачылы лыста! Просяць грошей. А за карбованця тильки горилкы можна напыться.

— А ты, краще, выный якъ даю, не церемонься! Теперъ лито, не померзнуть тамъ десь у твоій хати!..!

— Такъ соромъ же зъ боку глянуть! Чоловикъ выробляе въ лито по сотни, а жинка й диты у разваленій хати жывуть!— ажъ скрыкнувъ Борысь.

— Прошу не крычатъ! Скільки васъ? Тры, шість, десять, трынадцять. Получитъ пятнадцать рубливъ!—И хазяинъ кыпувъ на стиль тры золотыхъ.—Останови тры, хай лагодыть хату, та дочку до гимназіи виддае, а вамъ по карбованцю! Завтра дамъ бильше, а сёгодня—зъ Богомъ! Хто схотивъ вышитъ—вышивъ, а хто не схотивъ—хай закусуе! Тратыть часу даремно я не могу,— у мене йе дило!

Кырыло Марковичъ сховавъ сулію й чарку и сивъ до столу выкладаты впыть на счетахъ, а хлопци, взявши гроши, выйшли зъ конторы. До повиткы йшли мовчкы. Коженъ думавъ свою думку, коженъ по своему думавъ про хазяина.

Дидови Омелькови крапцон ласкы й не треба, якъ два половычыкы та карбованецъ, бо у пёго, якъ кажуть: «ни хаткы, ни паниматкы!». Жинка ёго давно вже вмерла. Диткы де яки померлы, а яки жывы; вже сами хазяинують, кому якъ поталаныло. Бильшь десятка рокивъ винъ живе у Кырыла Марковича и ни разу ще не досчытувалысь, хто кому зъ лыхъ вынுவатый. Видома ричъ, що хазяинъ себе не обсчытувавъ! Йдучы зъ конторы, Омелько панередъ знавъ, де дине свого карбованця, и ждавъ тильки, докы розмицяють пятерычку.

У всіхъ, кримъ Омелька, та двохъ-трёхъ парубкивъ, була одна думка, тильки коженъ по своему ии ясувавъ. Все думалы про те, що хазяинъ, даючы имъ по карбованцю, скорійше заплуте кинци, а тымы гринимы, що зостаються недоплаченными робитныкамъ, вишь до Покровы ще не разъ покорыстуется! А воны, заробывшы за лито по сотни, або й бильшь, прынесуть до дому

пнсля Покровы хыба по четвертнй! А дежъ гроши диваються? По карбованцо, та по два, позабирають и смаку въ пыхъ не знайдуть!.. Дома жинка зъ дитками живе явъ Богъ дасть, а тутъ на того карбованця, що визьмешъ, не що зробишь. Поки розмишяешъ, погы купышь тютюну, а тамъ, дывись, жинка зъ села правыть гроши за те, що прала сорочки, а тйй за сояшыкове насиння видай!.. Та всёго й не перекажешъ! Въ село йдешъ зъ срибнымъ карбованцемъ, а зъ села не песешъ и мидной копйкы! Та, пѧ лыхо, ще й завывуватывся! Мусйй Мыкытовычъ запысавъ по кнызи за тютюнъ, та за сирнычкы, та ще де за вищо—що буцимъ то й не бравъ!.. А пидъ часъ... бодай не казати, та й годи! Тйй за сорочки, а тйй за насиння!.. Лыха нетеча пидпесла знакимця: купывъ могорыча, бый ёго сыла Божа! Винъ купывъ, я видкупывъ, а винъ зновъ купывъ, а я зповъ видкупывъ... Десъ бувъ, зъ кымъ-сь йшовъ, кудысь прыйшовъ... Прокынувся—якъ не на болоти, то середъ куцывъ!.. И такъ, що недили, що празныка!..

Зоставшыся самъ въ коптори, Кырыло Марковычъ пройшовся по хати разивъ десятокъ, заклавышы руки назадъ, а дали й почавъ миркуваты въ голосъ.

— Э-ге!.. Такъ оце хлопци пагадали мени про те, про вищо я й не догадувався! И якъ такы я, даючы людямъ гроши, не беру зъ пыхъ роспысокъ?! Що ты зъ пмы зробишь? Прыйде осинь, скаже—давай вси гроши за лито—и давай! У мене немае нйякого документа! Вси знають, що такый-то бувъ у мене, робывъ, а чы я платывъ ёму, чы ни, про це нема нйякого доказу! Треба завести приходо-расходну кныгу для робитныкывъ. Що вечеръ—прыёмка товару... треба доглядаться, якъ посудыша зъ якымъ зьяномъ—замичать, а потимъ высчытувать!.. Це все пыщечкомъ, а парешти, пидсунуть хай роспышутся—и дило зъ концемъ! А за гроши—якъ взявъ, такъ и роспышыесь!.. Хоча... Гм... прычысати не можло буде!.. Ну, дарма!.. Мусйй Мыкытовычъ поможе: хай беруть въ ёго крамныци, хай беруть!.. А винъ гавъ не ловыть!.. И мени

перенаде!.. Кримъ того, горлатійшимъ можно буде по пятаку скинути на пари, та на аршинци, а на шестерыкови—по гривеньку, и край! Хай не баламутять людей! Про цину у кызи—а ни чычыргь! Хай на совість, якъ каже Иванъ. Э... дурень!.. Каже: «совість, хазяйське слово!» Теперъ вся совість у гербовій бумази, а хазяйське слово—це нотаріусъ! Сёгодня скажу те, а завтра—зовсімь друге! И хазяишъ своему слову—я! Сёгодня кажу—грошы дамъ завтра, а завтра скажу—грошы будутъ нисля завтраго... и хай балакають зо мною, що хотять! Гулящымъ днемъ якъ небудь вывертюсь, зъ дому пойду, а въ будень—вишь и самъ не схоче дия гаять! А мені—ковинька пѣ руку: за лито, на ихни гроши, я зароблю соби рубъ на рубъ! Хх-е! Комерція—велька ричъ!

Пройшовшыся ще килько разивъ, вишь перекинувъ думку на Остапа.—А той злыдець! Дочку до гимназїи виддае! Бачь! У мене десять тысячъ капитулу и дочка не вчытсь, а йнздыть по ярмаркахъ зъ джжками, йнздыть, доглядае, щобъ прыкащыкы не кралы, не пехтувалы батькивського добра, а вишь, злыдець... Ну що, якъ бы голоти та давъ волно?! Що, якъ бы порваты ти палыгачи, якымы щоденно мы ихъ скручуемо?! А якъ бы до того та давъ имъ ще й грошей?! Адже жъ пидійшовъ бы бисивъ голодранецъ до хазяина, до стоющего чоловика, плонувъ бы у пыку и назвавъ бы у вичи дурьемъ!.. Хоча бъ такый, якъ Иванъ: дай ёму волно, попусты хочъ тришкы поводы—и вишь почне мені, своему хазяишови, вказуваты, якъ весты росплату зъ робитныками, якъ ихъ харчувать!.. Та.. краще хай не джжде голота водыты за носы нашего брата! Давы ёго, покы вишь у тебе въ рукахъ, а якъ выпрысне зъ рукъ—тоди вже не піймаешь! Ни, треба не такъ коло пыхъ!..

— Чы я тоби, Васылю, казавъ, чы ни, щобъ вси лысты, якы прыходять моимъ хлопцямъ, ты привозывъ мені, а я вже самъ буду роздавать кому треба?

— Ни, вы дёго ще не казали.

— А якъ ще не казавъ, то кажу: все, що буде имъ на почти, щобъ ты мені дававъ до рукъ!

— На що жъ це такъ?

— Не твое дило! Ты у мене грошы берешъ, ты мій прыкащыкъ,—и повыпенъ все те робыть, що я тоби вєло! А про те, па що такъ, а не инакше—це не твого ума дило!

— Та чы такъ, то й такъ!

— Кримъ того: прислухайся, що хто зъ ныхъ буде колы балакать про мене, и мени все до словечка кажы—слухаешъ?

— Та слухаю.

— Дали: скільки я колы грошей привезу зъ ярмарку, або й самъ, якъ колы посылаю—пикому, а ни словечка!

— Чую.

— Привезешъ сотню, кажы десять карбованщывъ.

Ярмарокъ бувъ поганий, посуда, за малымъ чымъ, не вся осталась и покынута въ склади, а якъ яка й продана, то за безцпнь!

— Слухаю!

— Слухай же, та памьятай! А про це пикому, а ни нары зъ усть!

Василь вѣйшовъ, а Кырыло Марковичъ почавъ мркуваты дали: хазяйське дило знать, хто яку звистку мае зъ дому. А тымъ часомъ треба кынуты пцску у вичи тымъ, що цина на посуду падае. Треба умовытысь про це зъ товаришама, хай и воны зъ мене зразокъ берутъ, та й у себе таке заводять, бо якъ хто зъ моихъ хлопщывъ покыне мене та найметься до котрого зъ ныхъ, то щобъ сразу жъ збывъ оскому! Треба приборкаты крыльця, щобъ и не стрипнувся—тоди наше право! Робы зъ пымътоди що хочъ! А перша ричъ—себе обгородыты, щобъ не зробывъ якого злочыньства такый пьяныця, якъ Опанасъ, або Борысь: що имъ? черкнувъ сирнычокъ—и квытъ!.. Недогадывый, пєдогадывый Кырыло Марковичъ! стыдь, страмъ: складъ посуды не застрахований! Черкнувъ сирнычокъ якый дурешъ—и тысяча карбованщывъ пиде дымомъ!.. Шутка!.. А якъ застраховано—палыть! Мое менн повернется, а вы за свое—наберыть у зациль жару... Кримъ того... гмъ.. агентъ знаёмый—дильце можна буде обробыты якъ пысанку!

Ажъ осмихнувся Бырыло видъ останнихъ думокъ,—такъ воны ёму подобалысь. Пройшовшыся ще килько разивъ по хати, винъ диставъ зъ шкахвы грахвыца, выпывъ двѣ чаркы «очыщеною» и пишовъ у кимпату обидать.

Порадившысь пидъ повиткою, що кримъ «монополькы» бильше нигде не розминяешть трѣхъ золотыхъ, вси робитныкы зпялыся и пишлы до села. Йдучы порядъ зъ Остапомъ, Иванъ почавъ балакаты, що дуже бѣ було добре, якъ бы Панасенко поклопотався,—та показавъ Гали стежку до гимназіи.

— Та й ты—каже дали Иванъ—подай прошеніе до земської управы, може й справди поталапыть! А наука... Це, братъ, ричъ не абы-яка! Якъ намъ трапылася невесела доля, не жыть, а виджывать, то може хочъ нашымъ диткамъ вопа привитпенько усмихнется!

— Ни, брате!—видповидае Остапъ:—докы сонце зійде, роса очи выйишь!

— Не кажы цѣго! Це було за нашихъ батькивъ, а за нашихъ дитокъ все зминется! Дочка твоя правду каже: «свить не безъ добрыхъ людей!»

— Малá вопа, дурна! Не жыла вопа мижъ людьмы! Пожыве—побачыть!..

Ричъ обирвалася на якый ментъ.

— Тепера, Иване, и батько ридный не може буты такимъ, якъ треба... Чы легко мени слаты до-дому два карбованци?!..

— А мы пошлемо шить, або спмь!..

— Де жъ мы визьмемо?

— Про це вже я знаю!..

Хтось зъ гурту обернувся до Ивана зъ своими пытаньямы и поверпувъ мову зовсимъ на другой ладъ.

Тымъ часомъ, до села зосталося вже гинь двое. Зъ сильскихъ будивель першь усѣго кынулася у вичи «монополія». Вопа стояла край села, на выгопи, и выразно, по зеленому полю садкивъ, червопила своимъ зализнымъ верхомъ. Дали, за садами,

прывитпенько билила своїмы срибшмы банямы церква и блышала проты сонця своїмы золотымы хрестамы. Надъ усе село була выща церква, та до неї вже прывыкло око: диды й прадиды бачылы скрызь церквы, молылыся въ ныхъ, звыкылыся зъ нымы, якъ зъ риднымы: церква й церква! А монополька—це ще зовсимъ новына! Батькы й диды пылы горилку по шыпкахъ, а джыдалыся монополькы... Джыдалыся! Увійдешъ—зовсимъ аптека! И пляшкы й пляшечкы, и папчочка билолыця у жовтыхъ черевычкахъ—зовсимъ не выдае шынкакою. Не такъ давно була вона вчнтелькою, та буцымъ то мало грошей платылы їй за працу, та ще й гапалы зъ села въ село, видъ школы до школы—и вона змишляла пародню освіту на народню отруту.

Билия монополіи вже зибралося чымало чоловикивъ. Не вважачы на те, що нивдешне сонце некло якъ зъ печи, люде—знай, одышь за однымъ—ходылы та выходылы въ монопольку та зъ монополькы. Вже и череныкы чоловикивъ по пять и больше маячылы скрызь по выгону. Не мало було й одынцивъ, яки не вважачы на кумпанію, хылылы зъ шкалыкывъ, ажъ шапка пазадъ падала. Хто не поснивъ пидъ чергу, той ще бывъ шкалыкомъ объ руку и, набывшы долошу, вытягавъ зъ кышени гвиздокъ и видтыкавъ затычку. Здалека було вже чутно, якъ билия одного гуртка жинка верещала на весь выгинъ, лаучы свого чоловика, не вважачы и на «чеспу кумпанію». Друга—вже пидтюпцемъ бигла до-дому и за нею, шукаючы спотыкачивъ, йшовъ чоловикъ, выробляючы рукамы всякы муштры, паче салдатъ; давно вже вишь пагнавъ бы свою Ганку, та погы не слухалы бидолахы! А на шляху, паче який бисъ конци поконавъ: пиднявъ погу, хотивъ ступыть на ривну стежку, але кшпець и кшпець!..

Кумпанія зъ лиса пидійшла вже до монополькы и облюбовала мисто геть дали, пидъ садкомъ, де ще зосталася смужка холодку.

— А пу,—каже дидъ Омелько—хто зъ молодчыхъ, беры золотого ти йды мнйяй! Скилько насъ? Одышь, два...

— Трынадцять,—озвавсь де-хто зъ гурту—трынадцять пятакывъ, шистьдесятъ пять... хай бере квартиру, докынемъ по кшпйци.

Прынеслы горилку. Дидь Омелько выпявъ зъ кышени чарку и окраецъ хлиба. Де у кого тежъ бувъ хлибъ. Обійшли по чарци, по другій.

— Оце, шановни добродіи,—почавъ Ивань.

— Ще й шановни! Ге, ге, ге...—засміявся одынь зъ парубкивъ.

— Цыть, блазень!—грымнувъ Опанась.—Иване, кажы, слушаемо!

— Якъ бы намъ помогты Остапови полагодыты ёго хату?

— Якъ се такъ?—пытае дидь Омелько:—йты до ёго лагодыты хату—далеко, сотня верстовъ зъ гакомъ!

— Та може я не такъ почавъ... Остапови треба переслаты до дому грошей карбованцивъ десять, а у ёго тильки тры. Мы вже сёгодня не посылатимель до дому, бо нічого: у каждого карбованецъ, та й той уже не цилый. Отъ мы зкыньмось по полтыпныку, це бъ то въ позыку Остапови, та ёго троячка, отъ и хай посылае. А потимъ, кому другому такъ само зъ гурту поможемо...

— Та не що жъ робыть, кёлы дае по карбованцю, наче старцямъ!..—гарячэ озвавсь Борысь.

— Такъ якъ, чы до дила моя ричь?—пытае Ивань.—Остапе, позычаешъ?

— Якъ бы то ваша ласка, люде добри, а то... якъ же?! Дочка сама пыше, просыть... Поможить. братикы, будь ласка!

— А що жъ! Хай иде мшияе другого золотого, дамо!—озвалось де-килько чоловикивъ.

Зибравъ одынь зъ хлопцивъ пляшкы, пшшовъ мшпять золотого и обмянты порожиц на повни, а другый пшшовъ до Мусія у крамныцю, щобъ узаты десятокъ таранц, та вызку бублыкывъ. Обыдва хлопци булы дуже проворни: чарка вынять заходыла видъ рота до рота и балачка пшшла гуртова.

— А хазяиць, бый ёго сыла Божа, бать якъ пасъ шапуе?!

— И такъ що недилн, що празныка!

— Немае, щобъ сказаты: пышитъ, хлопци, лысты до дому, кланяйтесь и посылайте по десятици, а я буду въ городи, здамъ на почту, а вамъ прывезу квиткы.

— Таке й дило! Отакъ по карбованцю видтыкае, а пшля Покровы—ни грошей немае, и дома жпнка по вуха палеткается по крапныцяхъ та по сусцдахъ.

— Мы сами выини! Сёгодня пишлы—не дае; а мы, мовъ зайци—чы казать що, чы мовчаты! Кынувъ пьятинадцать на трынацять душъ, та тымъ и скппчылось!..

— Та ще йды до монополькы мпшять!..

— А де жъ ты розмнинешь? У Мусія Мыкытовича беремо що треба, по кызи, а минять—однаково запыше по пятаку на рубъ промину.

— Бпда, та й бильшь ничего! Лыхо за лыхо такъ и зачпається!..

Тымъ часомъ обмпшялы впшять дви порожнихъ на дви повныхъ, прынеслы другий десятокъ тарани и вязку бублыкивъ, и чарка впшять заходыла. Иванъ вставъ и пишовъ до монополькы. Повернувшыся звпдтила, винъ промовывъ, ударывшысь объ полы:

— Мабуть у нашого хазяина таки закляти гроши, що зъ пымы такъ не талашыть!

— Якъ?—озвалося скилько голосивъ.

— А такъ: уже друга голына, сёгодня педия и почта вже зачпынена! Опизнылыся! А ще й до почты верстовъ десять!

— Якъ бы за мисто оцпн монополькы та була почта, отъ и не опизнывся бъ!

— Та тутъ и школы мабуть немае, не то що почты!

Обійшлы впшять по чарци, и пляшкы впшять лежалы порожни.

— Моп ппвкварты!—каже дпдъ Омелько, достаючы зъ кышени два семыгрывенныкы—доложпть, хто хоче! Тплько й нашого, що немае ничего!

Доложылы. И вже йдучы селомъ до крапныци по тютюпъ, воны шукалы спотыкачи по дорозп, та жалпбно спывалы «чайкы».

Вже сонечко зовсимъ за гору сховалося, вже роса впала на траву, колы Остапъ прыйшовъ у лпсь, пидъ повитку. Де хто вже
Томъ 85.—Апрѣль, 1904.

спавъ на трискахъ, нехтуючы чысту одежынку. Опасасъ лаявся зъ куховаркою, що та глевкый хлибъ пече. Дидь Омелько пишовъ до хазяина просыть половынчыка. Борысь, хыляючысь билл хазяйськой конторы, лаявъ Омелька, що той пидлызуется до хазяина.

Остапъ, знайшовшы лыста и патреть дочкы, пыльно ставъ дывыться на неи. Втыраючы слёзы, винъ каявся передь цею, що не пославъ до-дому й кошійкы.

Побачывшы це, Йванъ, що тильки це повернувся зъ села. пидійшовъ до Остапа и, обнявши ёго, промовывъ:

— Темни мы, братику, люде!.. Несчасни мы, братику!... Пьяныци мы окаяни!.. Чы можуть буты черезъ насъ счастливымы наши жинкы й диткы?!.. Несчасни, песчасни!..

И обыдва гирко заплакалы.

М. Непійвода.

Деревня и ея развлеченія.

(Очерки и наблюденія).

Въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса о необходимости приложить стараніе къ развитію въ деревнѣ народнаго театра, которому слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ чтеніемъ съ картинами, предъ народными гуляньями и концертами. По выраженію одного изъ защитниковъ этой мысли (см. Полтав. Вѣстн. 1903 г. № 86), «театральное представленіе—почти тоже, что и чтеніе; но при томъ—чтеніе, снабженное обстановкой, которую не можетъ замѣнить никакая картина въ текстѣ книги. Въ народномъ театрѣ—читаемъ далѣе—передъ неграмотнымъ и малограмотнымъ зрителемъ разворачивается книга, и онъ ее читаетъ такъ выразительно, понятно, съ такими дополненіями и объясненіями, съ такими картинками и съ такимъ вниманіемъ, какъ это можетъ сдѣлать только совершенно культурный человѣкъ». Даже болѣе: деревенскому театру, по мысли автора, предназначена чрезвычайно высокая миссія: «деревенскій театръ, кромѣ того, долженъ оказывать нравственное вліяніе непосредственно на зрителя, что вполне зависитъ отъ извѣстнаго подбора пьесъ; онъ долженъ быть ареной проповѣди добра, и эта проповѣдь болѣе доступна, болѣе удобна и болѣе проста».

Зная сельскій бытъ родной Полтавщины не изъ прекраснаго далека, я позволю себѣ возразить, что, при совокупности существующихъ хозяйственно-экономическихъ условий, деревенскій театръ для массы сельскаго населенія, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, все равно, что «вареныкы Божіи хваленыкы; ихъ уси хвалять, та не вси мають», т. е. недоступная роскошь для бѣдняковъ; во всякомъ случаѣ современный малорусскій театръ народился на нашихъ глазахъ и держится пока главнымъ образомъ въ болѣе значительныхъ городахъ. Думается, что при самомъ энергичномъ стремленіи «искреннихъ доброжелателей народа» не мало утечетъ воды прежде, чѣмъ театръ станетъ достояніемъ заурядной деревни, и съ прискорбіемъ придется сказать: «доки сонце зійде, роса очи выйистъ». Вѣдь на нашихъ же глазахъ деревенскій бытъ измѣняется до неузнаваемости, и гибнетъ и глохнетъ народная пѣсня и музыка.

Я помѣщаю въ выноскѣ списанную съ натуры въ дни моего дѣтства извѣстнымъ И. С. Аксаковымъ картину малороссійскаго быта ¹⁾. Мнѣ и моимъ сверстникамъ (живущимъ седмою деся-

¹⁾ Въ Малороссіи нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія сословій по занятіямъ, какъ въ Россіи, такого разъединенія, какое существуетъ въ Россіи между сословіемъ образованнымъ и простымъ народомъ. У насъ бытъ купеческій, соприкасаясь съ высшими классами общества и въ то же время къ народу, отлился въ ту особую, странную форму, которая породила типы комедій г. Островскаго. Эти типы совершенно непонятны въ Малороссіи; ничего подобнаго не найдете въ малороссійскомъ купечествѣ. Небогатый панъ, козакъ-хуторянинъ, гильдейскій купецъ, мѣщанинъ, всѣ живутъ на одинъ ладъ, однимъ образомъ жизни, говорятъ однимъ языкомъ: подходятъ подъ одинъ уровень образованія. Вы ихъ никакъ не отличите между собою; женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія: природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, утонченность, доведенная до нельзя въ области чувствъ (чему доказательствомъ служатъ простонародныя пѣсни)—равно присущи всѣмъ малороссійянкамъ и заслоняють недостатокъ образованія, тогда какъ въ Россіи купчиха есть явленіе типическое и рѣзко выдѣляется изъ ряда женщинъ прочихъ сословій. Въ Россіи—существенную примѣту купечества составляютъ бороды; въ Малороссіи—всѣ сословія брѣются».

токъ лѣтъ) доподлинно извѣстно, что въ дореформенное время развѣ на Ильинской ярмаркѣ въ Ромпахъ, а затѣмъ въ Полтавѣ, появлялись наѣзжіе заправскіе актеры и давали спектакли для панства и купечества, а на всѣхъ остальныхъ ярмаркахъ невзыскательная публика довольствовалась плохими «кумедіями», иногда развлекалась дрессированными медвѣдями и т. п. Правда, на рождественскихъ святкахъ молодежь ходила «со звѣздой», кое-гдѣ «зъ вертепомъ», иногда изображали «Максимиліана», но театральныхъ спектаклей въ прямомъ смыслѣ не существовало въ деревняхъ до настоящаго времени. Только въ первой половинѣ 50-хъ гг., наприм. въ г. Хоролѣ, впервые состоялся любительскій спектакль. Въ то время доживали свой вѣкъ въ уѣздѣ нѣсколько пѣвческо-музыкальныхъ капеллъ, сформированныхъ при крѣпостномъ правѣ¹⁾, которые распались послѣ 19 февраля 1861 г., и только во второй половинѣ 70-хъ гг. мнѣ пришлось слышать въ Сокиренцахъ (прилук. у.) уцѣлѣвшій у Г. П. Галагана пѣвческій хоръ, превосходно исполнявшій, наприм., литургію по партитурѣ кіевскаго лаврскаго напѣва, а также «Вертепъ» по напечатанной въ «Кіев. Стар.» и сохранившейся въ родѣ Галагана партитурѣ XVIII в.

Я не имѣлъ возможности наблюдать въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существовали крѣпостные пѣвчіе и музыканты, какое вліяніе оказали они на туземное церковное и народное пѣніе и музыку. Могу только сказать, что многіе пѣвчіе и музыканты по полученіи «воли» превратились въ заправскихъ хлиборобовъ, и только болѣе способные и предпримчивые, также какъ и бывшіе лакеи, парикмахеры, кондитеры, повара и т. п., разбрелись по городамъ и нашли работу по своей специальности. Аналогичная судьба по-

1) Лучшими считались музыканты и пѣвчіе В. П. Сахно-Устимовича, а также были капеллы у Родзяногъ: П. Г., С. П., Н. А, у А. С. Алексѣева и музыканты у А. А. Бузановскаго. Много говорили о капеллѣ Паульсона въ лохвицк. у., но особенно славилась капелла княгини Лопухиной въ кіев. губ., куда хорольскіе помѣщики посылали своихъ музыкантовъ для подготовки въ качествѣ солистовъ.

стигла многихъ «крепаковъ» служилыхъ и мастеровыхъ на бывшихъ помѣщичьихъ заводахъ: винокуренныхъ, свеклосахарныхъ, а также на фабрикахъ прядильно-ткацкихъ: суконныхъ, ковровыхъ, полотняныхъ и др.

Однимъ словомъ вся насажденная при крѣпостномъ правѣ культура, поглощавшая массу дарового труда и вызванная исключительно прихотливыми потребностями помѣщичьего быта и обстановки, рухнула вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ и оставила значительное число сельскихъ пролетаріевъ, имѣвшихъ несчастье числиться «дворовыми» и не получившихъ земельныхъ падѣловъ при составленіи уставныхъ грамотъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что какъ, напр., музыканты, такъ и столяры-токари, ткачи и коверщицы и т. п. оцутились на «волѣ» безъ орудій труда, т. е. безъ инструментовъ и т. п., какъ равно безъ всякихъ денежныхъ средствъ, и потому не имѣли возможности пользоваться своими знаніями въ качествѣ предпринимателей кустарей или ремесленниковъ, и при томъ многія спеціальныя знанія оказались не соответствующими условіямъ малоземельнаго пахарскаго быта. Достоиню вниманія, однако, то обстоятельство, что по даннымъ статистической подворной переписи по губерніи (1882—89 г.) зарегистрировано болѣе 100 разнообразныхъ кустарно-ремесленныхъ промысловъ съ цѣлыми десятками тысячъ кустарей и ремесленниковъ среди сельскаго населенія. А это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что въ реформенный періодъ живая жизнь и потребности городского и деревенскаго быта вызвали спросъ и предложеніе чрезвычайно разнообразныхъ знаній и умѣній, такъ что «свободный» уже трудъ нашелъ болѣе широкое приложеніе и доставляетъ насущное пропитаніе множеству труженниковъ изъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, а также состоявшихъ въ вѣдѣніи министерства государ. имуществъ крестьянъ казенныхъ (быв. монастырскихъ), государственныхъ (быв. ранговыхъ, магистратскихъ, воинскихъ поселянъ и т. п.), и малороссійскихъ козаковъ.

Въ отличіе отъ крестьянства разныхъ наименованій, козачество, какъ войсковое служилое сословіе, было всегда «вольнымъ», т. е. лично свободнымъ, и располагало своими потомственно-

наслѣдственными землями на правѣ личной собственности (съ нѣкоторыми ограниченіями въ позднѣйшее время въ отношеніи продажи земель въ постороннія руки). По своей численности оно составляетъ въ нашемъ краѣ около $\frac{1}{2}$ сельскаго населенія, и въ своемъ семейно-домашнемъ быту служило неизмѣннымъ хранителемъ и носителемъ народныхъ идеаловъ, историческихъ преданій и юридически-правовыхъ обычаевъ, въ особенности славное войско Запорожское, какъ вѣтвь того-же малороссійскаго козачества. Въ средѣ этого козачества образовались своего рода барды или баяны въ лицѣ такъ наз. кобзарей или бандуристовъ, воспѣвавшихъ исторію и бытъ народа въ стародавнихъ думахъ и пѣсняхъ историческихъ, ритуальныхъ, бытовыхъ съ придачею сатирическихъ и юмористическихъ. Словомъ сказать, кобзаря (бандуристы) воплощали въ лицѣ своемъ традиціонное поэтическое и музыкальное творчество народа.

Какъ извѣстно, многія произведенія народнаго творчества, а въ особенности думы и пѣсни историческія, сложились непзвѣстно когда и какими авторами. Въ художественномъ творествѣ принимаютъ участіе украинскій народъ въ обширномъ смыслѣ слова. Изъ историческихъ источниковъ извѣстно, что во времена гетманщины даже нѣкоторые полковники—не говоря о старшихъ сотенной и заурядномъ козачествѣ—бывали неграмотны, а между тѣмъ еще въ первой половинѣ XVII в., по свидѣтельству Боплана, козачество отличалось перѣдко познаніями, превышавшими уровень простонародья украинскаго. Что касается музыки, то извѣстно, что бандура или кобза была любимымъ инструментомъ козачества, не исключая высшей старшины. Такъ, въ музеѣ В. В. Тарновскаго мнѣ приходилось видѣть бандуру гетмана Мазепы; при томъ, напр., въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны фигурировали въ дворцовомъ штатѣ придворные бандуристы, а затѣмъ, во время окончательнаго разоренія Сѣчи Запорожской и уничтоженія войска Запорожскаго, злополучный послѣдній судья войсковой Антонъ Головатый услаждалъ петербургскихъ вельможъ пѣніемъ своихъ и традиціонныхъ пѣсней подъ аккомпанпментъ бандуры. Правдоподобно, что болѣе одаренные и

искусные въ музыкѣ и иѣшіи лица изъ козацкой старшины не гнушались щегольнуть своимъ искусствомъ съ бандурой въ рукахъ и въ веселой компаніи исполняли думы и пѣсни, какъ унаслѣдованныя преемственно, такъ и произведенія собственнаго творчества, иногда юмористическія и сатирическія, которыя и поступали преемственно въ народное обращеніе. Къ числу интеллигентныхъ вкладчиковъ въ народную сокровищницу принадлежить, наприм., извѣстный поэтъ-философъ Г. С. Сковорода, а также И. П. Котляревскій и въ особенности бессмертный Т. Г. Шевченко.

Распространеніе кобзы или бандуры въ былое время возможно допустить потому, что, съ одной стороны, инструментъ этотъ въ умѣлыхъ рукахъ могъ удовлетворить самымъ разнообразнымъ настроеніямъ играющаго и слушателей, а въ то же время былъ весьма удобенъ для передвиженія какъ иѣшкомъ, такъ и на копѣ (съ перевязью черезъ плечо), и съ другой стороны—надо вспомнить, что даже въ концѣ XVIII в., во времена Шафонскаго, образъ жизни даже между знатнѣйшими малороссіянами «былъ простъ и не великолѣпенъ», такъ что до водворенія послѣдняго гетмана К. Г. Разумовскаго не были, наприм., въ употребленіи кареты, да по всей вѣроятности и объ клавиринахъ едва-ли имѣли понятіе всѣ тогдашнія заурядныя *панні-полковницы* и ихъ дочери. Добавлю, что не знавшее тревоженій и невзгод походной козацкой жизни приходское духовенство услаждало свои досуги въ XVIII и первой половинѣ XIX в. своими библейскими «гуслями», болѣе дорогими и болѣе громоздкими по сравненію съ бандурой; но количество гусяровъ, можно думать, не могло быть значительнымъ въ первой половинѣ XIX в., такъ какъ на своемъ вѣку я встрѣчалъ единственнаго батюшку, игравшаго на гусяхъ, а въ домахъ духовенства послѣ того не приходилось никогда видѣть гуслей.

Само собою разумѣется, сравнительно немногіе обладаютъ музыкальными способностями и въ частности къ игрѣ на бандурѣ. Въ свою очередь уничтоженіе Запорожья и вообще гетманщины, закрѣпощеніе части сельскаго населенія Малороссіи и дарованіе

части старшины козацкой правь потомственнаго дворянства — озпаменовались рѣзкимъ отдѣленіемъ панства отъ массы пародной и повели къ уничтоженію и упадку народной поэзіи и музыки. Единственными ревностными хранителями творчества народнаго въ пѣснѣ и музыкѣ остались профессиональные *слѣпцы-кобзари* и лирники, странствовавшіе по Уграинѣ, какъ непремѣнные посѣтители городскихъ и сельскихъ ярмарокъ. Слова думъ и пѣсенъ и паѣвы въ средѣ *слѣпцовъ* передавались отъ учителей ученикамъ преемственно; но въ видахъ конкуренціи, нѣкоторые учителя передавали свои знанія не полностью, такъ что нныя слова и въ особенности паѣвы съ ихъ пѣвцами и музыкантами сошли въ могилу. Вслѣдствіе техническихъ трудностей, искусная игра на бандурѣ не легко давалась слѣпцамъ, и потому для послѣднихъ оказалась болѣе доступною игра на лпрѣ, дающей болѣе ограниченный и монотонный аккомпаниментъ къ пѣсенному тексту. Такимъ образомъ мало-по-малу сокращался контингентъ своего рода виртуозовъ-бандуристовъ, тѣмъ болѣе, что и искусство послѣднихъ оплачивалось съ теченіемъ времени и съ измѣненіями сельскаго быта уже совсѣмъ по-нищенски слушателями-бѣдняками, награждавшими мѣдными копѣйками и «шагами» (грошами=1/2 к. сер.) или бубликами и ломтями хлѣба пѣвцовъ-музыкантовъ на ярмаркахъ или въ шинкахъ и у себя на дому. Упадокъ *народной* музыки обуславливается до извѣстной степени существованіемъ крѣпостныхъ хоровъ и оркестровъ, организованныхъ на европейскій ладъ съ репертами и капельмейстерами, съ «партеснымъ» пѣніемъ и игрой по потамъ оперныхъ и симфоническихъ произведеній разныхъ композиторовъ. Выше я насчиталъ въ одномъ только хорольскомъ уѣздѣ шесть хоровъ и оркестровъ; въ лохвицкомъ у. славился оркестръ Паульсона и въ Дегтяряхъ, прилукскаго у., музыканты и пѣвчіе Галагана; въ томъ же уѣздѣ изъ средняго достатка помѣщиковъ-меломановъ А. И. Тарновскій, какъ рассказывали, образовалъ оркестръ изъ 12 человекъ своихъ крѣпостныхъ и самъ дирижировалъ и игралъ партію первой скрипки ¹⁾).

¹⁾ По словамъ моей жены, Тарновскій щеголялъ пьесой своей композиціи подъ названіемъ «косовица», въ которой эффектъ произ-

Понятно, что къ такому панству не могъ уже имѣть доступа стѣпецъ-кобзарь съ традиціоннымъ репертуаромъ. На моей памяти, въ 50—60-хъ гг., въ хорольскомъ уѣздѣ на балахъ и пирахъ помѣщиковъ крупныхъ и среднихъ, а также на свадьбахъ нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, гремѣли панскіе хоры и оркестры; полупанки же и заурядное городское чиновничество доставляло молодому поколѣнію удовольствіе устройствомъ, во время храмовыхъ и семейныхъ пировъ, танцевальныхъ вечеровъ, на которыхъ вмѣсто оркестра—наигрывалъ популярный въ то время нѣкій «Михась» на скрипкѣ съ гармоникой, а потомъ съ гармоци-флейтой, иногда еще и съ віолочелью. Этотъ «Михась» съ своими сыновьями зналъ почти весь не только хорольскій, но и смѣжные уѣзды, и по заранѣе составленному маршруту пускался въ музыкальныя путешествія, предварительно заручившись приглашеніями полупанковъ. Мнѣ непосредственно извѣстно, что семья Михася играла танцы (кадрилы, польки, польки-мазурки, вальсы, мазурки, галопы, лянсье) и пѣсни по слуху, безъ нотъ, конечно съ значительными погрѣшностями въ мотивахъ и аккомпаниментѣ, но это не мѣшало молодежи танцовать иногда до упаду, и потому Михась и старшій сынъ его «Сашко» всюду были желанными и наигрывали иногда до разсвѣта и полного изнеможенія. Думаю, что въ каждомъ уѣздѣ были свои «Михаси», какъ въ Полтавѣ Мелентій, пользовавшійся широкою популярностью въ средѣ полупанковъ, періодически устраивавшихъ пирушки. И неудивительно, что былая слава кобзарей померкла, и сами они настолько ступевались, что въ началѣ 70-хъ гг. доставленный Г. П. Галаганомъ изъ Сокиринецъ въ Кіевъ бандуристъ Остапъ Вересай, съ легкой руки А. А. Русова, долгое время считался въ Кіевѣ и въ Петербургѣ послѣднимъ украин-

водилъ оригинальный аккомпаниментъ: разнообразныя удары лопатками по сѣнокоснымъ косамъ съ разными варіаціями. Пьеса въ концѣ 50-хъ г. была напечатана въ партитурѣ съ отдѣльными партіями и исполнялась композиторомъ въ концертахъ на родинѣ и даже въ Москвѣ. Я много слышалъ объ этой пѣснѣ въ Прилукахъ, но партитуры видѣть не приходилось и не знаю, уцѣлѣла ли она.

скимъ кобзаремъ. На самомъ дѣлѣ, во время изслѣдованія въ 1884—85 г. кустарныхъ промысловъ по полтав. губ., мнѣ приходилось встрѣчать въ разныхъ уѣздахъ на сельскихъ ярмаркахъ и бандуристовъ, и много лирниковъ; но, посѣщая ярмарки многобазомъ и имѣя свою спеціальную программу дѣятельности, я не располагалъ досугомъ для собесѣдованій съ бандуристами. Они не перевелись еще до нашихъ дней ни у насъ, ни въ Черниговщинѣ и Харьковщинѣ. Такъ, весной 1902 г. на всероссійской культурно-промышленной выставкѣ въ Петербургѣ появился доставленный музеемъ полтавскаго губернскаго земства изъ м. Великихъ Сорочинцевъ, миргор. у., случайно обнаруженный единственный бандуристъ М. Кравченко, но уже въ августѣ того же года на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старшины», инженеръ-технологомъ и виртуозомъ на бандурѣ И. М. Хоткевичемъ были организованы небольшой хоръ изъ 6 бандуристовъ, 3 лирниковъ и «музыки тропстои», дебютировавшій на музыкально-вокальномъ вечерѣ въ заведеніи этнографическаго отдѣленія археологическаго съѣзда. На Шевченковскомъ же вечерѣ въ Полтавѣ, благодаря г. Хоткевичу, опять появились тѣ же бандуристы и лирники, съ додаткомъ прибывшихъ изъ Диканьки двухъ скрипачей, двухъ віолончелистовъ и бубна, такъ что на самомъ дѣлѣ получился уже смычковый квинтетъ подъ пениемъ музыки тропстои. Говорю это на томъ основаніи, что каждый инструментъ исполнялъ, конечно по слуху, свою партію, причемъ одинъ изъ віолончелистовъ игралъ безъ смычка, посредствомъ «пиччикато», а игрокъ на бубнѣ оказался настоящимъ виртуозомъ по разнообразію техническихъ пріемовъ и оригинальности извлекаемыхъ звуковъ. Изъ бесѣдъ моихъ съ кобзарями мнѣ отраднo было узнать, что представители полтавской и черниговской губ. имѣютъ каждый въ своемъ краѣ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ кобзарей, а всѣ 4 харьковскихъ были изъ подгородныхъ селъ; вообще же въ одномъ харьковскомъ уѣздѣ насчитываютъ они до 15 бандуристовъ; причемъ наиболѣе искусный игрокъ случайно не участвовалъ на концертахъ ни въ Харьковѣ, ни въ Полтавѣ.

Хотѣлось бы думать, что наши бандуристы пережили тяжкіе времена уничтоженія и упадка національной музыки и пѣнія, и что той и другому суждены въ XX вѣкѣ лучшіе дни возрожденія, признаки котораго обнаружилась небывалымъ восторгомъ и сочувствіемъ многочисленной, разнохарактерной публики въ Харьковѣ и Полтавѣ.

II.

Въ «посланиіи до Пархома»¹⁾ между прочимъ читаемъ: «Въ шинку наризуютъ тобі цимбалы, кобзы и сопилки»; по счету выходитъ какъ-бы «музыка троиста», по подобнаго сочетанія инструментовъ мнѣ лично не приходилось слышать, а помню съ дѣтства на деревенскихъ и простопародныхъ городскихъ свадьбахъ и на праздникахъ для танцевъ молодежи музыку «троисту» изъ скрипки, цимбалъ и бубна; въ городахъ же въ позднѣйшіе годы цимбалы выходятъ изъ употребленія и замѣняются второю скрипкою и «басомъ» (віолончелью). Поэтому я склоненъ считать *стародавнюю* «троистою» музыкою—скрипку съ цимбалами и бубномъ (съ маленькими мѣдными тарелочками пѣсколько паръ). Социлка или свирѣль служитъ большею частью пастушьимъ развлеченіемъ и издаетъ у слышанныхъ мною иногда весьма искусныхъ игроковъ пріятные и оригинальные звуки, въ протяжномъ и быстромъ темпѣ—по фантазіи игрока. Разъ заходитъ рѣчь о возрожденіи національной украинской музыки, то извѣстный мнѣ полный наборъ музыкальныхъ инструментовъ будетъ слѣдующій: общераспространенный квартетъ смычковыхъ, и другой квартетъ изъ бандуры, лиры, цимбалъ и сопилки; дополненіемъ можетъ служить смычковый контрабасъ и ударный бубешъ съ мѣдными тарелочками, а иногда бубешкиамп. Такимъ образомъ получается полный подборъ инструментовъ для разнохарактерной, своеобразно-прекрасной гармонизаціи украинской народной пѣсни. Не говоря объ оркестрахъ симфоническихъ, театральныхъ и военныхъ, мнѣ приходилось слышать также отдѣльные хоры рожечниковъ, гармонистовъ, балалаечниковъ, мандолинистовъ, румынскіе оркестры съ цимбаломомъ, цитры съ балалайками, но съ искреннимъ убѣжде-

¹⁾ Гулака-Артемовскаго.

нѣмъ говорю, что пзъ этихъ хоровъ мнѣ больше пришлось по вкусу бандурцеты съ лириками и музыкаю трюестою. Впрочемъ, въ Харьковѣ и Полтавѣ дебютировалъ неполный комплектъ переплеленныхъ выше пародныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Было бы въ высшей степени интересно и поучительно услышать подъ управленіемъ народнаго композитора Н. В. Лисенка, такія произведенія его, какъ наприм., можно сказать, національный гимнъ «Слава нашимъ козаченькамъ», а также «Жалібный маршъ», «Бють пороги», «Изъ-за горы зъ-за Лыману», «Дощикъ», «На бережку у ставка» и т. п., аранжированные композиторомъ спеціально для *полнаго народнаго* украинскаго оркестра съ смѣшанными (мужескими и женскими) хорами, чтобы получить полное представленіе о достоинствѣ и оригинальности національной музыки. Сознаю себя профаномъ въ теоріи музыки и позволилъ себѣ только что сказанное, какъ любитель пародной музыки, не лишенный музыкальнаго слуха и индивидуальнаго вкуса. Я въ состояніи понимать отсутствіе оркестровыхъ деревянныхъ (флейтъ, кларкетовъ, гобоевъ, фаготовъ) и мѣдныхъ трубъ, но въ то-же время могу себѣ представить, что полный комплектъ нашихъ народныхъ инструментовъ, а тѣмъ болѣе въ удвоенномъ числѣ (примо и секундо) можетъ составить своеобразный оркестръ со всѣми національными особенностями, болѣе или менѣе рѣзко отличающимися отъ означенныхъ выше рожечниковъ, балалаечниковъ и т. п. При томъ я имѣю въ виду исключительно нашу родную пѣсню, которой столько души и таланта посвятилъ Н. В. Лисенко, и которому да поможетъ Богъ сдѣлать еще многое для возрождающейся національной музыки. Введеніе въ оркестръ *всѣхъ* народныхъ инструментовъ будетъ дальнѣйшимъ шагомъ музыкальнаго развитія въ національномъ направленіи, въ параллель съ родною литературою—художественною и научно-популярною.

Само собою разумѣется успѣшное и правильное культурное развитіе вообще и музыкальное въ частности немислимо безъ спеціальныхъ вокально-музыкальныхъ школъ. Отсутствіе малоросійскихъ музыкальныхъ школъ привело къ тому, что наша національная музыка обратилась въ буквальномъ смыслѣ въ ин-

щепско-слѣпцкое кобзарство и лирництво, съ самодѣльными примитивными инструментами; а между тѣмъ распространіе среди сельской молодежи гармоникъ, балалаекъ и т. п. порождаетъ извращеніе національнаго музыкальнаго вкуса и пѣкоторое пренебреженіе къ роднымъ пѣснямъ и мотивамъ. Къ счастью, подъ вліяніемъ блестящаго успѣха слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ въ Харьковѣ, полтавская губ. зем. управа предположила устроить школу для обученія юношей-слѣпцовъ традиціонному пѣнію и игрѣ на бандурѣ, лирѣ, скрипкѣ, а также для изученія доступныхъ слѣпцамъ ремесленныхъ знаній; но, очевидно, попечительность и вниманіе земства къ горькому положенію *слѣпцовъ* истекаетъ изъ филантропическо-благотворительныхъ побужденій, но не специально во имя культурнаго развитія національной музыки и пѣнія. Слѣдуетъ, конечно, отъ всей души желать осуществленія прекраснаго намѣренія земства, дѣлающаго первый шагъ въ организаціи вокально-музыкальной *школы для слѣпцовъ*. Но вѣдь безспорно, что по сборникамъ Н. В. Лисенка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе играетъ и поетъ нашу родную мелодію всероссійская образованная часть привилегированныхъ сословій: на роднѣ же не поютъ и не играютъ «по нашему» развѣ тѣ немногіе изъ привилегированныхъ или же дипломированныхъ уроженцевъ украинскихъ, которые сознательно цураются «ридной мовы» настолько, что официально отреклись отъ нея при первой всеобщей переноси населенія. Рядомъ съ этимъ знаменательнъ тотъ фактъ, что молодой и талантливый инженеръ-технологъ 1-го разряда И. М. Хоткевичъ публично выступилъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ качествѣ интеллигентнаго кобзаря, воплѣтшій пѣніе кобзарскихъ думъ и пѣсень и достигнувшій замѣчательной виртуозности въ игрѣ на бандурѣ. Сколько миѣ извѣстно, г. Хоткевичъ намѣренъ издать составленную имъ школу для игры на бандурѣ, а коль скоро это осуществится, то статья можетъ, пѣкоторая часть интеллигентной украинской и великорусской молодежи посвятить свои досуги и трудъ изученію игры на бандурѣ вмѣсто, наприм., мандолинъ, цитръ, балалаекъ, пачинающихъ входить въ «моду» на Украинѣ.

Все сказанное наводитъ на мысль, что насколько достойна уваженія высоко сѣмпатичная заботливость земства о слѣпыхъ, настолько же плодотворна можетъ оказаться вокально-музыкальная національная украинская школа *для зрячихъ*, безъ различія сословій, дабы предоставить украинскому юношеству возможность систематически пзучить на томъ или другомъ народномъ инструментѣ *иру по нотамъ* и развить свои природныя способности. Все это говорить о назрѣвшей уже потребности въ учрежденіи малорусской вокально-музыкальной средней и низшей школы.

Здѣсь, конечно, не мѣсто, да и не мое дѣло спеціально трактовать о задачахъ и постановкѣ школьнаго музыкальнаго образованія. Но позволю себѣ выразить мысль, что отечество обогатилось уже нѣсколькими музыкальными консерваторіями, Императорское Русское Музыкальное Общество имѣетъ не малое число своихъ отдѣленій въ провинціи, въ частности напр. въ Полтавѣ успѣшно функционируетъ и отдѣленіе музыкальнаго общества и спеціальные музыкальные классы,—такъ позволительно желать учрежденія на первый разъ хотя одного средняго *малороссійскаго* музыкальнаго училища и низшихъ школъ, благодаря доброму почину Полтавской губ. зем. управы.

Было-бы радостно, когда-бы на первый разъ желанное музыкальное училище было основано въ Кіевѣ, гдѣ протекла почти вся самостоятельная музыкальная дѣятельность неутомимаго собирателя и народнаго композитора Н. В. Лисенка. Не боюсь ошибиться, выражаясь, что онъ болѣе всѣхъ современныхъ отечественныхъ музыкальныхъ композиторовъ съ высшимъ образованіемъ положилъ труда для національной малороссійской музыки. Думаю, что подъ его личнымъ управленіемъ съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ выказать всѣ свои достоинства и способности оркестръ въ составѣ всѣхъ народныхъ инструментовъ, при исполненіи приведенныхъ мною выше въ видѣ примѣра произведеній г. Лисенка. Но для осуществленія этого необходимо, чтобы и само общество позаботилось предоставить ему время и возможность сформировать хоръ и оркестръ изъ слѣпыхъ и зрячихъ исполнителей, и чѣмъ скорѣе осуществится подобное предпріятіе, тѣмъ лучше; во всякомъ

случаѣ не слѣдуетъ откладывать на долгое время настоятельнаго вопроса о возбужденіи ходатайства о разрѣшеніи устройства ма-лороссійскаго музыкальнаго училища. Нужно имѣть въ виду, что ортодоксальные теоретики стануть отрицать цѣлесообразность введенія въ курсъ музыкальнаго училища преподаванія игры на нашихъ нѣкоторыхъ народныхъ инструментахъ, не имѣющихъ пока права гражданства въ симфоническихъ оркестрахъ. Но вѣдь нужно же вывести наконецъ нашу музыку изъ слѣпецко-нищенскаго положенія и открыть ей свободный путь для посильнаго развитія всѣхъ бытующихъ въ живой жизни орудій и для гармонизаціи своей родной пѣсни, достоинства которой уже признаны цивилизованнымъ міромъ.

Навѣрное—съ открытіемъ музыкальнаго училища и школъ найдется достаточное число украинскаго юношества, желающаго систематически изучить свою родную пѣсню. Болѣе или менѣе осповательное знакомство съ народной музыкой и пѣніемъ, само собою разумѣется будетъ важнымъ культурнымъ шагомъ впередъ и будетъ способствовать развитію самосознанія и самодѣятельности, нпчуть не умаляя значенія и достоинства отечественныхъ консерваторій и училищъ, какъ органовъ для высшаго вокально-музыкальнаго академическаго образованія. Съ утилитарной же точки зрѣнія ма-лороссійское музыкальное училище можетъ подготовить своихъ питомцевъ въ качествѣ преподавателей элементарныхъ началъ нотной народной музыки и пѣнія и организаторовъ деревенскихъ пѣвческо-музыкальныхъ хоровъ. Вѣдь и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ Полтавщины, благодаря псаломщикамъ изъ семинаристовъ, иногда дяконамъ и батюшкамъ, образовались церковные хоры, и также можно слышать народные пѣсни, исполняемые хоромъ по сборникамъ Н. В. Лисенко; но улучшенная народная музыка, можно сказать, отсутствуетъ, или не выходитъ изъ предѣловъ сравнительно ограниченнаго репертуара слѣпцовъ-бандуристовъ и лпрниковъ; съ распространеніемъ-же музыкальныхъ школъ можно ожидать появленія, напр., бандуристовъ и цимбаллистовъ между грамотною, зрячею деревенскою и городскою молодежью, бречащею пока на нелѣпой балалайкѣ, или на при-

торной гармоникѣ и т. п. Въ свою очередь цѣннымъ культурнымъ успѣхомъ будетъ образованіе въ средѣ сельскаго населенія объединенныхъ на товарищескихъ началахъ профессиональныхъ вокально-музыкальныхъ хоровъ съ болѣе или менѣе обширнымъ репертуаромъ народной музыки. Если нашъ народный театръ, можно сказать, неразлученъ съ музыкой и пѣніемъ, то естественно желать, чтобы оркестръ состоялъ исключительно изъ своихъ-же народныхъ инструментовъ, конечно возможно улучшенной конструкции и достоинства, такъ какъ пицценскіе—въ смыслѣ самодѣльности и нужнаго качества и силы звуковъ -- бандуры, лиры, цимбалы и т. п. несомнѣнно могутъ быть улучшаемы до безконечности. Усовершенствованіе же производства инструментовъ вызоветъ приложеніе труда опытныхъ и искусныхъ музыкальныхъ и инструментальныхъ мастеровъ—въ мѣру обеспеченнаго спроса или заказа издѣлій улучшенной конструкции и качества, какъ спеціально для оркестровъ, такъ и для отдѣльныхъ болѣе или менѣе требовательныхъ любителей и знатоковъ народной музыки въ средѣ горожанъ и деревенскихъ обывателей.

III.

Заслуженная извѣстность и блестящіе успѣхи малорусскаго театра повсюду въ отечествѣ неразрывно связаны съ первоначально выступившими на сценическое поприще высокодаровитыми артистами и артистками съ Кропивницкимъ и Запѣвцевою во главѣ, продолжающими подвизаться еще до настоящаго времени. По примѣру родоначальницы «Наталки-Полтавки» Котляревскаго, почти въ каждую пьесу малорусскаго репертуара первоначально входило драматическое представленіе въ соединеніи съ пѣніемъ и весьма часто съ танцами—ради сценическихъ успѣховъ. Увлеченіе зараже разсчитанными эффектами доходило до того, что нѣкоторыя малосодержательныя пьесы представляютъ просто спекулятивную балаганщину, или въ лучшемъ случаѣ утрированную картину украинскаго яко-бы народнаго быта, изображающую «коханця», отчаянное пьянство, съ пѣніемъ и бѣшенными плясками, не имѣющими ничего подобнаго въ дѣйствительности. Впрочемъ

съ теченіемъ времени драматургъ-артистъ Карпенко-Карый и его послѣдователи дали цѣлый рядъ болѣе или менѣе глубоко захватывающихъ и потрясающихъ картинъ пароднаго житья-бытья безъ шаблонныхъ эффектовъ, и въ концѣ концовъ образовался уже довольно разнообразный репертуаръ малороссійскаго театра, хотя нѣкоторыя пьесы остаются недоступными для общаго пользованія, такъ какъ составляютъ спекулятивную монополію ихъ авторовъ, заполучившихъ цензурныя разрѣшенія по рукописнымъ экземплярамъ, остающимся неотпечатанными. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что, несмотря на значительные успѣхи, которые въ послѣднее время сдѣлала малороссійская драма, все-же имѣется очень мало пьесъ, вполне отвѣчающихъ потребностямъ и условіямъ народной сцены. По мнѣнію моему это слѣдуетъ объяснить главнымъ образомъ тѣмъ, что огромное большинство пьесъ является продуктомъ кабинетныхъ измышленій авторовъ, а не непосредственныхъ наблюденій народнаго быта. Поэтому такъ назыв. «обстановочныя» пьесы совершенно недоступны для деревенскаго театра, при отсутствіи матеріальныхъ средствъ и, главное, драматическихъ силъ и необходимаго помѣщенія. Думается мнѣ, что еслибы въ видѣ исключенія въ какой-либо деревнѣ нашлось лицо, которое согласилось-бы руководить устройствомъ театра на первыхъ шагахъ и сумѣло бы привлечь деревенскую молодежь къ участію, то едва-ли можно рассчитывать на плодотворныя послѣдствія. Въдѣ деревенская простонародная молодежь, въ особенности дѣвицы, почти сплошь неграмотны; а для осмысленной игры даже грамотныхъ—нужно сперва имъ дать возможность видѣть на сценѣ въ нѣсколькихъ роляхъ, такихъ извѣстныхъ артистовъ, какъ Заньковецкую, Зарницкую, Сулову, Кронивщицкаго, Карпенка-Карого, Садовскаго и Саксаганскаго, для того, чтобы деревенщина видѣла и поучалась. Но объ этомъ, конечно, и мечтать не приходится; рассчитывать не на *даровыя* силы городскихъ людей для представленій въ деревнѣ—въ видѣ примѣра—едва ли возможно, не говоря о томъ, что у многихъ любителей обыкновенно бываетъ гораздо больше самомнѣнія и самолюбія, чѣмъ драматическихъ талантовъ.

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, возможно надѣяться, что, благодаря субсидіямъ со стороны комитета народнои трезвости, впоследствии могутъ быть сооружены болѣе или менѣе помѣстительныя народныя дома для чайныхъ съ библіотеками, но едва ли найдется много помѣстительныхъ залъ для народнаго театра. Такого рода зданія могутъ появиться развѣ въ болѣе многочисленныхъ мѣстечкахъ, при затратахъ общественныхъ, а для заурядныхъ селеній и деревень перспектива утопаетъ въ непроглядномъ туманѣ. Разсчитывать же въ будущемъ на сооруженіе помѣщеній для сельскихъ школъ съ раздвижными стѣнками, пригодныхъ для народныхъ собраній и спектаклей хотя бы въ болѣе значительныхъ селеніяхъ—почти иллюзія: «маревъ, папъ-оцъ, весь свѣтъ морочъ»—и въ концѣ концовъ деревенскій театръ съ доморощенными драматическими силами—это журавль въ небѣ; синицейъ же въ рукахъ скорѣе можно считать деревенскіе вокально-музыкальныя хоры, и теперь быгуюціе въ примитивномъ видѣ, какъ я говорю выше. Такимъ образомъ, деревенскій театръ въ захолустьяхъ, говоря вообще—пока не имѣетъ для себя почвы и на самомъ дѣлѣ представляетъ своего рода роскошью, которою не могутъ пользоваться посѣтителн-бѣдняки бесплатно; даже въ городахъ театръ посѣщаетъ сравнительно незначительная часть болѣе имущихъ горожанъ, а простонародье не участвуетъ въ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ «панскихъ», не говоря о томъ, что въ послѣдніе годы въ Полтавѣ даже товарищество малороссійскихъ корифеевъ имѣло весьма скромныя сборы со спектаклей.

И такъ, оставляя на этотъ разъ деревенскій театръ въ сторонѣ, слѣдуетъ признать настоящимъ національно-патріотическимъ дѣломъ—систематическое развитіе неразрывно связанныхъ съ народнымъ бытомъ родной пѣсни и музыки, путемъ организаціи школъ низшихъ и среднихъ. На первомъ же планѣ должно поставить практическое осуществленіе организаціи смѣшаннаго хора и полнаго оркестра изъ всѣхъ народныхъ инструментовъ въ составѣ слѣпцовъ и зрячихъ исполнителей. Съ практической точки зрѣнія слѣдуетъ желать, чтобы малороссійская капела, съ Н. В. Лисенкомъ во главѣ, предстала бы на судъ публики и истыхъ знато-

ковъ народной музыки, какъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ, такъ и въ главнѣйшихъ городахъ намъ родственныхъ славянскихъ народовъ. Тогда мы будемъ знать, такъ сказать, судъ славянскаго міра надъ нашею родною музыкою, сопровождающей нашу пѣсню, которая вмѣстѣ съ славнымъ козацествомъ «не вмере, не поляже» уже потому, что своими многочисленными сборниками пѣсень съ головами и сопровождающей музыкой Н. В. Лисенко обезсмертилъ себя и памятники народного творчества. Учрежденіе же въ Кіевѣ музыкальнаго малороссійскаго училища имени кобзаря-музыканта послужить воздаяніемъ ему за его поистинѣ самоотверженную и беззавѣтную любовь къ народной пѣснѣ и музыкѣ, съ которыми онъ далъ возможность познакомиться музыкальному міру цивилизованныхъ народовъ. Вѣдь за предѣлами отечества, въ соплеменной намъ Галиціи, существуютъ общества имени Т. Г. Шевченка и И. П. Котляревскаго, преслѣдующія цѣли литературно-научныя, и, статья можетъ, вскорѣ образуется вокально-музыкальное общество имени Н. В. Лисенка, такъ неужели же на родинѣ его нельзя желать и надѣяться на учрежденіе музыкальнаго училища?

✠

В. Василенко.

Украинські записи Порфирія Мартиновича. ¹⁾

Записаний П. Д. Мартиновичем матеріалъ отъ *Кырыла Сайка* представляеть не кобзарскій репертуаръ, а сказочно-повѣствовательный. Кырыль Васыльевичъ Сайко, бывшій церковнымъ сторожемъ Николаевской церкви въ м. Вереміевкѣ, золотопошк. у., полтавск. губ., сообщилъ записывателю четыре сказки: 1) про запорозьця; 2) про правду; 3) подарунча; 4) два зъ торбою. Изъ нихъ сказка «Подарунча» имѣеть силонъ стихотворный складъ, а сказка «Про правду» только вставляеть мѣстами стихотворные отрывки; остальные двѣ сказки являются въ чисто-повѣствовательномъ изложеніи. Надо прибавить при этомъ, что всѣ эти сказки больше похожи на обыкновенные бытовые рассказы, а не на настоящую сказку; особенно это бросается въ глаза при чтеніи рассказа «Про правду», который, хотя и названъ *казкою*, но по характеру своему представляеть довольно вялый рассказъ изъ жизни рыбаковъ, очевидно вынесенный рассказчикомъ изъ этой среды въ то время, когда онъ служилъ въ *забродникахъ*, какъ о томъ свидѣтельствуеть помѣтка записывателя.

Ред.

¹⁾ См. Кіев. Стар. № 3.

Кырыло Сайқо.

I.

Казка про Запорозья.

Жыла соби вдова и бувъ у неи сынъ парубокъ, и живъ дидъ и въ дида була однымъ одна дочка.

Зачала маты просить сына шукать соби невесточку: „Я“, каже, „стара,—нездужаю тоби сорочки прать“. „Шожь“, каже, „мамо! Багата не пиде за мене, а зъ бидною трудне жытьтя буде“. „Та попытайсь такы, сыну, по хазяинахъ. Не поганый, кажуть, той вовкъ, шо въ порожию кошару загляне“. Пишовъ винъ по хазяинахъ. Не отдають хазяини за его дочкы. „Ты“, кажуть, „бидный, а мы багати, то мы своего дождемо“. Прыйшовъ винъ до-дому. „А шо“, каже, „мамо! я й казавъ, шо не отдадутъ за мене хазяини своей дочкы“. „Ну, знаешь шо, сыну? Засылай до старыка. Той отдасть“. Пшовъ, знайшовъ двоухъ чоловика, пишли у вечери до дида. „А одсуньте намъ“. Одсунувъ. „А пытайте, диду, чога мы до васъ прыйшли?“.—„И скажете. Якъ-бы малыхъ дитей прислалы, такъ-бы мы и пытамы, а якъ сами прыйшли, сами й скажете“. „Чы не можна-бъ диду такъ: у насъ сынъ, а въ васъ дочка,—шо-бъ до купы звесты?“—„Отто, люде добри, въ мене дочка стоить,—де вашъ сынъ? Якъ шо вона согласна,—я не могу и вдержать и спыныть“. Вкыкнулы хлопця въ хату. „Здрастуйте вамъ!“ „Здоровъ, хлопче. Сидай, хлопче“. „Та я й постою“. „Сидай. Не соромсь“. Сивъ винъ. Дидъ и каже: „отто, дочко, дывись. Це тоби не на годъ и не на два, а на весь векъ. Якъ шо ты

согласна за ёго заміжъ иты, то й Боже тебе благослови“. Дочка й каже: „Тату! Скільки не сидить, а треба заміжъ иты. Яки самі, за такихъ и підемо“. Найшла рушныкы,—подавала. Пивъ кварти выпылы,—на неділю й весілля. Весілля одгулялы,—зачалы соби жыть.

Пожиылы воны годъ. Заобрёмечила въ ёго жинка. Стыдно ёму стало, шо жинка дытыну родытыме. Совість у ёго вдарыла. „Одіду одъ неї“. Узавъ соби палыныцю за пазуху; тоди билетивъ не було въ старовыну,—бычъ на плечи,—пишовъ соби кудысь здря.

Иде стеномъ та иде, иде та иде,—колы стоить хутирь. „Дай“, каже, „зайду воды напытыся“. У тому хутори живъ дидъ Запорожець. Ввійшовъ винъ до ёго въ хату: „здоровъ, диду“. — „Здоровъ“. „Дайте воды напытыся“. Дидъ и каже до своей старои: „дай, бабо, попоисты ёму. Чоловикъ якъ хоче исты, то пыть просе. Сидай, хлопче, попоисты чого-небудъ“. Усынала ему баба борщю въ мыску, сыдыть винъ и истъ. Дидъ пытаетьця: „чы ты, хлопче, жонатый?“ „Ни“, каже, „диду, я не жонатый“. „Кудыжъ ты йдешъ?“ „Та йду“, каже, „такъ... де нанятыся“. „Наймысь до мене. Й тоби, хлопче, цину дамъ такъ, шо новыще всихъ цинъ буде. У мене е й роботныкы. Робота тоби не велька буде. Якъ тилько ты не жонатый, то будъ у мене“. — „Ни“, каже, „диду, не жонатый“. Побалакалы зъ дидомъ,—зоставсь у дида,—жыве. Не признавсь дидови, шо жонатый, а каже холостый.

Жыве винъ соби въ дида годъ и другый и третій... Разъ зачавъ винъ плугъ робыть. Ввійшовъ дидъ съ цинкомъ, ставъ коло ёго, подывывсь-подывывсь: „Ә, не оратыме у тебе, хлопче, цей плугъ“. „Ни, диду, оратыме“. „Ни. не оратыме. Откынь ченигу, прыкынь другу—буде ораты, а тó не оратыме, хлопче“. Послухавъ дида. Откынувъ ченигу, прыкынувъ другу, ту, шо дидъ вельты; запряглы шистъ воливъ, нишы пробовать плуга,—не оре плугъ. „А бачъ, диду! Я казавъ, шо не буде оратъ. А позвольте, диду, я прыкыну ченигу ту, шо я бувъ откынувъ,—буде оратъ“. Прыробывъ ченигу, ту шо й першъ була, зачалы оратъ, отъ гінъ до гинъ рукамы не держать—орé. Взавъ дидъ цинокъ тай каже хлопцеви: „хазяинууй, хлопче, якъ самъ знаешъ,—я тоби ни слова не скажу. Не буду я тоби мшвать,—якъ знаешъ, такъ и робы. На тоби трыдцять тысячъ грошей, чого треба у хазяйстви купуй: чы воливъ, чы плугивъ,—на те я тоби гроши даю; якъ знаешъ, такъ и робы“. Узавъ винъ ти гроши,—зачавъ хазяйнувать.

Хазяинуе винь уже одына́дцять годъ у того Запорозьця... На дванадцятый годъ поверну́ло, — якось празныкъ пидосьпивъ. По обиди лигъ дидь спочывать, а хлонецъ сивъ коло столу — задумавсь. Дидь руку спидь головъ: „чого ты, хлонче, задумавсь? Мабуть ты, вражий сыну, чы не жонатый?“ „Ни“, каже, „диду не жонатый. А я“, каже, „зажурывсь того, шо въ мене на голови хазяйство: шо въ мене сорокъ визь чумака!... Людськы поспрыходьлы, а про моихъ и чуткы нема!“ „А чого-жь ты, хлонче, журышься? У тебе есть косякы коней... Пару коней запряжы; наймычци прыкажы напекты паляныщъ, два бараны зарижъ, пондъ, тай довидайся“. Винь заразы хлибъ пекты загадавъ. Два бараны заризалы. Пару коней запряглы. Понхавъ. Ихавъ день, ихавъ другый; ажъ на третій день зостривъ чумакивъ своихъ. „А, здорови, хлопци! Жьвы здорови? Я вже за вами скучывъ. Прыхавъ васъ уже 'дпукувать. Думавъ, васъ нема“.—„Та й спасьби вамъ, хазяине, шо вы насъ 'дпукуете. Мы ще жьвы здорови“. Пovyпрягалы волю, прысочынылы пырь. Видерь дви горилжы прывизь. Погулялы. Рощотъ усимъ давъ. Оддыхавъ одъ чумакивъ одъ своихъ. Прыхавъ до дому. „Отже, хазяине, й справывсь. Третёго дни будуть чумакаы дома“. „А я тоби казавъ, вражий сыну“. Днивъ черезъ тры прыйшлы чумакаы въ двирь.

Жьве въ дида, хазяинуе до чотырнадцаты годъ. Прыйшлось, празныка дождалы. По вбиди впяты лигъ дидь спочывать, а сивъ въ кинци столу, згадавъ про жинку, задумавсь. Якъ заплаче сылно!... Дидь пидводе руку „Э-э-э, вражий сыну! Мабудь, чы не жонатый лышь ты?“ „Та ни“, каже, „дидусю,—не жонатый“.—„А чого-жь ты, вражий сыне, заплакавъ?“ „Того я, дидусю, заплакавъ, шо въ мене худоба, а сина мало накосывъ. Та здумавъ, та й заплакавъ, диду“.—„Э-э-э, вражий сыну! Та тымъ и журыться? Осидлай конька, та пондъ до пана, та купы скырту, або дьви, то й не журытьмесься“. Винь, не бувшы лыха, осидлавъ коня вороного, купывъ тры скырты сина. Прыхавъ до дому. „Одже, слава Богу, диду, теперь не журысь“. Зачавъ винь соби впяты хазяинувать.

Уже пятнадцатый годъ винь у дида жьве. Диждалы Сьвятой недилы ¹⁾. На Сьвяту недилю ярмарокъ у городи. Повбидалы въ празныкъ зъ дидомъ, зъ бабою умисьти. Лигъ дидь спочывать по

¹⁾ Т. е. тронцихъ праздниковъ.

вбїди, а хлопонець сивъ киньци столу, перекида на щоты... Задумавсь... Якъ заадаче... Дидъ снїдъ руки й дивыться. «Э-э-э, вражый сыне», говорыть:—«ты, мабуть, лышь, чы не жонатый?» «Та ни, дидусю,—я такы не жонатый». «А чого жь ты, вражый сыне, закурывся?» «Якъ жа минн, дидусю, не журыться? У гóродн ярмарокъ... Вы знаете, дидусю, шо я й хазыйствомъ занявсь... Плугівъ мени треба». «Э-э, вражый сыну!—хиба въ тебе коней нема. Та й я бь поихавъ. Та чого тоби треба, ты-бь накунывсь, я бь коло воза побувъ бь, а журыться не треба». Загадавъ хлопцямъ съ пару коней запрягты у визь. А дидъ нышкомъ соби дви прыгорщи червиньцивъ завязавъ у хустку, та за пазуху й заложывъ. Силы й поихалы. Прыихалы въ городъ. Сталы середь ярмарку. Хлопець пишовъ, обибравъ кватырю. «Ну, диду, будьте жь вы коло воза, а я иду чого минн треба накуплюсь». Накунывъ плугивъ, накунывъ зализа, накунывъ шынь, узывъ пуда два зализа ризного, накунывъ лису, накунывъ осей... стилькы було ему треба... Тобь и до дому ихаты по кўпли. Дидъ и каже: хлопче! Ты на хутори живешь, ни съ хлопцями, ни съ дивчатамы не знаишься; на тоби, хлопче, червонця, та пиды до трахтыря погуляешъ съ хлопцями та съ дивчатамы».—«Та шо вы мени, диду, даете? У мене е гроши безъ вашихъ». «Мени нема дила шо въ тебе е. Я даю самъ одь себе мои, шобь ты погулявъ за мои». «Та скилькось, диду; якъ шо даете, то й давайте». Взяшы того червонця, пишовъ до трахтыря; а дидъ позырци за нымъ у слидь. Прыишовъ винь до трахтыря. Музыки грають, хлопци и дивчата гуляють.—«А здорови, хлопци й вы, дивчата! А давайте погуляемъ, хлопци! А подай, шынкарь, тры ведри горилкы намъ. А пийте, хлопци, по стакану, та згадайте й мене колы небудь... Та дайте жь и музыкамъ хочь по одній... Ну, се такъ не обїидеться; я ще музыкамъ заплачу». Последни гроши заплатывъ музыкамъ, шобь гралы до самого вечера. «Ну гуляйте жь, хлопци, музыки заплачени ажь до вечера, а я, прощайте, поиду до дому». А дидъ, выгядившы на хлопци, тай напередь до воза; та на чоловіка, шо коло ёго воза ставъ зь своимъ возомъ каже: «брате! Якъ прїйде мїй хлопець до воза, то ты скажы, брате, шо я зь людмы выню чвертку». Прыходе хлопець до воза. «Здоровъ, дядьку».—«Здоровъ». «А де мїй дидъ?» «Пишовъ до яткы... Чвертку зь людмы, каже выню». Пишовъ винь у ятку. Колы дидъ сыдыть. Кварту горилкы взявъ и п-ня-ный... такый, якъ земля. Винь до его.—„Диду, шо се вы?...“ Дидъ, пиднявшы голову: „а-а-а... се-се-се ты, хлопче?“

„Та я жь“, каже. „Нашо вамъ, диду, ся горилка здалась? Якъ у мене въ коморѣ двѣ кухви е?“ „Э-э, вражый сыну! Дома домашня, а це ярмаркова. А выный, сыну, хочъ одну, та покуштуешъ, яка ярмаркова“. „А вы жь, дидусю, выпьете?“ „Выпью, хлопче. Пий, льшь, пий“. Выпывъ хлопець. „А нуте жь и вы, диду, та будемо вже ихать“. „Э-э-э... я вже, хлопче... я вже годи, я вже годи, годн... Людямъ роздай... людямъ давай.. р-роздай... хай люды... Хлопець узывъ роздавъ людямъ поризну, шинкареви заплатьвъ, вернувъ ему пляшку й чарку. „А нуте, диду, помаленьку будемо ихать“. „Э, э, хлопче, я вже.. я вже не дійду“. „Вже шо жь минн зъ вами робить“. Пидъ мѣшкы взявъ, пиднись дида до воза, положывъ на визь, обернувъ кони, сивъ, їде до дому. Выихалы въ степъ верстовъ за пять одъ города, дидъ на вози: „Э!.. э! э! э! Хлопче! тирр... тирр... стой! Стой, хлопче!“ „Чого вы, диду?“ „Постой, постой, хлопче!.. Э-э-э-эй надвирку... п-постой“... Хлопець кони спынивъ, дидъ пидвись бувъ, тай скотывсь зъ воза, упавъ. Упавъ, хустку съ червинцями выгорнувъ зъ пазухы и насивъ будьто. И такы пидводиться, береться за люшню та за колесо. Той ставъ, пиддержавъ дида, покъ вичъ до витру вынудывсь, положывъ его на визь, повернувся сидать,—наступывъ гроши. Пиднявъ платокъ, оглядивъ, положывъ соби за пазуху. Сивъ на визь, ставъ ихать. Прыхавъ до дому, знявъ дида зъ воза, положывъ на лижбо, загадавъ хлопцямъ выпрягаты кони, самъ сивъ на коморю на рундуци, вынявъ платокъ, поличывъ гроши, положывъ у кышеню. Переночувалы. На другый день дидъ ходить, голову ломыть. Силы обидать, „А шо, каже, диду? Э-э-э, мабуть поганенько на похмилля?“ „А пиды, льшь, каже, дивко, визьмы макитру, та вточы горилкы, то мы похмѣлимось домашнен“. „А пийте же, каже, диду, чарку“. „Та пий, льшь, ты, сыну“. Выпывъ. „А нуте жь и вы“. „Та вже й выпью. Э-э, хлопче, говорить, трешкы пронажы е“. „Та шо жь тамъ таке?“ „Та тамъ пусте й дило: рубливъ зó два тамъ чы зó тры; та якъ расплачувавсь, та на те ярмарокъ, та тамъ десь якъ положывъ, то воны й зостались.“ „Та вже жь такы бачыте, диду, й не журиться. Наше не пронадало няколы! А це жь, диду, дывиться: чы не вашъ це платокъ?“ Вытягъ съ кышеня, подае. „Х-хе! Бачъ, сыну!.. эге!.. Одже жь и мій,“ каже. Нате жь, якъ вашъ“. „Чы ты жь знаешъ, хлопче, шо воно тутъ таке?“ „Та не знаю, каже, диду“. „Х-хе!.. скажы жь менн, хлопче, де я, шо я такый пьяный бувъ якъ земля,—не знаю, чы ты въ ятци найшовъ ихъ?“ „Нн, диду. На степу, тамъ де

вы зъ воза впалы та надвирку просылысь“.—А знаєшь, хлопче, тилькы тутъ?“ „Не знаю, каже, дидусю; такъ якъ заплхнувъ ихъ за пазуху, такъ вамъ и отдавъ“. „Ну, спасыби тоби, хлопче, шо ты прыбравъ“. По обиди той пишовъ хазайнувать, а дидъ поличывъ червиньци.—„Ни 'дний чѣти, ни шивъ червончыка не взявъ“! Тай каже до старои: „э-э, стара! Оце наша дытына буде! Мы его одружымо; коло его вику доживемо. Ему хазайство здамо; то буде наше хазайство поживаты, буде й насъ спомянаты!“

Жыве хлопецъ у его й шиснадцятый годъ... У неділю пообидалы. Лигъ дидъ спочывать; рукою закрывъ очи. Хлопецъ сивъ въ кинци столу, на руки схылывсь и сс-сылно зажурывсь... Якъ заплаче... Дидъ спидь руки дывытсья. Одкрывъ руку... „Э-э-э, вра-а-жый сыну! Ты, лышъ, мабутъ жонатый“? „Ни, дидусю“. „Э-э э-эй, брешешъ, вражый сыну! Кажы по правди“. „Шожъ, каже, диду,— жонатый. „Оттакъ бы ты мини, вражый сыну, й давно сказавъ, тобъ я тоби и роцотъ давъ. А дай же мени ты напередъ роцотъ, шо ты мени въ моимъ хазайстви прыхазайнувавъ?“ „Шо жъ, каже, дидусю, я вамъ прыхазайнувавъ“? Стадѣ, гуртѣ... чумацтво... отары... хлѣборобство... дванадцѣть выбаривъ хлѣба надбавъ... Шистъдесять тысячъ грошей, окроме вашихъ тридцѣты тысячъ тыхъ, шо вы менѣ на хазайство дали... Сто двадцѣть скыртъ у поли хлѣба“. „Дай же мини теперь, сыну, ключи.“ Узявъ ключи. „Чы ты знаєшь, сыну, видкыля оци два ключи“? „Не знаю я, диду“. Не доходыло мини до ныхъ дила“. „А оцей, сыну, третій ключъ меньшенькый видкыля винъ“? „Не знаю, диду, и сего“. „Оце, сыну, шобъ ты знавъ, одъ моеи коморы, шо у мене на печѣ залынымъ цѣномъ кризь слыжи взята. А на тоби, хлопче, оцей ключъ. Чы ты бувъ у тѣй комори, шо то въ землю вгрузла стоить?“ „Не бувъ, дидусю“. „На тоби, хлопче, оцей ключъ, та йды въ коморю, та визьмы на такій то ключци збруя запорозька высытъ. Унесы ѿ сюды“. Одимкнувъ ту комору. Якъ увѣишовъ, якъ глянувъ... зострахнувь!.. Що т-тамъ одежи запорозькои, шо тамъ добра!... шо тамъ усякои всячыны!.. Бере винъ збрую запорозьку, прыносятъ до дыда. „А надивай лышъ, хлопче, сорочку запорозьку!.. Та надивай шей штаны запорозьки... Надивай и чоботы запорозьки!.. Надивай и шапку запорозьку!.. Та беры запорозькый и жупань!.. Пиды на такій то ключци поясъ высытъ та пидпережысь. Убравсь винъ у ту одежу. Та визьмы въ такимъ то куткѣ рушныци стоить... Возьмы ше й вузду,—на такимъ то килку высытъ. Визьмы й

сидло“. Винъ усе тее повыносивъ съ комори. „А звелы, хлопче, роботныкамъ косякы коней въ загінъ прыгнать“. Прыгналы косякы коней въ загінъ. „Дывысь, хлопче: который кинь по загону бигатыме, та всихъ коней кусатыме, того беры, тай веды“. Ввійшовъ винъ въ загінъ. Ажъ якъ разъ,—одынъ кинь по загону бига, та всихъ коней бье та куса, бье та куса... Такъ бье!.. шо винъ зроду той кинь въ рукахъ не бувъ... Заставывъ винъ роботныкывъ накладыт его арканомъ. Роботныкы бигалы, бигалы.—не могли ёго ніякъ арканомъ узятъ. Дидъ съ ципкомъ сыдыт на рундуци,—бачыт шо воны ёго не піймають: „а йды сюды, хлопче. А на тоби, хлопче оцю вузду,—иды прямо въ загінъ, наставъ оцю вузду до его, такъ винъ тоби на шыю й голову положить“. Узавъ хлопецъ узду, пшшовъ у загінъ, наставывъ ии на коня,—кинъ стоить, такъ якъ у землю вкопаныи. „А давай, хлопче, лышь того коныка“. Узавъ того коня, ударывъ рукою,—кинъ тилько стрепенуеся!.. Положывъ на ёго сидло,—четыри pistols: съ того боку клочка и съ того по два вложывъ, а по два ёму за поясъ: съ того боку два й съ цёго два. „А йды лышь, хлопче, въ хату,—дамъ я тоби рошотъ. А пусты лышь, стара, полизу на пичъ. А давай лышь, хлопче, свою шапку“. Полизь дидъ на пичъ,—одимкнувъ скрыню, нагорнувъ повну шапку червиньцивъ, излизъ съ печи, высыпавъ на столи: „а получай хлопче, бо ты въ мене вирно служывъ. А буде съ тебе, хлопче?“ „И-и-и, дидусю! Спа-а-аасыбл вамъ! Буде не то мни, и дитямъ буде!“ „Э, ни, хлопче, не буде; ты въ мене вирно служывъ.“ Полизь дидъ на пичъ,—ще нагорнувъ впыть повну шапку червиньцивъ,—высыпавъ: „а шо буде, хлопче?“—И-и-и-и, дидусю! Теперь не то моимъ дитямъ и онукамъ буде и праонукамъ“. „Э, ни, хлопче, не буде: ты въ мене вирно служывъ“. Полизь дидъ и втрете на пичъ,—нагорнувъ впыть повну шапку, высыпавъ на стилъ: „а шо хлопче, буде?“ И-и-и-и, дид-уу-сю! буде! спасибо! не то вже... и працуренягамъ буде! Дайте жъ мни, дидусю, торбынкы, або мишка“. Э-ээ, вражый сыне! Гроши е, та не знаешъ де дить!? Дай сюды поясъ свій“. Одчепывъ дидъ одъ ёго поясъ: „держи за одынъ кинецъ“. Узывъ хлопецъ за одынъ кинецъ поясъ, а дидъ за другый,—такъ ти гроши и всыпаѣ у поясъ. Пидперезавъ его впыть, общепнувъ такъ якъ треба,—„о теперь, хлопче, прощайся зъ старою. А ходимъ, хлопче, я тебе вірядю, а я й тамъ съ тобою попрощаюся за дворомъ“. Одвязавъ коня одъ рундука и закынувъ поводы. „А сидай, хлопче“. Узавъ дидъ за поводы, вывивъ за двиръ.—„а идь, хлопче,

собі“. Той хлопець оддыхавъ такъ якъ разъ пальцею кнугты, — оглянусь, ажъ дидъ махъ рукою. Винъ и каже: „э-э-э, говорыть, да вже жъ, говорыть, и роцытавъ добре! И зброю давъ добру! И коня давъ доброго! Да вже жъ и я хлопець, мовъ добрый! Мовъ бы я й утикъ?. Та вже, мабутъ мини не тикать одъ сего дида!“ Вернувся.

„А шо, хлопча?“ „А шо, диду?“ „Роцытавъ я тебе добре?“ „Добре, дидусю“. Зброю я тобі давъ добру?“ „Добру, дидусю“. „Коня я тобі давъ доброго?“ „Доброго, дидусю“. „Малахай добрый?“ „Добрый, дидусю“. — „А дай лышь, хлопча, малахай“. Давъ винъ „А встань съ коня“. Вставъ винъ. Якъ узивъ дидъ ёго чыныть!.. Чыныть его тай чыныть малахаемъ, чыныть его тай чыныть!.. Уже ему гирко й нудно, а винъ ёго все чыныть!.. „А знаешъ, хлопча, за шо я тебе бью?“ — „Не знаю, дидусю, хиба скажете!“ — „Оце я тебе, вражий сыну, за те бью, шо ты въ мене шиснадцять годъ бувъ, та я тобі и брешешъ не сказавъ. Тымъ я тобі брешешъ не сказавъ, шо ты вирно служывъ у мене! А це я тебе за те бью, — якъ ты дойдешъ до лса и буде дви дороги; одна навпростецъ, а друга кругомъ... Шобъ ты навпростецъ не ихавъ, а шобъ кругомъ. А сидай, хлопча, идъ!“ Оддыхавъ такъ якъ разивъ два пальцею кнугты, — оглянусь, маха дидъ. Винъ и каже: „э-эээ“, говорыть, „да вже-жъ“, говорыть, „и роцытавъ добре! И зброю давъ добру! И коня доброго! Да вже-жъ и я хлопець, мовъ, добрый! Мовъ бы я й утикъ. Та вже-жъ, мабутъ, мини не тикать одъ сёго дида! Треба вертаться!“ Вернувся.

„А шо, хлопча?“ — „А шо, дидусю?“ „Роцытавъ я тебе добре?“ „Добре, дидусю“. „Зброю давъ я тобі добру?“ „Добру, дидусю“. — „Коня я тобі давъ доброго?“ „Доброго, дидусю“. — „Малахай добрый?“ „Добрый, дидусю“. „А дай, лышь, хлопча, малахай“. Давъ винъ. „А встань, хлопча“. Вставъ винъ. Якъ узивъ винъ его чыныть!.. Чыныть малахаемъ его тай чыныть, чыныть тай чыныть! Уже ему гирко й нудно, а винъ его все чыныть! „А знаешъ, хлопча, за шо я тебе бью?“ — „Не знаю, дидусю, — хиба скажете!“ Оце я тебе, вражий сыну, за те бью, шо ты въ мене шиснадцять годъ бувъ, то я тобі й „брешешъ“ не сказавъ. Тымъ я тобі „брешешъ“ не сказавъ, шо ты вирно служывъ у мене. Оце я тебе за те, хлопча, бью, — якъ переидешъ ты лисъ, то за лисомъ буде слобода; коло слободы шынокъ стоятыме; и въ тимъ шынку буде шынкарка красыва така, шо вже красывишой якъ вона не буде, и буде вона тебе просыть, шобъ ты переночувавъ зъ нею ничъ. Оце я тебе за те бью, шобъ ты не ночувавъ тамъ. „Сидай, хлопча,

пойжджай“. Попхавъ винъ. Одыхавъ такъ, якъ разивъ тры палыцю кынуты—маха дидъ. Винъ п каже: „э-э э“, говорыть, „да вже-жъ“, говорыть, „п роцытавъ добре!“ И зброю давъ добру! Да вже й коня давъ доброго! Да вже-жъ и я хлопець, мовъ, добрый! Мовъ бы я й утикъ! Та вже-жъ мини мабуть не тикать одъ сѣго дида!“ Вернувсь.

„А шо, хлопче?“ „А шо, дидусю?“ „Роцытавъ я тебе добре?“ „Добре, дидусю“. „Зброю я тоби давъ добру?“ „Добру, дидусю“. „Коня я тоби давъ доброго?“ „Доброго, дидусю“. „Малахай добрый?“, „Добрый, дидусю“. „А дай сюды малахай“. Давъ винъ. „А встанъ съ коня“. Вставъ винъ. Якъ узявъ дидъ его чыныты!! Чыныть его малахаемъ тай чыныть, чыныть его т-тай чыныть; уже ему гирко й нудно, а винъ его все чыныть. „А знаешъ, хлопче, за шо я тебе бью?“ „Не знаю, дидусю; хйба скажете“ „Оце я тебе за те, хлопче, бью, шо ты въ мене писнадцять годъ бувъ, та я тоби й „брешешъ“ не сказавъ! Тымъ я тоби брешешъ не сказавъ, шо ты вирно служывъ у мене. Оце я тебе за те, хлопче, бью,—якъ прыйдешъ ты до-дому, то хочъ який ты будешъ сердытый, хочъ який будешъ сердытый,—и замиришь, та-а не вдаръ! А луче походы, походы, та подумай, та вноси хочъ и голову здіймы. О теперь, хлопче, скыдай шапку, та бый тры поклоны та попрощаемось“. Вдарывъ хлопець тры поклоны п дидъ тры поклоны, поцилувалысь п попрощалысь. „Теперь на тоби малахай, сйдай на коня, поганяй, хай тоби Богъ помогá; идъ зъ Богомъ“. Пишовъ дидъ. Оглянувсь,—уже пишовъ дидъ до рундукá. Оглянувсь,—уже дидъ на рундуци. Въ третій разъ оглянувсь,—дидъ уже пишовъ у хату...

Якъ пустывъ коня... Сонце похылылось уже низенько. Прыбигъ винъ до лиса; дви дороги: одна навпростецъ, друга кругомъ. Навпростецъ дорогою попхавъ; тай здумавъ: „э! а за шо мене дидъ бивъ? За те мене дидъ бивъ, шобъ я напростецъ не йхавъ, а шобъ кругомъ! Завернувъ коня,—поихавъ кругомъ. Иде винъ тай иде кругомъ; уже улягома ¹⁾ добре (пизно), уже и лисъ кинчається; по за лисомъ дорога повертається. Иде винъ понадъ лисомъ; закурывъ люльку; дорога впыать у лисъ. Колы крыкъ зачувъ у лисп. Винъ ставъ, подумавъ, подумавъ,—пойхавъ на крыкъ. Колы звоцыка розбой нападае, крыкъ:

¹⁾ Улягома—нарѣчіе; значить—поздно.

„ратуйте, хто в Бога вірує!“ А то їхали звожчики руськи та везли красну рибу. Винь туды: „не бійтесь“, кричить, „люды добри!“ Вынявъ pistols; зь двохъ выстрелывъ, дали ше зь двохъ выстрелывъ. „Эй сюды! Лисныч! Салдаты!“ А тамъ никого й не було. „Сюды, хлопці! Сюды! Бѣда людымъ!“ Якъ выстрелить зь одного pistols; зь другого! Якъ забряжчить шаблею! Розбой зострахнувся,—розбігся. Ти вже руськи кланяються ему; не знають якъ и дякувати: „возьміть у насъ, паночку, визъ красной рыбы; воно намъ гуртомъ ничого не значить; вы насъ одъ смерты спаслы“. А винь одмагається; не хоче братъ. „Хто вы такі, люды добри?“ Звожчики: „такъ и такъ: веземъ красну рибу у Расю“. Куды вы идете?“—„Оттуды и оттуды“. „Идите за мною; мни зь вами по дорозі.

Выпхали зь лѣса; за лѣсомъ село; коло села шинокъ. Сталы коло шинку. Звожчики коней выпригають; взяли й его коня; покы вони выпригають коней, винь увійшовъ у хату. Выскакуе шинкарка така гарна, така красыва, шо вже красывишой нема надъ нею. „Вы проижджающи?“ Каже. — „проижджающий“. Пожалуйте! Въ мене шинокъ, въ мене й заиздний двирь. Я вамъ дамъ покой; прыготовлю вамъ кушати и коневи вивса дамъ и платы не возьму. Мы съ такихъ якъ вы—не беремъ“. Достала кграфынъ водкы хранцузькой: „позвольте, пожалуйста, пане, попробовать хоть одну румочку; я зь васъ платы не возьму“. Выпивъ одну чарку. „Ну, пожалуйста по лошади; я прыкажу вивса дать вашему лошади и прыкажу кушанья вамъ зготовить“. Пишовъ винь по коня. Взивъ коня за удѣла тай згадавъ: „Э, дидъ мене бывъ за шо? За те мене дидъ бывъ, щобъ я не ночувавъ, де шинкарка хороша“. Узивъ, одвизавъ коня, повивъ у слободу; мынувъ двѣ хати,—у третю просытьца до чоловика; „здоровъ тоби, хазяине!“ „Здоровъ, пане!“ „Пустить ночувать“. „Ночуйте, пане“. „Нема въ тебе, хазяине, вивса хоть съ коробочку? Я тоби завтра заплатю“. „Та можна, пане“. Зайшовъ винь у хату. Повечерявъ; пишовъ напоивъ коня; легъ спать на двори; у хати не схотивъ. Знявъ зь коня сидло, заложивъ увъ ожередъ, щобъ шо не вкрало. Закуривъ люльку. Пишовъ провидать звожчика. Пройшовъ обозъ,—якъ дрова сплять усн. Въ шинку свитло горыть. Винь идійшовъ, кризь викно й дывыться. Колы рынуло. Шось у хату ввійшло. Винь прыглядається,—колы дякъ прыишовъ. Шинкарка заразъ вхопыла того дяка, поцпдувала, на кровать посадыла. Вытягла спидъ кровати страву, пляшку зь горилкою. Вышылы по стакану, по другому, пшля вечери по тре-

тѣму, свитло потушыла. Винъ потыхесеньку якъ узавъ пидыёмомъ хатни дверп поманесеньку... Двери не засунени. Якъ узавъ хатни дверп потехесеньку пидыёмомъ... Прилизъ до кровати, слуха балачку ихъ: „отъ душенька! Никада не прыходылося такъ намъ твого старыка погубить, якъ теперь пидходить. Узать его вбѣть, та звощыку у визъ и положить. Звощыкъ рано на зори рѣшитъ, а ты вутромъ, серденько, душенька, воскрычышъ: калавуръ, пѣтъ мужа живого! Тутъ заразы народъ збижытъя на крыкъ. Пошлють верховыхъ. Заразы ихъ орештуютъ. Оттоди я тебе, серденько, душенька, возьму за себе, а то не прыйдетъя, бо никада такъ прылышно не пидпадае его погубить, якъ цю ночь!“ А хлопецъ выслухавъ усе це дѣло, та до дяка: ножыкъ е, избгавъ дякови каптанъ, тай выризавъ клыныкъ. Тоди до шынкаря; избгавъ плаття, клыныкъ выризавъ и поклавъ у карманъ. Та рачыкы у синьци вылизъ. Якъ узавъ по манісьспныку!.. Изъ синей выйшовъ,... попрыхылявъ дверп и пинновъ соби на квартиру. На другой день у раньци чуе кгвалтъ. „Отъ, пане, шо въ насъ случылось!? Каже: „шо таке?“ „Шынкаря вбѣто. Тамъ уже вся слобода збиглася. Шынкаря плаче, голосытъ,—каже: «звощыкъ ночувавъ“.— „Ходимъ, хазяинъ, у хату рошытаемось“. Вынявъ червоньця, дае хазяинови. Хазяинъ ему и въ руки и въ ноги цилуе, шо винъ ему такъ багато дае. Шо тоди за того червоньця пару воливъ можно було купыть. „Прощай“, каже, „хазяине. Поиду, лышь и я, куды вашп иобиглы звожчыка доганять, бо й минп туды ихать“. Прыбига туды, колы вже догналы звожчыка. Шынкаря вытрусылы, а ихъ арештувалы, вяжуютъ. Винъ добига,—заразы то одного, то другого малахаемъ почыща. „Шо вы тутъ робыте? Вонъ! Вертайтеса люде добри. Я васъ одъ одніеи смерти одвалавъ, одвалаю й одъ другои. Вертайтеса назадъ“. Обернулы, идутъ. Винъ упередъ иде. Прыждкаютъ до шынку. Мыру стоить,—вся слобода збиглася. Урядныкы... Священныкъ... Знялы шынкаря зъ воза, положиы коло порога. Шынкаря руки ломыть, тужыть, цилуе... „Хто тебе побидывъ?!“ Винъ встае зъ коня: „Здорови, панове громадо!“ шо вы сыхъ людей вынуватите? Може си люди сномъ и духомъ не знають, шо цѣго чоловпка вбѣто. Наласьтъ не по дереву ходе, а по людымъ! А позволте, панове громадо! Я вамъ выноватцивъ найду. Якъ я бачу, то и врядныкы тутъ, и священныкъ тутъ, и вся слобода тутъ, а тилько нема дяка. А цѣго чоловпка ховать треба. Чы въ васъ дякъ е?“—„Е“. „А прызвытъ сюды й дяка“.

Побігли. Ведуть дяка. Глянув той, на дякови каптанъ. шо й вчора ввечери бувъ. «А здоровъ, брате дяче!» «Здоровъ, пане». «А шо' брате дяче! Чы не знаешъ ты сѣго чоловіка шинкаря?» «То я, якъ-бы не клыкнули, то я ёго годивъ десять якъ не бачивъ». «Може ты ёго десять годъ и не бачивъ, а тилько вчора бачивъ. А позволте вамъ, панове громадо, оцей клынчыкъ. Чы не прыйдетьсяя винъ до дякового каптана?» Хватнули той клынчыкъ, розгорнули каптанъ,—якъ разъ винъ туды й впавъ. «Оце вамъ одынъ виноватець—дякъ; а отъ вамъ и другый товаришъ ёго». Підходить до шинкаря, шо надъ шинкаремъ тужыть; вынявъ клынець, розгорнули плаття, прытудылы,—якъ тамъ бувъ. «Оце вамъ и другый виноватець—товаришъ дякивъ». Та й розказавъ людямъ усе, шо чувъ и бачивъ учора. Повязали шинкаря й дяка, а тыхъ звощыкивъ выпустилы. Вони ёму дякують!.. Руки й ноги цілюють! «Це вы, насъ, паночку, отъ смерты спаслы! Возьміть, паночку, у насъ два возы красной рыбы Воно намъ гуртомъ ничого не значыть. Вы насъ двичи одъ смерты спаслы!» Винъ одмагаетьця—не хоче брать, а вони просять: «возьміть, а то колыбъ намъ дорогою не було другою ше биды якои, шо мы вамъ обіщали. тай не сповнылы того, шо сказали». Ничого робыть,—узявъ. Завернули кони. —Поихалы. Идутъ-идутъ,—доихалы до того, шо звощыкамъ прямо, а ему вправо дорога впада; попрощався зъ ными,—поихавъ. Прыиздыть до-дому у свое село. Иде до своей жинкы ажъ до двора. Колы дывыться: «Шо за знакъ? Мій двирь оплетеный, хата поправлена... Мабуть уже тутъ есть не менé!.. Прыходить у хату. Жинка топыть. «Добрывечиръ тоби, хазяйко». «Здорови, паночку». «Не можнобъ у тебе переночувать?» «Тай зайдить, паночку; хіба двирь перестойте? Винъ захравъ у двирь и ставъ зъ возамы зъ рыбою передъ викнамы, повыпрыгавъ кони. Пишовъ сина купывъ. Позакладавъ имъ сина. Взявъ десятокъ рыбы, увійшовъ у хату. Жинка ввечеря; кулишъ соби зварыла. «Нате вамъ, хазяйко, десятокъ рыбы. Може колы въ борщъ, або въ кашу вкнете. Спасыбці, шо пустылы въ двори перестоять». Сивъ кинци столу и пытае: «дежъ вашъ хазяинъ, хазяичка?» «Богъ его зна, де винъ. Такъ якъ мы побралыся, та пожылы годокъ, такъ винъ якъ пишовъ на заробиткы, а я зосталась зъ ёго матерью, та вже й маты годъ тры, якъ померла, а его й доси нема. Богъ его знае, чы винъ живый, чы ни. Самá вже хазяиню». А про дытыну и не нарекла. Повечерявъ винъ,—пишовъ коной напувать. Вона послала ему на лави подушку. Винъ увійшовъ

у хату. «Зачимъ, хазяйка стелете? Я чоловікъ проижджый; у мене кони, у мене товаръ,—я на вози ляжу». Напывся воды и пишовъ. «Гасить, хазяйка. Нехай свитло не горыть». Загасыла вона свитло. Дожида сына. А въ неи сынъ шеснадцаты вже годъ. Та пять годъ, якъ вона его наняла до хазяина череды пасты. То винъ днемъ череду пасе, а ввечери до дому прыходыть. Той засыпавъ вивса конямъ; закуривъ люльку,—лежыть. «Постой лышъ, чы не ходе й до неи дякъ?» Колы се рыгнуло дверьмы. Пишло шось у хату. Винъ обернувся—не вглядивъ хто. Схватывсь зъ воза; ходыть, руки ломыть... Ходывъ-ходывъ, ходывъ-ходывъ... Ввійшовъ у сини. Узывъ потехесеньку двери одчынять. Увійшовъ у хату потехесеньку. Прыйшовъ потехесеньку до полу. Прыслухавсь—сплять двое. Выкресавъ вогну, засвитывъ свитло; колы подывытыця—лежыть коло неи якыйсь парубокъ. Дви головы—мужыча й жиноча. Якъ выхватыть шаблю, якъ замирытыця... хотывъ обоихъ зарубать, тай згадавъ, за шо его дидь у трете бывъ: «прыдешъ до дому и хочъ якый будешъ сердытый, и зампрьсь, та-а-а не вдарь, а походы-походы та подумай, та впосли хоть и голову здіймы». Якъ хватне шаблю назадъ у пихвы, якъ брякне свитло объ землю, та зъ хаты... Дверьмы грюкнувъ!.. Сивъ на вози, сыдыть, цилу ничъ не спыть. «Ну вже не выпущу ёго зъ хаты». У ранци выходыть вона смьтыя выносыть, а того, шо винъ жде, все не выдать.. Пишла вона въ хату,—винъ и соби пишовъ. Выгреба вона пошлъ, а винъ сивъ киньци столу: «отъ, казала хазяйка: нема мужа, а мужъ и спыть». А вона й каже: «та ни, паночку, то сынъ мій. Якъ первого году винъ найшовсь у дви недили, то якъ мужа нема оце вже шпснадцять годъ, то такъ и моему хлопцеви шиснадцять годъ. Оце вже пять годъ, якъ наняла его до хазяина череды пасты, то мени хазяинъ хатку вкрывъ, огородець опливъ и по копи хлиба усякого на зиму дае. То це вже его будыть треба, доси вже череду женуть».—«Не-е займай, хазяйка! Не займай! Я буду его хазяину одвичать. Нехай спыть на мій шоть». Та зрадила, «отъ», дума, «панъ добрый!.. Бачыть нашу бидность, то вже шось намъ надилыть». Оце хлопецъ прокынувся: «чомъ вы мене, мамо, не збудылы? Мини видъ хазяина бѣда буде».—«Не бійсь, сыну, я 'двичать буду». Узывъ его на оберемокъ, понисъ до воза, та дви жмени червонцивъ ёму за пазуху насыпавъ. Унисъ его въ хату. «А на, лышъ. жинко, червоньця, та пиды купы горилкы та ше чого, та клыкны сусидъ могорычъ поставыты, шобъ зналы сусиды, шо твій чоловікъ вернувся».

«Та Богъ зъ вами, паночку!» Та въ плачъ! У мене чоловікъ не такий». Та до батька!.. А батько їи живый бувъ, та вже слипый. Убигла въ хату! «Прыхавъ якийсь панъ, упросывсь почувать и каже, шо я твій чоловікъ. Богъ зъ нимъ, Хрыстось зъ нимъ!» Плаче. «Та може-жъ и чоловікъ, дурна дочко! Ты его не признала, бо вить довго ходывъ. Пиды клыкны его, то я подержу за руку, то й признаю». Вона нобигла. «Идить, паночку, батько васъ клыче». — «Хиба батько живый? «Жывый. Матери нема, а батько живый, та вже не бачыть». Взялы вони прыйшли обое. Вить: «здорови, тату! чы ще вы живи?» — «Та живый, сыну. А йды лышь блыжче, сыну, та дай мени руку». Подержавъ его за руку: «Гмъ! И-и-и, глуповата канальська дочка! Не признала свого законного мужа!» Вона въ плачъ! Хватыла его за шыю цилуе, плаче, зрадила!.. Прышли до дому, взялы й батька, клыкнули сусидъ, прынесли горилкы!.. Цилый день пылы, гулялы!.. Съ того часу зажылы такъ, шо не можна й лучче.

II.

Казка про правду.

Якъ byly соби дви бабы и було въ ихъ по сыну; и бидьни вони byly страшно, якъ одынъ, такъ и другый.

Прыходять до ихъ багачи наймать ихъ сино возыть; прыйшли до одного: «наймысь, хлопче, сино возыть, та хочъ шо-небудъ соби заробышь». — «Не наймусь. У мене одежа худа, чоботы драни, — лучше буду лежать на печі». Пійшли до другого; и той тіенжъ: «не пиду, чобить нема». «Ну тай ледачи сучому сынови сыны! Лежать по печяхъ, позадырала ноги на коминъ; хотъ зъ голоду здыхають, а не допросысья въ роботу!»...

Зійшыся разъ вони ти хлопци у вечери, тай шшы соби гулять. Выйшы за село; звернули зъ шляху; посидала на бурги и радятця: «а що, брате!» — «А що?» — «Чы ты знаешъ шо, брате: диждемъ черезъ зиму, та ходимъ на заробиткы. Нехай зъ насъ багачи ве сьміються шо мы дурни; та хотъ сьвита вже побачымо! Ато, бачъ, каже: «мало зьыжъ, то все скажуть — наився, хотъ багато зьыжъ, то все одно! А якъ пидемъ у той край, то тамъ уже шо Богъ дасть, то те й буде. Та не такенькы якъ тутъ за той кусокъ хлїба горюваты». —

«Я й согласенъ, брате; якъ-бы шо-бъ билеты взяты, та хочъ и йты». «Ну вже-жъ тилько, брате: хто въ насъ старшій буде». «Та вже-жъ хочъ и я меньшій буду, а вже буду тебе слухать».

Диждалы весны; забрали билеты; пишлы зъ людьмы на заробиткы. Давъ Богъ,—дійшлы на мисто. Сталы вони робыть поденно. Пишлы вони въ косовицю. Якъ небудь зъ людьмы день провели,—стали въ товариства просыть: «э-эй, братьця! Не вміемъ косы клепать!.. По-о-клепайте намъ хто косы»!.. Обизвався одинъ: «Ну», каже, «брате! Я выклепаю тобі косу; п'ять копіекъ за те!»—«Такъ клепай же, брате, й товаришови моему; мы вже й гривенькъ дамо». Проклепало имъ товариство по разу косы: на другый разъ уже сами клепають.

Якъ пишлы вони сами вже клепать и робыть,—

Не стали вони вже товариство просыть

И пишлы вони уже помнѣжъ товариствомъ жыть!

И жывуть вони до тыхъ поръ, поky й усе лито провели! Давъ имъ Богъ заробыть по сорокъ карбованьщывъ. Старшій получае увъ одинъ карманъ и товаришови й свои.

Кончылы лито; пидъ осинь: «а що, брате!»—«А що»?—«Чы пидемъ до дому, брате, чы ше пидемъ,—у заводы станемо»? «Про мене», каже, «брате, якъ скажешъ,—такъ я тебе й слухатыму». «Эй ходимъ, брате, на заводы! Шо, шо мы на зиму пидемъ до дому? Шобъ багачі вп'ять зъ насъ сьміялысь?! А между людьмы побувалы!.. Тройкы образувалыся!»—«Ну вже-жъ», каже, «брате! Куды хочъ,—туды й веды, я вже буду слухаты». «А ходимъ, брате, у забродь.—«Тай ходимъ, брате». Пишлы.

Идутъ тай идутъ, идутъ тай идутъ; прыишлы до первого заводу: «Здрастуйте, хлопци!»—«Здорови, хлоп'ята!» «А де вашъ», каже, «отаманъ»?—«Та», каже, «десь у землянци». «Якъ-бы», каже, «звистылы отаману, мы-бъ тамъ ёму шось псказалы». Выходе отаманъ. «А здоровц, хлоп'ята!»—«А шо батьку отамане! Не прынялы-бъ и насъ до тахвы»?—«Э-э хлопци! Идить, у другый заводъ, у мене повна тахва». Тахвою называеьця шпснадцать чоловикъ у заводи. У кожній тахви по шпснадцать чоловикъ.

Пишлы вони до другого заводу. Прыходять. «Здорови, браты! Де вашъ батьку отаманъ»?—«А на шо вамъ винъ здавсь»?—«Та мы хочемъ ёму шось сказаты!»—«Тай потребуемъ отамана-жъ». Вы-

ходять отаманъ. «А здорови, хлопцята!»—«Здоровъ, батьку отамане. Э-э-эй батьку отамане! Не прынялы-бъ вы насъ до тахвы?»—«Э-э-э, молоди вы хлопци! А въ мене повна тахва. Идть до третёго заводу, тамъ може васъ прыймуть». Зънялысь,—пишлы.

Прыходять до землянки. Уже обрыдло имъ ходя! «Здорови братьця! Чы вы-бъ, братьця, не далы-бъ намъ попоисты», говорить. . «Уже намъ обрыдло й ходя!».—«Шо-жь, хлопцята! Въ насъ е отаманъ; якъ позволыть, то й можна-жь». «Такъ здилайте мылосць, выкльчге отамана». Выходыть отаманъ. „А шо вы, хлопци, маете мени казаты“?—„Э-э-эй, батьку отамане!.. Дай намъ хоть кусочокъ хлиба, бо вже намъ обрыдло по вашихъ и ходя заводахъ!.. Та ниде ни хто й не прыймае насъ сиромыхъ“!—„А йдть, хлопци, въ земляночку въ мою. Та подайте, хлопци, столыкъ; на своихъ хлопцивъ каже: „и дайте имъ пыть и исты. А сидайте, хлопци, перекусить. Та подайте, хлопци, по чарци горилкы имъ. Кушайте жъ, шо-бъ хочъ не голодни булы. Куды-жь вы йдете, хлопци? Хоть роскажить мини“.— „Э-э-эй батьку отамане! Прыймыть насъ до тахвы сиромыхъ“! „Э-э, шо-жь, хлопци!.. Повна тахва!.. А йдть дальше! Тамъ есть ще заводъ“.

Подякувалы отаману за хлибъ, за силь, попрощалысь и пишлы. Доходять упыять до заводу. „Э-э-эй, здорови“, каже, „братья“!— „Здорови, хлопци“! „А де въ васъ тутъ отаманъ е“?—„Ото невидъ“, каже, „лагодыть. Иды“, кае „до ёго“. „Здоровъ, батьку отамане“!— „Здоровъ, хлопче“!—„Прыймыть, батьку отамане, насъ до тахвы“!— „Э-э, хлопче! Якъ-бы було ранншь. А теперь у мене повна тахва. Я лышнихъ прынять не могу; лышнихъ не полагаетьця. Идть“, каже, отаманъ, „у посльидный заводъ, отамъ“, каже, „собираютьця криви та слипи на 'дно око! отамъ“, каже, „прыймаютьця. Отгуды вы йдть,— може й васъ прыймуть. Вы, здаетьця, хлопци хочъ и молоди, такъ вы на обоє ще бачыте.

То вы можете ихъ изъ землянки на двирь водыть,
Бо вони не способны рыбы ловыть“.

Прощалысь изъ отаманомъ: „Прощай, батьку отамане. Спасыби за добре слово. Хоть-бы тамъ насъ прынялы, той то-бъ спасыби Богу“! Пишлы вони.

Прыходять до посльидного заводу. Выходять двое кривихъ. „А здорови, дядькы“!—„Здорови, хлопци“! „Хто въ васъ, дядькы, тутъ... чы въ васъ е й отаманъ“?—„Тай е“, каже, „та слипый на 'дно

око“; ка, „на печи сыдыть у земляньци“. „А якъ-бы винь выйшовъ до насъ; мы-бъ ёму тамъ хоть-бы слово сказали“. Полизъ крывый у землянку. „Грыцьку отамане! А йды, лышь“, кае, „два хлопци чогось прыйшлы“.—„А клычъ ихъ у землянку. Нехай лышь ввійдуть сюды; шо тамъ за хлопци“. Лизе крывый. „А йдять, хлопци! отаманъ“, каже, „васъ требуе у землянку“. Веде ихъ крывый. Указуе имъ отамана Грыцька; „отто“. каже, „винь“. „А здорови“, каже, „дядьку Грыцьку отамане!

„Эй, каже, „отамане батьку нашъ!
Прыймиць до себе й насъ“!

Та хлопци! Хочь вы будете тутенькы миждо нами такъ якъ люды! Бо мы то слипи та криви!.. Уже жывить у насъ! Хочь прохарчуемось и то добре! Ану, лышь, кухарь! Вары казань рыбы, та пошануемъ хлопцивъ оцыхъ. А сидайте, хлопци! Та сидайте-жъ и мои хлопци вси. Та подайте, хлопци, пляшку минн й чарку, шо-бъ я знавъ за кымъ могорычъ запыть“. Якъ давъ имъ чарокъ по дьви! „А обидайте-жъ, хлопци“! Письля обидъ по третій прыдавить, шобъ знали хлопци! „А теперь прошу покорно поблагодарыть за обидъ, таі прошу покорно отдыхать; а минн треба дило робыть; треба невидъ спорудыть“. Ляглы хлопци.

Хто спыть,
Хто въ карты грае,—
Хто въ шашкы занимае,
Атаманъ пишовъ изъ землянки;
Роскынувъ невидъ,
Таі лагае.

Старшенькый хлопецъ зъ цыхъ двохъ, що прыйшлы, выходыть изъ землянки. „А здоровъ, дядюшка Рыгорій! Шо це вы тутъ робыте“?—„Та це-жъ, хлопче... невидъ готовлю“. „Э-э-эй, дядьку Грыцьку! Якъ бы й минн глычку найшлы, то може-бъ и я давъ-бы вамъ помочи“.—„Хиба ты вмєшь“?

„Та мій покойный батько вьатери вьязавъ,
Та й минн-жъ такы вичко навъязать показавъ“.

„Та въ мене, хлопче, десять глычокъ е“! „Такъ и давайте-жь“.
 Якъ узавъ хлопець глычку! Поки атаманъ дирку залата, то хлопець
 тры! Поки атаманъ дирку, то хлопець тры. Атаманъ кынувъ свою глычку
 и бере себе за волосся!.. Чуха потылицю. „Шо це мини Богъ давъ?
 Шо я маю одно око, то винъ двое! Шо я маю одну дирку залатать, то
 винъ тры“! Вылагодылы невидъ у двоохъ. Грыцько цилуе хлопця. „Эй
 спасыби тоби, Ивана, шо ты мини пидпомога велика“! Изгорнули не-
 видъ, исклалы. — „А ходимъ, Ивасю, у землянку на спочынокъ!“ Увій-
 шовъ отаманъ. „Ану, кухарь, чепурысь! Готовъ вечерять! Бо мы свое дило
 зробылы“! Кухарь мытьтю наварывъ вечерять. Становыть столыкъ, сажает
 своихъ забродчыкивъ. Сажает отаманъ Ивася помижь себе и товариша
 ёго. „А дай, Ивасю, по'двій! Я'дъ твоихъ рукъ хочю выпыть, шо ты
 мини поробывъ мого дила багато“! Ивана бере кграфвынь и дае по
 пукалу¹⁾. Отаманъ Грыцько за ёго всердыя и за старанья жетает й по
 другому выпыть! „А теперь, Ивасю,—у Тройци Богъ кохається!—давай
 я вже дамъ и по третёму. А теперь прошу покорно вечерять“. Пове-
 черялы; подякувалы отаману за вдоволствія. „Отдыхайте-жь, хлопци“.

Хто лигае спать,
 Кто въ карты гулять,
 Кто въ зубову сопилку грать.

Хто спыть, хто грае, до тыхъ пиръ, поки вси послулы. Хло-
 пець, который старшый, говорыть своему товаришу: „чы ты“, каже,
 „спышь, брате“?—„Ни“, каже. „А шо“? каже „брате“!—„А шо“? „Я
 думая, брате, питы подывыться на зори“.—„Якъ знаешъ“, каже,
 „брате, то й иды“. Выходыть винъ изъ землянки; слухает: Вси за-
 воды заколотылысь. И згукъ!.. И крытъ!.. Винъ подывывся на
 небо и по племетамъ²⁾—зоря не хороша. Увійшовъ и лигъ на койкы.
 Товаришь и пытае: „а шо, Ивасю“?—„А шо“, каже, „брате“. „Шо ты
 замштывъ“? каже: „Нехороша зоря; и скрызъ вси заводы заколоты-
 лысь, а племета йде розбійна на неби; не буде взятку на рыби. И
 дурный захидъ ихъ, шо вони колотятся. Ну, мы будемъ спочывать
 до свого часу“.

Отаманъ Грыцько прокидається. „Хлопци! А вставайте“!
 Хлопци всталы. Посхоплювалысь. „А чого, Грыцьку отамане“.

¹⁾ По бокалу.

²⁾ Планетамъ.

— „А треба намъ невидь закъдаты:

Хоть шо для харчи шймать“.

Иваня озывается;

„Э-э-эй, батьку отамане!

Не мочить и нытокъ!

И не гвййте!..

Варить и послідню рыбку,

Та будемъ исты та 'ддыхать“!

Отаманъ устает:

„Зачимъ, Ивасю, не вельшь нытокъ мочыты“?

„Э э-эй, дядьку Грыцьку!

Отамане й батьку!

Не буде поживку“!

„Зачимъ-же по другихъ заводахъ вси колотятця“?—„То ихъ охота“! Отаманъ Грыцько заставляе кухаря: „вары й посьліднюю, — будемъ исты; живъ Богъ, — жива й душа“!—Варыть кухарь и посьліднюю. „А сидайте-жь, хлопци, сидать! А подай, кухарь, намъ кграфынъ та выпьемъ по одній! Ивась обизвався: „эй, дядьку отамане! Дайте и по другій“! „А пидбавъ, кухарю, въ кграфынъ ище: бо шось мій Ивась задумавъ“!.. Давъ Грыцько и по другій. „А прощю покорно закусыть, а хочъ позволете й посьнидаты“. Посьнидалы й подякували.

Выйшовъ Ивась изъ землянки. Гукае Ивась: „дядьку, отамане Грыцьку! А йдите сюды. А ходимъ, дядьку отамане, подывытьця на ихъ прыбыль“. Прийшли до первого невода: ни ока! Пишли до другого. „Може пособыть“, каже, „треба“? (Невидь тягты). „Э-эй, братьця! Мабуть и сами вытягнемъ“!.. Вытяглы й другій—ни ока! „А ходимъ, каже, до третего; хочъ тамъ може пособымо“. Грыцько отаманъ кышкы рве! „Шо це Ивасю, дѣлаетьця“?!—„А шо-жь, дядьку Грыцьку! А вы хлопоталыся свій невидь закъдаты! Тилько нытки гноить“?! „Правду казавъ, хлопче Иваня!

Десь мини тебе Богъ давъ,

Шо ты мини правду сказавъ!

А ходимъ, хлопче, та загуляемъ на останьне за твою правду! А шо кухарь! А есть обидь“?—„Е-е-е“! „Дава-ай“! Становыть кухарь столыкъ. „Подай четвертыну горилкы,—хочъ погуляемъ посьліднье!

Упосли будемь оддуватьця! А сдайте, хлопци!“! Силы хлопци. „А беры, Ивасю, кграфынъ! А дай, Ивана, по одній“! Давъ Ивана по одній. Бере Грыцько дае по другій. Озываецця Ивась до отамана: „а позволь, Грыцьку, моему товаришови дать по третій“! Давъ по третій товаришь Иванивъ. „А прошу покорно обидать“. Подякувалы за обидъ. Доволенъ Грыцько Иванею, шо ему Богъ давъ такого хлопця.

Сыдять хлопци забавляютьця; хто въ карты гуляе, хто въ шашкы, хто въ зубову сопилку гра, хто танцюе, хто 'ддыхае—до вечора. Письля вечери зробылась тышына. Ляглы спать. Выходить Ивась изъ землянки; подывывсь на зори; ништо ёго й не чувъ!. Ниде нищо не бовтне!. Входе въ землянку. „Брате товаришу! Чы ты спышъ.“? каже. „Ни“. „А що“, каже, брате товаришу“! А той каже: „а що, брате“?

„Якъ-бы“, каже. „отамана росколать“?

—„Тай шо-жь“, каже, „таке“?

Хиба велька беда, якъ Грыцькомъ назвать“?

„Дядьку—отамане-Грыцьку! Чы вы спыте“? Каже: „та задримувъ“. „А вставайге! А будить своихъ забродчыкивъ, бо я не могу ихъ колодыть, бо я й самъ такый якъ и вони, а якъ ты отаманъ, то вони тебе й послухають. Буды ихъ та будемь и мы свій невидь готовыть та закыдать“. Грыцько отаманъ якъ закрычыть на хлопцивъ: „пиднятьця рыбьята вси“!—„Заразь“! Усталы. „Ану кашоварь! Готуй сьидать“!

Кашоваръ уставъ,

Заразь зготувавъ.

„Ану, отамане“! каже Ивана: „прыскажы свичу заспытыть и ляпату олывяну“. Заспытылы свичу и ляпату зъ олывою. Роспыстылы ладону. Помолылысь Богу усердно. „А теперь прошу, Грыцьку отамане, кашовара заставыть поставыть сьидать. Посидалы сьидать, отаманъ стребувавъ горилкы; давъ по одному стакану. А Ивась озываецця: „батьку отамане! Дай для смилости и по другому, шобъ поснидалы добре“.

Поснидалы,—

Подякувалы.

„А теперь прошу хлопцівъ скомандувать до невода. Пора уже намъ невидъ завести“. Хлопци взялись:

Склали невидъ на шлюпки;
Розсыпали въ море;
Затягли на шлейки

Кынулись тягты,—не потягнуть! Зъ другихъ заводивъ прийшли, для радости, пособить. Набигають шепотынныкы (зъ жывивъ). Даютъ тридцать тысячъ,—ше й не вытягли на берегъ! Набигають други,—даютъ сорокъ! Набывають трети! Пятьдесять! Отаманъ трепещеться, шо радъ узять пятьдесять тысячъ! А Ивана озываетьця:

«Дядьку отамане Грыцьку!
Заглавно тилько ката въ мишку купувать!
А лучче вытягнемъ,—
Шо очи бачать, то те й продавать!»

Вытягли невидъ на берегъ. Вывернули рыбы множество множество! Закупылы шепатылныкы наглазну рыбу; дали шисьтьдесять тысячъ! Отаманъ зъ радости: де диться!? Руки ломыть! Радъ Ивани! Лобызуе ёго въ лице! «Будь ты, Ивана, отаманомъ! Я буду тебе слушать!» «Не могу я, дядьку Грыцьку, быть отаманомъ! Я молодой чоловікъ: я васъ не понижатыму». Набрали рыбы сьтилькы можна! Дали и въ ти заводы, котори пособлялы. Пишлы въ землянку. Соцынылы пырь! Пьютъ гуляють! Горилка зъ стола не выбувае! Рыбы въ доволноты для пощку! До трёхъ сутокъ! Трети суткы кончаютьця сему пыру,—оддыхають. Лягли спать.

Ивась устаетъ въ ночи: выходыть на двирь, подывывсь на зори: буйна зоря.—Чуе,—все заводы стёрнулись!... Крыкъ!.. Шумъ!... Кынулись у ловлю. «Зачимъ имъ пайдае, а намъ нема пайды!? Будемъ трудытьця, шобъ и намъ була пайда». Входе Ивана въ землянку. Озываеться къ товаришу своему: «Чы ты, брате, спышь»? Кажетъ: «ни». «Я выйшовъ, подывывсь на зори, нема пайды. Ну други заводы бунтуютъця: закыдають неводы и тягнуть тяглу, а пайды хто ёго зна шо буде. Зоря не та, шо пайда буде. Ну, то ихъ дило».

Лигъ Ивана и товаришу велыть спать:
Кажетъ: «завтра будемъ гулять».

На зорі Іваня будить отамана:
Дядьку отамане Грыцьку!
Пора вставать!
Хочь доли й нема,
Такъ будемъ гулять!
Отаманъ гласъ зачувъ Іванивъ.
Схопився!
Цилуе, мылуе Івася!
«А чого ты, Івася, хочешъ одь мене»?
Каже: «Дядьку, отамане Грыцьку!
Пора вставаты,
Та пырь пидійматы!
А буды своихъ хлопцівъ
Кривыхъ та слипыхъ молодцівъ»!
Якъ криккне Грыцько отаманъ своимъ гласомъ:
«Вставайте, хлопци, рыбасомъ! ¹⁾
Ану кухарь, готовъ страву,
Та подай, кухарь, и кграфынъ!
Та не тилько буде пыть Грыцько одынъ
А ще буде Іваня зъ нымъ»!
Іваня озываеця:
«А прошу покорно, отамане Грыцьку!
Дай намъ хочь по одній,
Тай товаришъ», каже, «за мною мій» ²⁾
«Чы ты знаешъ», каже, «дядьку Грыцьку,
Шо мы ходылы по всіхъ заводахъ,
Та ниhto насъ не прынявъ,
Ну, а ты, дядьку Грыцьку,
Шей за ридного батька намъ ставъ!
Теперь-же, батьку отамане,
Дай погуляты,
Та правды-славы доказаты!»
«Та йзволь, хлопче Івасю!

¹⁾ Зразу.

²⁾ Ото значить шобъ и товаришу давъ почастувать, шо-бъ и то-варышъ почастувавъ.

Десь мині тебе Господь пославъ,
 Шо ты мині велькою радистю ставъ»!

Страва наварена. Пють гуляють до самого вечора! У вечери спать полигалы.

Озывается въ ночи Ивана до товариша: «чы ты, брате, спышъ»? «Ни», каже, «не сплю». «Иду я, братъ, подывлюсь на зори». «Иды, братъ, подывысь». Выйшовъ Ивась изъ землянки. Подывысь на небо. Глядыть,—зоря добра ¹⁾. Входить у землянку. «А-а-а-й, братъ товаришъ! Якъ-бы намъ отамана роскалатать»?—«Такъ шожъ. Хиба не можна й озватця до ёго? Озовысь!» «Дядьку Грыцьку!»—«А чого ты, Ивасю»?

«Треба вставать,
 Та хлопцивъ калатать!
 Бо я, дядьку Грыцьку, не могу;
 А якъ ты отаманъ,
 То ты можешъ колотать,
 А вон ч могутъ уставать».
 Грыцько зрадивъ такому порядку!
 Якъ крыкне на хлопцивъ.
 «А вставайте, хлопци,
 Слипи та криви молодци»!
 «А чого вы, отаманъ»?
 Пора, хлопци, за дило братьця,
 Бо то вашъ порядокъ,
 За чымъ мы служымъ».
 Хлопци встали.
 Отаманъ закрычавъ, шоьбъ сьниданья готове було.
 Ивана запросивъ отамана, шоьбъ ладану роспустыть
 И олывянну ляпнату засьвитыть,—
 Богу помолытьця.
 Поставивъ кашоваръ закуску,—
 Отаманъ командуе выпивку.

¹⁾ Винъ у своего покойного батька вывчысь признавать, колы така зоря, шо можно рыбу піймать, а колы ни.

Выплыли по скраклю (велька чарка). «Позвольте й по другому». Закусылы. Вельть отаманъ хлопцямъ братьця за дило. Выйшли. Склады невидь на шлюпки,—розсыпалы въ море. Прыплылы шлюпки къ берегу. Узялысь хлопци. Потяглы невидь. Тягнуть не потягнуть! «Дядьку Грыцьку отамане! звисыть другимъ заводамъ до помощи». Отаманъ давъ знать. Збиглыся зъ другихъ заводивъ. Идутъ на тяглы! Набигають шенатылныкы! Даютъ имъ шисытьдесять тысячъ!—Шо попадетьця въ неводи,—не глядя! Ивана гласыть отаману: «отамане Грыцьку, батьку нашъ! Не запродай насъ! Кота въ мишку продають не глядя! А лучше вытягнемъ, та шо очи бачить, то те й продамо! Грыцько трепешетьця!.. Радъ узять шисытьдесять тысячъ! А все одоливає на Йваню! Потому шо первый разъ гласывъ добре; черезъ те вповае и на друге. Други шепатылныкы не хотять попустыть цего невода тяглы рыбы, накыдають сто тысячъ не вытягавшы невода! Озываетьця Йваня: «Отамане Грыцьку! Якъ-бы твоя згода! Ты то знаешъ, шо хочъ, те й робы!»—Отаманъ зрадившы тому отвиту, запродавъ рыбу, не вытягавшы невода чы вронъ, чы барышъ,—такъ тому й быть, за сто тысячъ! Получывшы гроши, вытяглы рыбы зъ того невода множество множествъ! Отдалы, шо треба було по договору помишныкамъ на харчи. Шепотылныкы ради булы, шо заплатылы сто тысячъ! Пополучывшы гроши,—«а ходимъ, Йвасю, у землянку!.. Спасыби, Иваню, Богу, шо Вниъ мини тебе пославъ! Ану, кухарь, готовъ обидь!» Кухарь ставыть столыкъ, готовыть обидь. Зъ радости велькой, отаманъ требуе видро горилкы! Подалы горилки. Отаманъ просыть забродчыкывъ сидать кругомъ столыка. Сидаетъ и самъ. Садовыть и Ивася коло себе. Садовыть и товариша коло его. Налыва горилкы; дае по стакану; обчастувавъ. Позволивъ и Ивасю по такому-жъ стакану; позволивъ и товаришови его почастувать. «Нумъ теперь обидать».

Пообидавшы, хто спать,
 Хто въ карты гулять,
 Хто въ шашкы занимается,
 Хто въ зубову сонилку гратъ,
 А хто плясать,—
 День провели до вечора.

У вечори повечерывшы, отдыхать ляглы. Обоснувшы, выходыть Ивана на двиръ чышкомъ. Подывывсь на зори. Не йде зоря тыхо:

розбійна (взятку нема). Входить у землянку та до товариша: «ашо братъ! Спышь ты?»—Каже: «ни». «Ходывъ я на двиръ. Народъ бунтується по прочыхъ заводахъ, ну, взятку не буде. Зоря розбійна иде.

Ну намъ ничего объ тимъ журитьця,
А будемъ Богу мольтыця;
Завтришний день будемъ веселытьця».

—«Лигай, брате, спать!

Ничого намъ крушытьця».

Проснувшись, Ивана:

—«Дядьку Грыцьку»!

—«А чого, Ивана»?

«Э-э-эй пора вставать»!

«Зачимъ дило застало»?

«Будемъ гулять»!

«Оце, сердце Йване, й я радъ тому!

А вставайте, хлопци, криви й слипи!

Будемъ веселытьця!

А докы ёго й журитьця»!

Якъ скомандувавъ отаманъ на хлопцивъ;

Винъ не щытае, шо криви й слипи,

А дума, шо перви въ свити молодци!

Якъ повставалы хлопци:

«Ану, кашоварь!

Ставь столыкъ, готовъ страву».

Якъ зачалы гулять по запорозькій,—

Пьютъ—гуляють!

А зъ прочыхъ заводивъ

Нашыхъ хлопцивъ на кглузы пидіймають.

«Э-эй, хлопци!

Яке вамъ дыво?!

Шо мы одъ ихъ кормымося

Та ище зъ ихъ и сьміємося»!?

Ивана обзывается:

«Эй, дядьку Грыцьку!

Пора намъ невидъ лагодыть».

Грыцько:

«Правду, Ивана»!

Бере заразъ глычку Грыцько
И йде латать невода.
Каже Ивана
«Отамане Грыцьку!
Дайте мини глычку».
«Я тобі й десять найду»
«Мини тилькы треба одну».
Узявъ Иванъ глычку.
Шо отаманъ дирку,
То Ивана тры!
Шо отаманъ дьви,
То Ивана шисть!
Беретьця Грыцько за волосься!...
Кынувъ глычку.
— «Будь ты, Ивана, за отамана!
Я тобі передаю свое отаманство
И буду тебе слухать».
Одвичае Ивана:
«Я молодъ чоловікъ
Не возможу.
Не могу я, дядьку, одъ васъ перенять отаманства,
А передаю на шаньку» ¹⁾.
Отаманъ зкыкавъ свою шаньку:
«Панове товариство!
Составляю я Иваню отаманомъ!
Чы вы вси согласьни»?
Воны вси крыгнулы:
Яко-же согласно вамъ,
Тако-же и намъ» ²⁾!
Ивана тоже оправдывсь:
«Я молодъ чоловікъ!
Не могу я бувать отаманомъ,
Я могу бувать послушныкомъ»!
— «А шо будемъ», каже, «робыты
Якъ не хоче Ивана намъ отаманомъ служыты»?!

¹⁾ Товариство.

²⁾ Яко вамъ согласно, тако й намъ.

Одказавъ.

Каже Ивана:

«А шо, дядьку отамане!

А зложимъ невидь до купы.

Та пидемъ у землянку,

Та погуляемъ до лыру, —

Нехай буде всимъ заводамъ у дыво»!

Отаманъ Грыцько радъ цѣму!

Скрыкнувъ на хлопцивъ:

«Зробыть пырь,

Поки мій Ивана живъ»!

Зачалы пыруваты й гуляты до трѣхъ сутокъ! Трети суткы кинчають,—поздавались и спать полягали.

Ивана проснувся, выйшовъ изъ землянки; подывывсь на зори: занимается зоря страшна, ясна (добра). Уходитъ у землянку. «А шо ты», каже, «товарышу, брате ридный, спышь»? Каже «ни».

«Шо будемъ робыть»?

«Ты то знаешъ».

«Треба намъ отамана розбудыть.

Ашо», каже, «дядьку Грыцьку, чы ты спышь»?

«Ни», каже, «не сплю».

«Треба», каже, «хлопцивъ калатать,

Та посльидный разъ невидь справлять».

Отаманъ вставъ,

Хлопцивъ зозвавъ,

Ладану распустывъ,

Съвичу засьвитывъ,

Богу помолылысь.

Кашовара заставылы съниданья готовыть. Посьнидалы й выпылы. Выйшовъ Ивана на двирь. «Ану», каже, «дядьку отамане, заставляй хлопцивъ на шлюпки сидаль.—невидь завесты, закнуть у море». Приплылы шлюпкачы до берега; взяли невидь на шлейкы! Кынулысь тяггы,—не потягнуть! «Э-эй, дядьку Грыцьку! Треба просыть изъ другихъ заводывъ на помогу»! Набиглы шепатылныкы; глядя на ихъ тяглу, дають пивтораста тысячъ, шо буде въ неводи.—чы вронъ, чы барышь,—на вдалу. Ивана обзываецця: «отамане

Грыцьку! Кота въ мишку продають невыдымо! А вытягнемъ, шо очи бачать, то тоди и гроши брать, шо стоить!» Грыцько трепещеться, шо радъ узять пивтораста тысячъ. Озывается Ивана: «николы ты мене, Грыцьку, не слухавъ, якъ я тоби говорывъ, шо шепатынныкы тебе всегда путають.

А послухай мене посьлидній разъ:
 Вытягнемъ ловлю на берегъ;
 За шо хочешъ, за те й продасы,
 Да не жалко буде,—выдымо на глазъ»!
 Послухавъ Грыцько Ивани посьлидній разъ.

Вытяглы ловлю на берегъ выдымо. Сторгувався Грыцько за множество рыбъ двести тысячъ. Получившы Грыцько гроши зъ велькою радистью, вывернувши рыбу,—«шо хоште, купци,—те й робить.—

А гроши получившы
 У карманъ сховавши,
 Хлопцивъ забравши,
 Пишовъ у землянку.

Зробывъ пырь на четверо сутокъ! Пыть—гулять стилькы возможно!

Кончившы гуляння, прийшлося на роцотъ. Цилуе отаманъ Ивася за ёго порядокъ и за ёго всердя. Шо ёму Господь пославъ двоухъ хлопцивъ прынять у свій заводъ и винъ черезъ те получывъ вельке щасьте. «Прошу покорно, хлопци, по кончѣній ловли посьлидній, для роцоту дила получить сорокъ тысячъ! А посьлидни на насъ слипыхъ и хромыхъ. Прошу-жь васъ хлопцята, мои диты! Не забудьте мене,—й я васъ не забуду; одбудьте лито, въ якій бы работи не булы, а къ зими прыйдить,—я вамъ не 'дкажу». Попроцалсь зъ отаманомъ, зъ хлопцями, пишлы.

Одійшлы вони одъ заводу версть пять. Выйшлы на велький шляхъ. Дійшлы до мугылы. Силы на мугылу. «Ащо», каже. «брате! Пощытаймось. Заробылы мы за лито вдвоухъ сорокъ рубливъ на косовыци; а за зиму Богъ давъ уже намъ сорокъ тысячъ заробыть на рыболовляхъ. А теперь-же, брате, якъ буде? Чы пидемъ ще на косовыцю, чы пидемъ до-дому?»—«Про мене брате; вже я тебе слу-

хатыму, — ты старшій, а я меньшій». «Колы такъ, то ходимъ брата, до моря на прыстань. Теперь весна; косовыци нема; идемъ до моря, та заробымъ ше чого». Побалакалы й пишылы.

Прыйшылы до моря на прыстань. Прыходыть корабль. А воны по прыстани прохажуютьця. Шкыперъ ихъ и вглядывъ. Зачавъ ихъ пытать: «шо вы за молодци? Чимъ занимаетесь»? Объяснылы воны шкыперю: «рыболовы». «Наймитьця до мене нагрукать на корабль пше-ныцю». Отвичають ёму хлопци: «вы», кажуть, «намы двома не нагрукать корабля». — «Ну, позвольте; якъ я дывлюсь, — вы добри молодци». «Такъ», каже, «пане. Мы булы колысь таки, шо ничего не стоилы, — а теперь молодцымы трошкы сталы». — «Ну, хлопци, вь мене есть кимъ корабель нагрукать; станьте мини за матросивъ». «Ашо», каже, «брате, чы станемъ»? — «Про мене», каже, «брате, я вже буду тебе слухать». Шкыперъ каже: «шо жъ, хлопци; васъ два; наймитьця до мене правыть; поидемъ у чужу землю». — «Якъ дасте у мисяць по сто карбованцивъ, то поидемъ; а якъ не дасте, то шукайте соби». — «Силькось! Ставайте». Шкыперъ зъ велькою радистью прынявъ ихъ.

Одчалылы судно. Выпхалы вь море.

Зачало море грать;
 Зачала велька хвыля вставать;
 Зачала судно перевертатъ.
 Мачта то сымъ, то тымъ краемъ бьетьця обь вводу.
 То сымъ, то тымъ краемъ.
 Нихто не може парусивъ зьнять.
 Шкыперъ до Бога руки здыймае:
 «Хто може зъ матросивъ си паруса зьнять? —
 Може Господь спасе судно?»
 Ивась, помолывшысь Богу,
 Кынувсь по мачти и по драбынахъ.
 Все паруса зьнявъ
 И всимъ постронкамъ порядокъ давъ.
 Море грало, — утышылось,
 Судно справылось, —
 Пишло вь свій путь.
 Ивась прыбрався лучче:
 Скочывъ на матку,

Напьявъ паруса, якъ имъ сълидуе быть,
 Справывъ постронкы по своимъ жылыцу,
 По своимъ порядку.
 Шкыперъ радъ,
 Бога мольть за спасеніе дуншъ
 И за сохраненіе судна.
 «Не есть се мии Богъ давъ цѣго чоловика,
 Для спасенія судна»?!
 Радъ шкыперъ симъ хлопцямъ
 И дае имъ версадло,
 Шобъ вони правувалы судномъ.
 Воны ёму кланяютьця:
 «Мы молоди люды симъ диломъ правувать;
 Мы желаемъ послушныкамы бувать».
 Шисть мисяцивъ проходылы благополучно у чужу
 землю,
 Издали ишеницю,
 Загрянышний товаръ у замну получылы,
 Якъ було хлиба, такъ и товару повне судно нагрузылы.

Вертаютьця на мисто въ добримъ здоровьи и благополучьи. Шкыперъ радъ тымъ юношамъ, шо ёму Богъ пославъ спасти и судно и людей. Роштытавъ ихъ зъ усимъ удовольствіемъ; имъ плата була у мисяць по тысячи; шкыперъ дае имъ по двѣ. Получылы вони за шисть мисяцивъ двадцять чотыри тысячи! По дванадцять на брата. Теперь у ихъ восимдесять чотыри тысячи заробитку и сорокъ рубливъ! Получывшы гроши, устала зъ судна, пишла въ городъ. «А шо», каже, «брате»? «А шо»? «Заробылы»? — «Заробылы», каже. «Чы пидемъ у козовыцю чы, може, пидемъ до-дому»? — «Э-э», каже, «брате! Мовъ уже годи! Якъ бы про мене, то я-бъ такый, шобъ до-дому иты». «Про мене. Чы до-дому, то й до-дому. А давай напередъ роздильмося, шобъ ты знавъ заробитокъ свій, а я свій, шо въ насъ ривно йшло, шобъ ривно й було». Роздильмысь вони: по сорокъ двѣ тысячи и двадцять карбованьцивъ на брата.

Пишла вони въ городъ. Зайшылы въ лавкы; купылы соби городську одѣжу: „чумарки, картузы, штаны добри. Покупылы вони соби кони добри й сидла добри.

Выихалы за городъ. Поставылы кони на кватыри въ мужыка, а сами вернулысь у городъ.

„Не пылы мы, говорыць, не гулялы,
Тылько дило сповнялы“.

Не пылы мы, помы й на корабли булы, ни вына, ни горилкы. Ходимъ хочь погуляемъ тутъ увь останьци, та тоди й поидемъ зь Богомъ“. Зайшлы вь погрийбъ у городи. „Здрастуй, кабатчыкь!“— „Здрастуйте, хлопци“. „Е выно?“— „Есть“. „Подай намъ штохъ вына“. „Извольте, рыбаця. Садитьца за столомъ“. Силы за стиль. Подавъ имъ кварту вына. Выпылы по стакану. Кабатчыкь пытае: „а шо, хлопци! може вы желяете музыкы?“— „Извольте“. Отъ кабатчыкь заразы музыку вызвавъ. Якъ загра музыка! Якъ выпылы хлопци по другому стакану! „Подай, кабатчыкь, другу кварту вына.“— „А що господа! Може вамъ и дамъ вызвать, шобъ потанцювалы?“ „Тай давайце жь.“ А кабатчыкь державъ для прыходу тахву музыкы и красны домъ. Выскакують дамы, пляшуть. Вони выпылы вьпьять. Зачалы частувать музыкнвь.

Выпыла музыка. Розыгралася дужче.

Дамы росплясалыся лучче.

Товарышъ Иванивъ выскочывъ. Давай танцювать зь дамамы. Окрутнувся разивъ два й сивъ за стиль. Одна дама прыступыла, обняла ёго. Винъ ий пиднись стаканъ вына А дали схватывсь, поплясавъ зновъ зь нею. Вона вже лучче прынялася коло ёго. Ударыла вь ёго любовь. Рече братъ своему товарищу: „брате! я пиду потишусь“.— „Отдай мени гроши на сховъ“.— „Шо-о?“ Нѣтъ, братъ, не 'ддамъ. Я—я не дурной!“ „Ну тото. Знаешъ брате! У мене булы гроши твой и мой и вси цили булы, а теперь, братъ, якъ хочъ“. Пишовъ плясать зь тыею красавыцею и дуженько выпивать зь нею. Тягне вона ёго вь свою комнатку. Кабатчыкь пытаеьця: „ылы желяешъ исъ циею дамою погулять, такъ отдай деньги мени, какъ есьть у тебя залышньни. Якъ не 'ддасы,—штобъ посьли не жалкувавъ!—бо вьпосли ськать нидьзя“. „Што ты кабатчыкь!? какое твое дѣло запрашувать сьтыко вь мене есьть? Не твое дѣло!“ Роспалывся! Товаришъ ёму й каже: „отдай, братъ, гроши, у мене цили булы, цили й будуть. Хиба теперь не довирышъ мени“.— „Хиба я, братъ, дуракъ, што я не повимаю ничего?! Я не дуракъ!“

Ты не журысь мною,

А журысь собою!“

„Гляды, братъ, шобъ уposure не каюся“. Пишовъ винъ у комнатку зъ нею. У комнатци выпить требувалы вына; пьють. Товаришъ ёго расплатывся съ кабатчыкомъ, пишовъ зъ погреба до дому на кватырю. Вынылы порядошно. Ростебнула дама й плаття, геть кгудзыкы до низу поростибала. Перыну роскыдала, хватнула ёго пидь руки, положила на перыну. А винъ уже безъ чувства. Разъ те, шо пьянъ, а друге те, шо любовь не свій братъ. Загасылы й свитло. Заснуть тьменно. Вона обглядила ёго, выняла всю суму и передала черезъ виконце другій подрузи свей, для грабытельного дила сущей.

Пишовъ винъ у ранци на кватырю. Хватнувся—нема грошей. Шукать—никуды! Добуватьця—невозможно. Иде на кватырк заплакавшысь. Прыходить до товариша. Плаче. „А шо це, брате?“— „А шо, брате? не послухавъ мене?“ Той плаче. Той уже й пада,— просе: „зачимъ нудысься?“ „Той плаче, а той розважае, сыдыть надъ нимъ. Далл шо надумавъ:... шо, брате! мы зароблялы вмисти,—гуртове й пропало! А я свою половыну переделяю пополамъ, тилько ве журысь брате.“ Сей грохы обрадувавсь. Пишлы до хазяина. Вынылы зъ хозяиномъ; розвеселылысь. „Нехай наши кони ще стоять,—ходимъ, брате, въ городъ ише погуляемъ“.—„А-а-а, брате, я не совитувавъ бы.“—„А-а! И ты оглядивсь?! Не совитуешъ?! А якъ я тоби говорывъ: було бъ отдать гроши, то бъ цили булы! Ну ходимъ та погуляемо ще!“

На дорози купывъ старшый у щетынныка гаманъ. Йде горомъ, и де сьмитныкъ, то не мынае; де сама дрянна бумажка попадеться на сьмитныку, то винъ ии все у гаманъ запыха.

Доходятъ до того самого кабака. Ввійшлы. И винъ старшый требуе кварту вына. Кабатчыкъ подае. Пытае кабатчыкъ: «може музыку для втѣхи вызвать?»—«Можна». Входятъ музыкы, грають. Выскакують дамы; пляшуть. Старшый вылазитъ изъ за столу: скочывъ мижъ ихъ; обернувсь разивъ два. Та сама ученылась и за ёго. Винъ ий давъ два стакана вына й вона сила позъ ёго. Винъ до товариша й говорыть: «отъ! ты, братъ, охотывся й мини тоже желателно поохотытьця. Наравытьця мини ся дама». «Охоться!» «Подай, шынкаръ штопъ вына. Садись, дѣвушка, погуляемъ». Просыть вона ёго дали въ комватку. «Постой, душко; роцытаюсь зъ шынкаремъ и зъ братомъ поговорю. На тоби», говорыть, «братъ, грошы до сохраненья. Ты мини не впрывъ, а я тоби впрю». Отдавъ братови вси гроши,

оставивъ собі тилько пять карбованцивъ-бумажку. Узявъ запхнувъ у гаманъ поверхъ смитьтя тилько до половины, тай прыщепнувъ верхню лядою, а другу половину выдать, шо буючимъ-бы-то багато грошей. Тоди нишовъ зъ нею въ комнатку. Потребувавъ кварту вина: вона закускы поставыла, вынылы. Винъ ии прысылувавъ по другій выпить. Прыкынувшись пьянымъ, зачавъ упыять понтувать ии. Вона ёго прысыдуе стаканъ, а винъ ии два, а самъ тилькы пиво стакана выпье. До того дочастувалыся, шо винъ недвыжымый зробывсь (прыкынувся такимъ), а вона... порядошно. Роскынула перыны, положила ёго нечувственного. Загасыла й свитло. Вона середь ночи, почувшы шо винъ хрое, одризала гаманъ, и подала у другу компатку черезъ виконце. А той харчыть. Прыслухаецця до неи,—колы й вона вже заснула. Винъ розглядае ии хорошенько, облануе: пидь одно плече кынувся, ажъ у неи на лентахъ черезъ плече чересы высять. Винъ ленту переризавъ, ажъ поглядивъ—зъ золотомъ! Переризавъ и другу, кынувся до череса—тоже чымало! Поховавъ винъ все те въ карманъ.

Передь свитомъ хватывсь та й будыть ии: «душенька! душенька! Выпусыть мене, бо мини по сино хазяину треба ихать рано». Вона схватылась. Выпустыла ёго,—у дверечка выпхнула. Винъ и... маршь! Нишовъ собі.

Прыбига на квартиру. Будыть брата коло коней пидь повиткою: «А ну, брате, уставай. Сидлай кони, та нумъ тикать».—«Одь кого?»—«Одь того, братъ, шо красный домъ городъ стрясне».—«Який домъ?»—сѣ просонку. «Тамъ де мы пылы въ погребѣ, то то й красный домъ, де ты гроши посіявъ. Рушаймо швыдче». Посиддалы кони п маршь зъ города до свита. Покры сонце зійшло,—воны вже пятнадцать верстѣ ухалы.

Выихалы до казенного лѣса. Звернули въ лѣсь. Попуталы кони. Послалы чумарку. „А ну, братъ“, говорыть, „подывимось де твои гроши zostалысь“.—„У погребѣ“, каже, „зосталысь“. „Знаю. Ты обыженный, братъ, бувъ, а я те потаивъ, та пополамъ свои роздильвъ, шо-бъ ты не журывся, шо до дому идешъ безъ грошей. Оце-жъ, братъ, дывысь: твои гроши проналы? Я сѣ тобою своими подильвъ пополамъ. Пишли мы въ кабаць,—я тоби и свою половину отдавъ; чы ты ихъ сохранивъ?“ „Сохранивъ“. „Оце-жъ тоби дарую й свою половину, ту шо я тоби отдавъ у кабаца на сохранъ. Теперь у тебе гроши на мисьти? Те, шо ты заробывъ исперву, те й теперь е? Сорокъ двѣ тысячи и двадцять карбованцивъ“. „Такъ“. „А це вже моя половина сорокъ двѣ ты-

сячи и двадцять карбованців. А це вже зверху цього отъ ише стики захватывъ! А поличимо; це вже мій заробитокъ“. — „Э-э“, каже, „брате, передилимося-жь и цымы“. „Ни“, каже, „брате, ты мини не вирывъ, якъ мы пыты у кабаца, прыручыть свою половыну, а якъ загубывъ, такъ я й высъкавъ, та тоби-жь и вернувъ, а ты ще й цей заробитокъ хочешъ пополамъ?“ „Такъ не по правди-жь, брате, робышь, якъ не хочъ дилытьця й цымы“. „Э-э, каже, „брате, ни.... Я по правди роблю: якъ я тоби свои отдавъ, а твои вызволявъ. Цей заробитокъ мій, бо я ёго захватывъ“. Э-э, не по правди ты робышь! Якъ мы вмисъти робылы й заробялы, то й цей заробитокъ роздылы“. „Ни, це вже мій заробитокъ; цей не вмисъти заробялы; це я самъ...“. „Такъ не по правди-жь ты робышь“. „Ни, я въ правди жыву ще“. „Ни, не въ правди“. Заспорылыся. Одынъ каже: „въ правди“, другый каже: „ни, не въ правди, бо не хочъ дилытьця“.

Писля того заспорылы воны якъ лучше жыть: чы въ правди, чы не въ правди. Старшый каже у правди лучше жыть, а меньшый каже, шо не въ правди. „Ну, брате! Якъ ты кажешъ, шо у правди лучше жыть,—давай такъ: будемъ ихать; кого стринемъ и той скаже, шо не въ правди лучше жыть, такъ ты мини й гроши 'ддасы, а якъ скаже, шо въ правди лучше жыть, то я тоби й си оддамъ посылдыни, шо ты мини вызволявъ. Давай?“—„Давай“. Посидлалы кони й поихалы. Нечыстый духъ уже пидкаснувся, выслухавшы ихъ раду...

Выихалы воны на шляхъ. Иде валка чумакивъ: у жуланахъ, у саянянцяхъ, сывыхъ шапкахъ высоченныхъ, батогамы цьвохають Поривнялыся зъ чумакамы. „Здрастуйте, чумаки!“—„Здорови, хлопци!“ „А чога мы васъ хочемъ пытаты?“ „Искажете“. „Вы“, говорыть, „чумакуете, по всихъ слободахъ издете; уси порядки знаете. Искажить намъ: якъ лучше жыть? Чы въ правди, чы не въ правди?“ „А-а-ай, чудака вы, хлопци! Молодци таки, шо мовъ на молодцивъ и походылы, а таке не знать шо говорыть!... Якъ насъ спытатыця, то скажемъ, шо въ такый-то городъ идемъ, хуру веземъ, а насправди, то може хто ёго зна куды! То неправдою весь съвить пройдешь, та назадъ тилько не вернешся, а правдою трудно и пивъ версты въихать“. Мынулы чумакивъ тыхъ. Де й дилысь воны. Меньшый оглянувсь, не выдно чумакивъ. „Ашо“, каже, „брате?! А бачъ,—у насъ уговоръ такый, шо якъ-бы въ правди сказалы, то-бъ я тоби отдавъ свои гроши, а якъ не въ правди, то ты мини давай уси“. Узавъ той бидный старшый Ивась, отдавъ товаришови вси свои гроши! „Ну“,

каже, „силькось! Забравъ гроши,—Богъ зъ тобою,—беры, а таки въ правди лучше жыть, якъ не въ правди“. „Ни, не въ правди лучше. Ну давай-же“, каже, „ихать та впьять: хто не попалсь первый, та скаже шо въ правди лучше жыть, то я тоби верну назадъ гроши и твои и свои, а якъ не въ правди скаже, такъ ты мини й коня 'ддасы“. „Давай“. Поихалы.

Иде коляса. У коляси пань сыдыть. Доиздыать до пана. „Здрастуйте, пане!“ „Здорови, хлопци!“ „Ну, вы, пане, скризь проижджаєте по селамъ и по городамъ, то вы знаете: чы лучше въ правди жыть, чы не въ правди?“ „А-ай, молодци! на молодцивъ и походылы, а абы шо балакають! Якъ я иду, то скажу вамъ, шо въ такый-то городъ иду, а я може свить пройду та тилько назадъ не вернусь! А правдою и версты не вьихаты!“ Мынулы того пана; той тилько бувъ, тай нема. „А давай теперь и коня мини. Бачь! Не по правди лучче жыть, сказано“. „Нá й коня, а такы въ правди лучше жыть“. „Ни, не въ правди! Ну давай упьять ихать: якъ хто скаже у правди лучше жыть,—отдамъ твои гроши и своц, твого коня й свого, а якъ не въ правди лучше, такъ ты мини дасы й очи по-выймаць“. — „Давай“. Прыбылы руки. Идутъ.

Иде старецъ съ торбама на зустричь. Доижджають до ёго: „зрастуйте, старче Божый“. „Здоровц, хлопци“. „Ну ты, старче Божый, по свиту ходышь и вси скуства знаешь; скажи намъ: чы лучше въ правди жыть, чы въ не правди?“ „А-ай, чудакаы вы“, говорыть, „молодци, мовъ на молодцивъ и походылы, а абы, шо говорять. Ну де вы выдады, шобъ такъ у правди лучше?! Я иду, то кажу, шо въ таке-то мисто, а може пиду й дальше. То брехнею весь свить пройду, та назадъ не вернусь, а правдою и до села не дойду. Проихалы воны того старци. „Ану“, каже, „brate,—давай я тоби очи повыймаю“. Уставъ той съ коня, а цей вынявъ ножыкъ и повыдовбувавъ ёму очи. Узывъ ёго коня и поихавъ у свою дёржаву.

А той спрома пишовъ пшпечкы пляхомъ; ишовъ помы збывся зъ дороги. Обернувся назадъ и дйшовъ манивцемъ до того самого казенного лису, де дилылысь гришмы зъ товаришемъ, и впавъ у той ривъ, которымъ бувъ оконаный лисъ; а ривъ—косовой сажень вышынй, а косовой сажень шырынй. Якъ узывъ винъ у тому рови лазыть!.. Та помы лазывъ, помы зализъ у кутокъ до краю, шо дальше й никуды вже. Достававъ винъ вылизты, достававъ,—не вылизе, тай сивъ.. Сыдыть винъ до глупой ночи.

Глуна ничь наступае,—выбигае изъ лису нечистый духъ на рижокъ на той, де кинецъ рову. тай сивъ. Выскакуе другой—тай сивъ. Выскакуе третій—сивъ. Выскакуе четвертый—и той сивъ. Заразь первый и каже: „Ну, що-жь хто зробывъ? Яки чудеса“? А ти кажуть: „ни, ты первый кажъ; такъ якъ ты первый прийшовъ, такъ ты повинень и казать“. Той и каже: „Я отъ шо зробывъ: увь одній слободи заперъ джерела; то воды немае ни въ ставкахъ, ни въ колодязяхъ. Той панъ за пятнадцять верстъ воду возыть пыть людянь, бо напоить нигде; а самъ копа колодязь: хоче до воды докопатыця. Измучывъ людей на ключы,—шо не здужають и ходыть. И воды нема, и погы свиту сонця, не докопатыця до воды. А якъ-бы той панъ знавъ, шо въ ёго е на схидъ сонця хата-пустка въ слободи, то тилькы-бъ соху зъ тыи хаты выкопавъ на покути; та порубавъ на дрова, та спалывъ ии, то пишла-бъ така вода зъ тыи ямки, де соха була, шо наповныла-бъ усп става! И де прокопалы-бъ у колино—и то-бъ була вода. И вси-бъ джерела-бъ открылись. И до свитъ сонця ништо не може заборонить ти ямки“! Той выслухавъ, сыдыть соби тыхенько. Другый каже: „я отъ шо зробывъ: одному чанови греблю на яру порвавъ. И черезъ ту греблю стовповый шляхъ ишовъ. Той панъ симъ годъ ту греблю гатыть, тай някъ не загатыть. И такъ винъ людей своихъ чонивечывъ, шо не здужають и коло берега ходыть. Винъ ии шо загатыть, то я визьму тай порву. Ну якъ-бы знавъ той панъ, шо робыть, такъ винъ-бы ии за 'дынъ день загатывъ-бы. У того пана есьть чорный кабанъ и чорна свыня у сажи закнуты. То якъ-бы винъ узывъ каминь, та 'бкувавъ ёго скабамы й того кабана прыкувавъ, тай пустывъ насередъ ставу. Та сорокъ визъ терну нарубавъ колючого, та сорокъ визъ мочери (деренъ) на ризавъ на мокроводи, та навалывъ-бы той теренъ поверхъ свыни, а мочерь поверхъ терну сорокъ визъ—то й до схидъ сонця ништо не порвавъ-бы тыи гребли. Ну, а ты шо зробывъ“?—„А я отъ шо зробывъ: вылупылась у царстви царивна. Красыва й умна така, шо красывишой и умнишой якъ вона не знайты. Я ии зъ ума звивъ. Зробылась вона не помняца; лае батька и матирь скверно и не помныть ничого. Й той царъ шука по всьмъ царстви ликаря, шобъ выличыть ии Я ии соблазнывъ. Якъ ишла вона до Тайна Хрыстового прычащатысь, то выбывъ часточку зъ рукъ зъ ложечкы у священника, котору ий треба прыймаць. То та часточка упала на помистъ и запала въ щылыну. Въ тій щылыни сыдила жаба и вхvatыла ту ча-

сточку. И сыдыть та жаба й доси пидь поломь. Якъ-бы хто вынявъ ту часточку зъ жабы, той справылы-бъ царивну. Ну, а ты шо зробывъ“?—„И“, каже четвертый, „ничого не зробывъ, бо найпизнишг прыбигъ. И тильки знаю, шо объ цимъ часу, въ оцю саму мынуту, така зъ неба роса впаде, шо якъ-бы слипый помазавъ очи циею ро-сою, то ставъ-бы выдющій ище лучшій якъ бувъ.

Де е кривый,—
То якъ-бы помазавъ,
То ставъ-бы правый,

а де есть раненый, то заросла-бъ рана“. Це пивень: ку-ку-ри-ку-у! А воны въ лись и побиглы. А ослиплённый Иванъ тилько по бурьяну, шо въ роси—лапъ-лапъ-лапъ,—та все маже очи. Покры мазавъ, покы й зорю вглядивъ. Посыдивъ съ пивъ-часа, колы бачыть,—сонце сходить. Вже тоди поконавъ ямки въ стини въ яру, та за бурьянъ брався,—покы й вылизъ.

Помольвся Богу й пишовъ. Прыслушаетьця, де пивень съпива,—туды и йде на гласъ.

Якъ узавъ иты! Дійшовъ до слободы. Выпросывъ соби хлибця перекусить; чытаетьця тыхъ людей: „де тутъ у васъ така слобода, шо вода въ ий заперта“? Воны й направляють ёго: „Есть тутъ; за пьятьдесять верстъ; помшчыкъ измучывъ людей“.

Прыходять винъ у ту слободу. Копають ти люде. Бьютъ ихъ. „Здорови, люде добри“!—„Здоровъ, хлопче“!—„Шо вы робыте“? „Хлопчыно... Воды достаемъ; та насъ бьютъ. И снагы вже не стае, копаючы... А воды пема“. „А по-жъ вы мини дасте, якъ я вамъ воду открю“?—„И-и, хлопче!.. Батьку нашг! Шо хочь, те й дамо“!.. „Пьятсотъ рубливъ дасте,—такъ я вамъ воду открю, шо въ колыно прокопаете, то буде вода“. Прыкащыкъ побигъ до пана. Оповистывъ пану.

Панъ прыбигае,—
Тысячу рубливъ выкдае.

„Дайте мши, пане, чотырѣхъ чоловика изъ сокрырамы, та заступъ дайте“. Панъ зъ радистью дае имъ те все. Прышлы до хаты. Выкопалы соху, порубалы, испалылы. Якъ пишла вода съ тыи ямки!

Аж шумить! Такъ и ставы повни! Той панъ у шаплькы бере у бочки; дума, шо не буде вже воды бильшъ. Прыходе Ивась до пана, дае заступъ: „прокопайте въ колино,—буде вода“. Колы,—якъ разъ! Де не прокопають,—такъ и вода! Де не прокопають,—такъ и вода! Заплатывъ панъ тысячу карбованцивъ ёму. „Слава Тоби, Господи! Есть уже на дорогу. Иду до другого помищыка“. Пытаетьця мужыкивъ цихъ-же: „де той панъ, шо греблю гатыть“? Воны й справылы: „иды; спасы й тыхъ людей, бо й тыхъ мучять“.

Прийшовъ. Паткнувсь на тыхъ людей. Гатыть... „Здорови, каже, „хлопци“! „Здоровъ, хлопче“! „Шо вы, люде добри, робыте“? „Э-эй, хлопче... Бида! Гатымъ, ось, греблю, тай не загатымъ“. „Шо вы мини дасте, якъ я вамъ ин загатию за 'дынъ день“? Ти люде зъ радисътью. Ёго вкрылы; утѡвпылы. „Шо хочъ беры; мы-бъ тоби заплатылы, абы загатывъ. Бо мы сямъ годъ гатымо, та нѣякъ не загатымо“. „Оповисътитъ своёму пану, шо я могу загатыть; тилькы нехай дастъ те, шо я хочу“. Оповистылы. Панъ бѣжыть колясою. Пытае ёго: „Якъ ты можешъ загатыть,—шо схочъ, те й дамъ“—„Дасте мини визъ, пару коней и пятьсотъ рубливъ?—такъ загатию за 'дынъ день“. Той панъ бере ёго въ домъ; поить и кормыть и просыть: „шо ты сказавъ, те я тоби поповню, тилькы, здилай мылость, загаты“.—„Йе въ тебе, пане, въ сажы свыни и кабанъ чорни“?—„Йе“—„Не пожалій же хочъ свынц, хочъ кабана. И лежыть у тебе коло млына каминь перебытый; ну вже 'дну половины визьму и вбю свыню до каминя и пустю посередъ ставу на дно. Дай же мини, пане, сорокъ визъ терну, а сорокъ визъ пидвидъ мочерю наризати“. Каже: „йе; беры“. Винъ поихавъ; нарубавъ терну; наризавъ мочери; привизъ свыню; выпустывъ посередъ ставу. Терномъ прывалывъ, мочерю прыклавъ, шо-бъ не зорнулѡ; тоди всякымъ деревомъ прыклавъ поверхъ мочери; поверхъ древа помцеть положывъ и кобылицы¹⁾ поставывъ. Сонце зайшло. Повечерялы зъ паномъ. Панъ и каже: „уже-жъ ходимъ до гребли ночувать, бо не буде гребли“.—„Ходимъ, пане“. Повезлы кровать; повезлы й подушкы. Полигала воны спать.

Лежать не сплять,
А тилькы гуторять.

¹⁾ Перила.

Гдѣна ничь. Колю бижать по помосту, та булькѣ у воду. Наткнетьця,—заразъ чорна свиня. Шо визьметьця слыною—терень коле. Выскочить наверхъ на помистъ; „а-а, сей-сей“, каже, „сукинъ сынъ догадався шо робить цій гребли! Була така лыха лычына, шо пидслухала! Теперь уже цин гребли и до свить соньця никто не порве. Цей загатывъ добре!...“. „А чуешъ“, каже, „пане?“—„Чую“, говорыть. Забрали кровать; забрали все; поихалы въ домъ; давай пыть-гулять! На другой день дае ёму панъ визъ, пару коней самыхъ луччыхъ, пьятсотъ рубливъ грошей. Сивъ и поихавъ. „Слава Богу! Есть теперь на походъ. А понду-жь ше й до цара!—Шо Богъ дастъ!“

Прыжджае у двирецъ. Встае зъ воза. Иде прожомъ прямо въ палаты. Часови ёго не пускають: „куды ты, мужыкъ, сунешься?!“ „Мини до царя треба“. „Хто ты такой?“ „Я дохтарь“. Доложили царю, шо „якийсь до васъ дохтарь иде, та мы не пустылы“. Царь углядивъ; выскочывъ самъ на кганкы: „Ступай сюды, мужычокъ“. Винъ пидходе. „Хто ты такой?“—„Я, ваше осіательство, дохтарь“.—„Какой ты дохтарь?“—„Я чувъ, шо въ васъ малоумна дочерь йе“. „Ие“. Царь схватывъ ёго пидъ плечи: веде ёго у палаты. „Шо ты, голубыкъ, можешъ мою дочерь поличыть?“—„Можу, ваше осіательство“. „Я тоби, братецъ, за те половыну царства-бъ отдавъ, какъ ты можешъ“.—„Можу“, говорыть. Зъ велькою радистью составляе царь шыръ; князивъ и санатѳривъ клыче. Сочыняе бумагу и.... объясняе князьямъ и санатѳрамъ: „половыну царства даю дохтарю за услугу, якъ шо винъ можетъ наставыть мою дочерь, какъ була“. Князи и санатори дають руки; царь пидписавъ, шо неодминно оддасть половыну царства, якъ выличыть, а якъ не выличыть, такъ казныть ёго. Винъ заразъ сказавъ: „що-бъ булы мини клищи и нижъ гострый“. И спытавъ царя, якого воны прыхода. Царь указавъ; прызнавъ и священныка, де вона й хрестылася и де воны велькій пистъ говіють. И тоди винъ звеливъ увесты дочерь,—подывытьця на неи. Увели ии. Вона дае царя въ батька и въ матирь!... Винъ подывывсь-подывывсь: „Это ничево“, говорыть, „звисьтитъ священныку: нехай дозволе дзвонить, а самъ-же нехай иде службу правыть“. Ввійшылы у церкву. Винъ вырвавъ помостыну передъ вратамы: колы сыдыть жаба здоревенна пидъ помостомъ. Винъ хватнувъ ту жабу клищамы, распоровъ черево, вынявъ часточку и давъ священныкови въ чашу, шо-бъ освятывъ ии у служби; а тымъ часомъ привели й царивну. Освятылы ий воду на голову;

высповидавъ іи священникъ; одправивъ службу и причастивъ іи. Якъ приняла вона Тайна,—ударыла чотыри поклоны на вси чотыри стороны. И спытала всего мыру, скільки було въ церкви: „хто мене на свить пустывъ? Я теперь здорова,—якъ на свить народылась“. Поцилувала батька й матирь у руку, й пишы у дворець.

Допытуе царивна отца: „хто мене, тату, на свить пустывъ?“ Царь бере за руку дохтаря; а винъ у спрій святи!.. „Оце, дытыно моя, дохтарь той, шо тебе выличивъ“.—„Чымъ же вы ёму, тату, подякуете?“—„Половину царства ёму отдаю“. А вона каже: „не такъ, тату, якъ вы думаете, а буде такъ, якъ синодъ скаже. Поидьмо въ синодъ; хай насъ закономъ розсудятъ: чымъ ёго 'дблагодарыть?“ Царь согласенъ бувъ тому. Поихалы въ синодъ. Царивна предложила снатёрщыкамъ осудитъ закономъ: хто іи на свить пустывъ? Батько й пытае: „Чымъ же ты, дочко, хочь одблагодарыть?“—„Я, тату, хочу,—хто мене на свить пустывъ,—за того замижъ питы“. Царь синодъ запросивъ: „Якъ вона хоче,—я не могу й вдержать и супыныть“. Заразь Ивася прыбралы у золоту одежу, повелы въ храмъ и перевинчалы. Весилья 'дбулы. Погулялы. „Вы, батюшка, поминылысь дарувать пивъ царства моёму чоловікови; позвольте получить“. Уже батькови никуды спрыснѹтъ; треба дарувать. Получыла вона пивъ царства. Черезъ мисяць така вродлыва стала, шо й по всихъ царствахъ, по всихъ государствахъ не можна найты вродлывишой якъ вона; а шо розуму,—не постыжымо!

Жывуть вони й мисяць, жывуть и другый. Ходе разъ Ивась по двору и заплакнувъ. Вона вглядила черезъ викно; якъ выскочыла, якъ зачала его допытуватьця: „зачимъ ты журысься?“ „Та то я такъ“, говорыть. „Та чого таки ты мини не прызнаесься?!—Я-жъ твоя жена. За чимъ ты журысься, шо такъ гирко заплакавъ?“ „Шо-жъ“, каже, „серденько! Я теперь доволенъ на все; а бувъ состоянныя бидного: зъ мужыкивъ. Тай здумавъ!.. Шо въ мене маты йе жыва; то може хлиба де просыть по-пидъ виконьяю“.

„Такъ ты-бѣ, серденько, мини давно-бѣ сказавъ,

Та зо мною-бѣ свою матирь одыськавъ“.

Узяла повкъ вѣйска; запряглы въ колясу коней, силы и поихалы одыськувать матирь.

Прыпхалы до слободы, до тыи самои, де маты ёго живе, и стали на гори, — а слобода въ яру. И вбрала вона ёго въ салдацьку одежу и послала шукать матери. Прыходять винь до матерыного двору. Хата вже розвалылась... крохвы попадалы... Винь прыходять у хатку и просыть воды напытьця. Старуха встае съ печи, бидна... просыть ёго сидать. „Куды тебе, салдатыку, Богъ несе?“ „По одставци, бабушка, до дому“. „Э-э-эхъ, службы-вень-кый“, говорыть, „оттакъ десь и моя дытына! Чы воно живе, чы нема?!?... Може де въ салдатахъ, а може де такъ померло“.... „Хиба вашъ, бабушка, сынъ у салдатахъ?“ „Э-э, ни“, говорыть, „оттуть удова есть сусида; така стара якъ и я... Та пишовъ мій сынъ на заробиткы зъ ии сыномъ; такъ винь прыйшовъ. та грошей заробывъ багато, та багатіе; нема багатного й у слободи якъ винь!... А я про свою дытыну, якъ пытала, такъ каже, шо якъ дійшлы на мисто, та тилькы й бачылысь.—Спдай-же, сыночку, хочъ перекусышъ“. Дала вона ему источки... Винь попиовъ, попрощавсь и пишовъ.

Прыходе до жинкы: „Ну“, каже, „найшовъ я свою матирь“. Тоди вбравсь у дорогу одежу, узывъ жену; прыходе до матери. „Здрастуйте, мамо!“ Вона тилько плечыма здвигнула. „Чы вы мене пизнали, мамо?“ Вона въ плачь!... И одрикаетьця, шо „не могу я тебе, сыночку, пизнать, чы ты сынъ мій. Якъ ты сынъ мій, такъ ты мене повыненъ пизнать“. Винь тоди пославъ салдатывъ до волости зозвать старшыну. Прыходе старшына. „Шобъ булы переризы горилкы. Гроши заплачени будуть“. Склыкавъ усю слободу гулять. Самыхъ багачывъ собравъ у хату, а людямъ на двори обидъ поставывъ. Дывытьця, — уся слобода зійшлась, тилькы нема ёго товарыша. „За-чпмъ“, каже, „старшына, усп хазяины йе, а, якъ я замичаю, тилько одного нема? Прызвать мини й того; шобъ була уся слобода передъ очыма“. Прызывае старшына и того-жъ багача. Винь ёго бере за стиль и сажает помижъ себе. Бере пляшку й чарку, частуете всихъ, помы й до ёго дійшло. „А пый“, каже, „брате, чарку й ты“. Той трусутьця... пизнавъ... „А пый“, каже, „брате, за правду“. Той поблпвъ якъ глына!... Выпывъ. „О теперь-же, братыця, выпью й я за правду.

Чы ты“, каже, „брате, знаешъ, якъ мы вмисти робылы?

Чы ты, знаешъ, брате, якъ мы въ лито сорокъ рубливъ заробылы?

А ще-жъ, якъ пишли у заводы. то сорокъ тысячъ заробылы за зиму.

А знаешъ“, каже, „брате, якъ мы й по судахъ ше ходылы? Та ше сорокъ чотыри тысячч заробылы?

Чы ты, брате, знаешъ, якъ ты сказавъ: нумъ иты до-дому? Та я-жъ, брате, ривно подильвъ гроши: шо минн, ше тоби. Та ше тоди й кони покупылы.

Чы ты, брате, знаешъ, якъ мы въ погрибъ гулять ходылы. Та ты сорокъ тысячъ у кабаці прогулявъ?

Чы ты, брате, знаешъ, якъ я твои сорокъ тысячъ на другый день вызволявъ?

Чы ты, брате, знаешъ, якъ мы утикалы.

Та все таки правды шукалы?

А ты, брате, неправдою й сьвить пройшовъ,

Тай назадъ вернувсь,

А я, брате, въ правди й версты не зайшовъ?!. .

Та все таки, брате, я казавъ: у правди лучше жыть, якъ у неправди!

Чы ты, брате, знаешъ, якъ ты минн въ неправди й очн повыймавъ?

А я таки правдою тебе, брате, й дома шукавъ?!...

А бачъ, брате, въ правди лучше жыть, якъ не въ правди! Я тоби, брате, головы зъ илечъ не здійму, жывы соби, Богъ зъ тобою, а тилки.....

Мисячивъ черезъ два громовымъ вогнемъ запалывъ Господь домъ багачивъ, погорило все ёго багатство и винъ пишовъ зъ торбою по-пидъ виконью. А Йвась живе зъ своею жинкою и зъ матирью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи ссылки Луцкаго епископа Діонисія Жабокрицкаго. Какъ извѣстно, луцкій городскій писарь и кременецкій подстароста Дмитрій Жабокрицкій, избранный въ 1696 году волинскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, какъ ревнитель православія, на Луцкую епископскую кафедру и вступившій въ управленіе ею подъ именемъ Діонисія, въ 1702 году, вслѣдствіе стеченія разнаго рода обстоятельствъ, былъ вынужденъ принять унію. Эта измѣна вызвала такое сильное противъ него озлобленіе среди православныхъ дворянъ, что онъ вынужденъ былъ на время бѣжать въ Венгрію, и когда рѣшился навѣдаться въ свою епархію, то его враги, главнымъ образомъ, его же родственники, въ 1710 году схватили его и передали въ распоряженіе русскихъ военачальниковъ, находившихся въ то время на Волини вмѣстѣ съ войсками по случаю войны со шведами. По приказу Петра I, онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттуда въ ссылку, гдѣ и умеръ въ 1715 году. Куда именно сосланъ былъ Діонисій, въ большей части историческихъ сочиненій, трактующихъ объ этомъ эпизодѣ, нѣтъ указаній. Въ одной лишь лѣтописи Величка есть упоминаніе, что несчастный владыка былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Мы имѣемъ документальное доказательство, вполне подтверждающее это лѣтописное свидѣтельство и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти рисующее положеніе Жабокрицкаго въ Соловкахъ, куда онъ попалъ не за какія-либо провинности противъ русскаго правительства, а единственно по интригамъ своихъ личныхъ враговъ, да еще развѣ за то, что былъ друженъ съ гетманомъ Мазепою. Доказательство это—приводимое ниже письмо холмогорскаго (такъ ранѣе назывались архангельскіе архіереи) архі-

епископа Рафаила, сохранившееся въ числѣ многихъ другихъ старинныхъ документовъ XVII—XVIII вв. въ Архивѣ б. холмогорскаго архіерейскаго дома.

При этомъ считаю нужнымъ пояснить, что въ первой половинѣ XVIII в., при Петрѣ I-мъ и его ближайшихъ преемникахъ, въ числѣ архангельскихъ (холмогорскихъ) архіереевъ было нѣсколько человѣкъ уроженцевъ Малороссіи. Какъ уроженцы юга, они по чувству землячества принимали близкое участіе въ судьбѣ своихъ земляковъ-малороссовъ, попадавшихъ въ ссылку на далекій сѣверъ, и, насколько возможно было, облегчали тяжелое ихъ положеніе. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и упомянутый выше архіерей Рафаиль, по фамиліи *Краснопольскій*, уроженецъ Каменца-Подольскаго и воспитанникъ Кіево-Могилянскои Коллеги, родившійся въ 1668 году. Вотъ что онъ писалъ архимандриту и старшей братіи Соловецкаго монастыря по поводу отправленія къ нимъ бывшаго лудскаго епископа:

«О Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужителю нашему, епархіи нашей Соловецкаго Монастыря архимандриту Фирсу, келарю старцу Иларіону, казначею іеромонаху Дорошею з братією, наше архіерейское благословеніе буди преподаемое нынѣ и всегда.

Въ нынѣшнемъ 7111 (1711) году, по указу великаго государя, посланъ с Москвы к вамъ, въ Соловецкій Монастырь, преосвященный Діонисій Жабокрицкій, человѣкъ знатный. И егда онъ к вамъ в Соловецкій Монастырь будетъ, да повелитъ ваше преподобіе ему, преосвященному Діонисію, для житія отвезти келью въ удобность и дать к нему в келью искуснаго и грамотнаго старца ради послуженія и прочтенія келейнаго его архіерейскаго правила, котораго самъ за старость свою и за немощь отпратить не изможетъ. И будете к нему, полученія ради милости Божіея, милосерды и любительны, якоже и Отець нашъ небесный до насъ милосердъ есть: яже бо меньшимъ Христовымъ сотворите, самому Христу сотворите, а милость Божія и Пречистыя Богородицы и преподобныхъ отцев Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, молитвы и наше архіерейское благословеніе с вами есть і буди нынѣ і всегда.

Писася в походе нашемъ, во градъ Архангельскъ, в дому Всемилостиваго Спаса і в нашемъ архіерейскомъ, лѣта Господня 1711, іюля 15 дня»¹⁾.

¹⁾ По описи стараго Холмогорскаго Собора. Архива № 919.

Весьма замѣчательнъ тонъ этого ходатайственнаго письма. Безъ сомнѣнія, архіепископу Рафаилу былъ извѣстенъ фактъ перехода Жабокрицкаго въ унію, но онъ зналъ, что не за это его подвергли ссылкѣ, и потому въ письмѣ онъ титудуетъ его «преосвященнымъ» и проситъ оказать ему подобающее уваженіе, какъ человѣку «знатному» и притомъ удрученному годами и несчастьемъ. Весьма вѣроятно, что благодаря этому гуманному посредничеству и протекціи Рафаила, жизнь Жабокрицкаго въ Соловкахъ не была собственно заточеніемъ, и не въ этомъ ли кроется причина, почему въ изслѣдованіяхъ г.г. Ефименка и Колчина о ссыльныхъ, содержавшихся въ Соловецкомъ монастырѣ въ XVIII в., о Жабокрицкомъ не упоминается. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ письма архіерея Рафаила, Жабокрицкій посланъ былъ въ Соловецкій монастырь не въ ссылку въ строгомъ смыслѣ этого слова, а на покой, почему въ монастырскомъ архивѣ въ дѣлахъ о ссыльныхъ и нѣтъ о немъ упоминанія.

Г. К.

Несостоявшійся проектъ учрежденія въ Кременчугѣ дворянскаго пансіона въ 1809 г. Въ февралѣ 1809 г. къ полтавскому губернатору А. Козачковскому, по дѣламъ службы пріѣхавшему въ Кременчугъ, обратился мѣстный предводитель дворянства Лука Павловичъ Руденко съ формальнымъ заявленіемъ о томъ, что, «движимый усердіемъ къ благу общему и вѣдая, что всякая жертва, приносимая въ пользу отечества, есть прямое доказательство истинной любви къ оному», онъ желаетъ учредить при кременчуцкомъ повѣтовомъ училищѣ «институтъ» для содержанія въ немъ 12-ти учениковъ изъ дворянскихъ дѣтей, преимущественно сиротъ, для чего готовъ пожертвовать капиталъ въ 40,000 рублей и сверхъ того выстроить на свой счетъ помѣщеніе для института стоимостью до 10,000 р. Прося губернатора пеходатайствовать разрѣшеніе начальства на осуществленіе его патріотическаго намѣренія, Руденко представилъ вмѣстѣ съ этимъ и составленный имъ «Проектъ правилъ Института для благороднаго юношества», состоящій изъ 11-ти параграфовъ. По смыслу этого проекта, новое воспитательное учрежденіе явилось бы не чѣмъ инымъ, какъ пансіономъ, воспитанники котораго ходили бы учиться въ повѣтовое училище. Во главѣ института ставился попечитель, каковымъ до своей смерти долженъ быть самъ учредитель, послѣ него его жена, а за-

тѣмъ уже лице, избранное дворянствомъ кременчугскаго уѣзда. Попечителю ввѣрялся общій надзоръ за институтомъ, и онъ обязанъ былъ представлять ежегодный отчетъ начальнику губерніи, которому Руденко «поручалъ институтъ въ особенное покровительство». Для ближайшаго завѣдыванія институтомъ назначался надзиратель, съ жалованьемъ въ 250 р. въ годъ, и его помощникъ, съ жалованьемъ 150 р.; оба эти лица избирались попечителемъ и утверждались въ должностяхъ Харьковскимъ университетомъ, которому, на основаніи изданныхъ министерствомъ нар. просвѣщенія въ 1803 г. «Правиль», поручено было завѣдываніе училищами полт. губерніи. Надзиратель долженъ былъ вѣдать хозяйственную часть въ институтѣ, а его помощникъ—учебную. Оба они должны были жить въ институтѣ, всегда находиться при воспитанникахъ и имѣть съ ними общій столъ. Ежегодное содержаніе института Руденко опредѣлялъ въ 2332 р. 50 коп., каковую сумму онъ обязывался вносить ежегодно, а послѣ его смерти ту же сумму должны были вносить его наслѣдники; въ случаѣ же продажи имѣнія, учредитель или его наслѣдники должны были, въ обезпеченіе института на вѣчныя времена, внести въ приказъ общественнаго призрѣнія наличными 40,000 рублей.

Губернаторъ Козачковскій очень сочувственно отнесся къ намѣренію Руденка и въ своемъ донесеніи малороссійскому генераль-губернатору князю Лобанову-Ростовскому ходатайствовалъ о награжденіи его «за такой благотворительный подвигъ» орденомъ Анны 2 ст. Самъ Руденко, въ письмѣ къ генераль-губернатору, просилъ принять благосклонно его пожертвованіе и не оставить его самого «милостивымъ воззрѣніемъ». Князь Лобановъ-Ростовскій охотно исполнилъ его желаніе и, сообщая министру внутреннихъ дѣлъ князю Б. А. Куракину о проектѣ Руденка, съ своей стороны ходатайствовалъ о наградѣ щедрому жертвователю.

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Жена Руденка, Анастасія Андреевна, урожденная Магденко, послала на имя князя Куракина длинное прошеніе о томъ, чтобы не было дано хода проекту ея мужа относительно учрежденія въ Кременчугѣ «Института для благороднаго юношества». Она писала, что мужъ ея наслѣдовалъ имѣніе, обремененное долгомъ въ 95,000 рублей; путемъ неуспынныхъ заботъ и стараній ей съ мужемъ удалось пока погасить часть этого долга, именно 65,000 р. «но еще остается погасить немалую сумму, около 30,000 р. «Не сдѣлавшись свободнымъ отъ сей тяготы,—жаловалась

она,—мужъ составилъ «Положеніе» объ институтѣ, мимо меня учиненное, которое разрушаетъ все состояніе его, купно и мое. Институтъ для воспитанія двѣнадцати благородныхъ дѣтей въ Кременчугѣ, заводимый на счетъ обремененнаго долгами имѣнія, и сверхъ того возлагаемая на оное же имѣніе сумма въ сорокъ тысячъ рублей, да на построеніе дому десять тысячъ,—и такъ составляется на то имѣніе долговая сумма семьдесятъ пять тысячъ». Между тѣмъ изъ бывшихъ раньше въ имѣніи 486 душъ крестьянъ сто душъ уже продано, и ей, всю жизнь неуспынно работающей въ видахъ поправленія разстроеннаго состоянія мужа, совѣмъ не изъ чего будетъ уплачивать такую крупную сумму изъ его имѣнія. Поэтому, не отвергая пользы учрежденія задуманнаго мужемъ института, она просила князя Куракина «возвратить отзывъ о семъ мужа моего и начертаніе правилъ сего института для поправленія сообразно теперешнимъ мыслямъ и тѣмъ удержать до времени установленіе онаго».

Князь Куракинъ такъ и сдѣлалъ. Онъ возвратилъ всю переписку по этому дѣлу князю Лобанову и просилъ рассмотреть его вновь, «ибо,—писалъ онъ,—соображенія жены Руденка не могутъ не заслуживать уваженія, и подобныя пожертвованія зависятъ единственно отъ доброй воли и притомъ, чтобы они не были противны законамъ». Кн. Лобановъ запросилъ самого Руденка, что онъ думаетъ объ этомъ дѣлѣ, и тотъ отвѣтилъ: «по встрѣчающимся въ семъ случаѣ противнымъ «Положенію» моему обстоятельствамъ, оставляю намѣреніе мое до удобнѣйшаго и всѣ препятствія удалить могущаго времени». Такъ и не состоялось открытіе кременчугскаго института, второго интерната въ полтавской губерніи (первымъ былъ «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ въ Полтавѣ»).

Нужно прибавить къ этому, что Анастасія Андреевна Руденко вовсе не была скупой женщиной и сдѣлала немало добраго для своихъ крестьянъ. Затѣмъ мужа она лишь потому не сочувствовала, что эта затѣя превышала его средства; но въ своемъ родовомъ имѣніи, с. Глобиномъ, перешедшемъ затѣмъ къ Магденкамъ (отъ которыхъ недавно перешло въ другія руки) она построила въ 1837 г. превосходный каменный храмъ, какой трудно встрѣтить въ деревняхъ, и положила капиталъ въ 4786 р. на его ремонтъ. Помимо этого, она оставила капиталъ въ 33,000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ него шли

на уплату податей за ея крестьянъ ¹⁾—явленіе рѣдкое, если не единственное въ Полтавщинѣ. Погребена она въ Глобиномъ, въ выстроенномъ ею храмѣ. (*Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 397*).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

Злоупотребленіе при перемѣнѣ ассигнацій въ 1819 г. Высочайшимъ повелѣніемъ, 1-е мая 1819 г. было назначено послѣднимъ днемъ, когда должны быть введены новыя ассигнаціи 100, 50 и 25 р. достоинства. Для Сибири такимъ срокомъ было назначено 1-е августа 1820 г. Какъ бывало и впослѣдствіи, многіе не успѣвали обмѣнять старыхъ ассигнацій, а многіе, живущіе въ захолустьяхъ, и не знали объ этомъ законѣ, чѣмъ и воспользовались евреи: они покупали эти ассигнаціи за безцѣнокъ и отсылали ихъ въ Сибирь, гдѣ получали за нихъ полную стоимость. Это было замѣчено стряпчимъ кременчугскаго уѣзда, который донесъ объ этомъ прокурору полтавскому. «Покупаютъ евреи, — писалъ прокуроръ, — у простолюдинъ тѣ старыя ассигнаціи за самыя низкія цѣны, такъ, что третью токмо долю новыхъ ассигнацій платятъ простолюдинамъ, въ надеждѣ передать къ промѣну въ сибирскія губерніи. Простолюдинъ же теряетъ на старыхъ ассигнаціяхъ значительную сумму, черезъ что, понеся ощутительный убытокъ, могутъ прійти въ несостоятельность къ платежу государственныхъ податей», а потому стряпчій просилъ разрѣшенія о принятіи единовременно въ казну «отъ однихъ токмо простолюдиновъ, для поддержанія участи ихъ, оставшихся у нихъ старыхъ ассигнацій, за первымъ о томъ имъ объявленіемъ». (*Архивъ полт. губ. правл. 1820, по описи № 289*).

Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1798 г.). Между рукописями, хранящимися въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора, находятся два репорта правленія Кіевской духовной Академіи. Первый изъ нихъ 17 марта 1798 г. поданъ на имя Кіевского митрополита Геродея Малицкаго, а второй 31 августа

¹⁾ Этой процентной суммой и въ настоящее время пользуются крестьяне с. Глобина.

1800 г. на имя Киевскаго митрополита Гавриила Банулеско. Репорты эти, по содержанию своему, имѣютъ большой интересъ для желающихъ познакомиться съ Киевскою академіею въ самомъ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, а потому я долгомъ своимъ считаю напечатать ихъ на страницахъ Киевской Старины. Помѣщаю пока первый.

Въ немъ сообщаются митрополиту Героюею слѣдующія свѣдѣнія о Киевской Академіи:

I.

„Академическій училищный каменный домъ состоитъ въ нижнемъ городѣ Киево-Подолѣ при бывшемъ братскомъ монастырѣ, который именнымъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины вторыя 1787 года марта 15 дня состоявшимся указомъ велѣно для Академіи оставить о двухъ этажахъ, при коемъ для Префекта и учителей имѣются каменные и деревянные, выгодныя для житія келли, и каменная бібліотека, а для учениковъ, живущихъ на казенномъ содержаніи, немного подалѣ на берегу рѣки Днѣпра, имѣется каменный же о 13 жилыхъ камерахъ особый домъ съ каменною поварнею и пекарнею, изъ которыхъ 13 камеръ двѣ занимаются больницею; и по тѣснотѣ мѣстоположенія, въ силу вышеписаннаго высочайшаго указа, хотя слѣдовало давно выстроить особую больницу, но за неотведеніемъ отъ города особаго на оную мѣста, остается то высочайшее повелѣніе безъ исполненія. Мѣста, занимаемая какъ Академіею и келіями учительскими, такъ и домомъ для казенныхъ учениковъ, весьма выгодныя; а посему, кромѣ распространенія послѣдняго, въ другое мѣсто переносить Академію надобности никакой нѣтъ.

II.

Къ отправленію нужныхъ службъ ежегодно нанимаются 1) для топленія и чищенія школъ и покосовъ учительскихъ четыре челоуѣка; 2) для обереженія церкви и всего въ Академіи строенія сторожа два; 3) для присмотра конюшеннаго двора и учительскихъ лошадей два конюха; 4) въ домѣ сиротскомъ, гдѣ ученики жительствоуютъ, какъ оный отстоятъ отъ школъ и учительскихъ покосовъ въ особомъ нѣсколько далекомъ мѣстѣ, четыре сторожа, два повара, два хлѣбника и два истопника; 5) для покупки ученикамъ съѣстныхъ припасовъ и содержанія оныхъ комиссаръ; 6) для письменныхъ дѣлъ одинъ при-

казный и два шисца. Какже въ студенческомъ спротскомъ домѣ, по причинѣ множества живущихъ въ ономъ, бываетъ немалое число больныхъ, для врачеванія которыхъ сыскивался со стороны лекарь съ крайнею неудобностію, для того и нужно навсегда опредѣлить при Академіи лекаря на годовомъ жалованьѣ.

III.

Въ сей Академіи ученіе нынѣ продолжается слѣдующимъ порядкомъ:

Обучаютъ чистописанію, правописанію, катихизису сокращенному и пространному, изъясненіямъ евангелій праздничныхъ, букварю латинскому, правиламъ для учащихся, книгѣ о должностяхъ, всеобщей исторіи и географіи, російской и латинской грамматикѣ, чистой и смѣшенной математикѣ, ариѳметикѣ, російской и латинской риторикѣ и поэзіи, философіи на латинскомъ языкѣ, а физикѣ на російскомъ, богословіи на латинскомъ и російскомъ языкахъ, языкамъ же греческому, еврейскому, нѣмецкому, польскому и рисовальному искусству.

Часовъ въ седмицѣ: Богословію 12 часовъ, философіи 12, риторикѣ латинской 6, риторикѣ російской 6, поэзіи латинской 6, поэзіи російской 6, высшаго класса грамматики 12, средняго класса грамматики 12, нижняго класса грамматики 12, Математикѣ чистой 6, математикѣ смѣшенной 3, географіи и исторіи 6, греческому языку 6, нѣмецкому 6, еврейскому 3, польскому 3, рисованію 3.

Вышеописанныя науки преподаются по нижеслѣдующему.

Въ понедѣльникъ: поутру въ 8 и 9 часу математика чистая; въ 10 и 12 ч. грамматика латинская и російская, поэзія російская, риторика латинская, философія и богословія латинская и російская. Полудни въ 2 и 3 ч. ариѳметика, а въ 4 и 5 час. исторія и географія.

Во вторникъ: поутру въ 8 и 9 ч. греческій языкъ; въ 10 и 11 грамматика латинская и російская, риторика російская, поэзія латинская, философія и богословія латинская и російская. Полудни въ 2 ч. смѣшенная математика и рисованіе, въ 3 и 4 час. нѣмецкій языкъ, а въ 5 ч. еврейскій и польскій языки.

Въ среду: поутру въ 8 и 9 ч. чистая математика; въ 10 и 11 часу грамматика, поэзія, риторика и проч. такъ, какъ въ понедѣль-

никъ. Пополудни въ 2 и 3 ч. ариѣметика; въ 4 и 5 час. исторія и географія.

Въ четвертокъ: поутру въ 8 и 9 часу греческій языкъ; въ 10 и 11 часу грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ вторникъ. Пополудни въ 2 ч. смѣшенная математика и рисованіе; въ 3 и 4 нѣмецкій языкъ; въ 5 польскій и еврейскій языкъ.

Въ пяттокъ: поутру въ 8 и 9 часу чистая математика; въ 10 и 11 грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ въ понедѣльникъ и среду.

Въ субботу: Поутру въ 8 и 9 часу греческій языкъ; въ 10 и 11 грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ во вторникъ и четвертокъ. Пополудни въ 2 часу смѣшенная математика и рисованіе; въ 3 и 4 нѣмецкій языкъ, въ 5 польскій и еврейскій языкъ.

Въ классахъ же обучаютъ: въ нижнемъ грамматическомъ классѣ 1) Сокращенному катихизису; 2) чистописанію; 3) правописанію; 4) правиламъ для учащихся; 5) російской грамматикѣ; 6) букварю латинскому или первообразнымъ латинскимъ словамъ; 7) латинской грамматикѣ I и II части.

Въ среднемъ грамматическомъ классѣ: 1) Сокращенному катихизису; 2) правописанію; 3) грамматикѣ російской; 4) священной исторіи; 5) школьнымъ разговорамъ; 6) латинской грамматикѣ I, II и III части.

Въ высшемъ грамматическомъ классѣ: 1) пространному катихизису; 2) школьнымъ разговорамъ; 3) Гибнеровой исторіи на латинскомъ языкѣ; 4) латинской грамматикѣ всей съ примѣчаніями; 5) правописанію и 6) російской грамматикѣ.

Въ поэзіи: 1) пространному катихизису; 2) книгѣ о должностяхъ челоуѣка и гражданина; 3) поэзіи латинской и російской; 4) чтенію и переводу авторовъ латинскихъ и російскихъ.

Въ риторикѣ: 1) риторикѣ російской и латинской; 2) изъясненіямъ евангелій; 3) чтенію и переводу російскихъ и латинскихъ авторовъ.

Въ философій: 1) изъясненіямъ евангелій, что и подѣ дни воскресные пмѣтегъ быть продолажаемо; 2) философій латинской Бавмейстеровой; 3) физикѣ на російскомъ языкѣ.

Въ богословіи: 1) Богословіе на латинскомъ языкѣ; 2) богословіе на російскомъ языкѣ преосвященнаго Платона.

Котораго порядка ученія въ разсужденіи, что ученики довольные всегда оказываютъ успѣхи—перемѣнить не слѣдуетъ, кромѣ что для смѣшанной математики вмѣсто 3 часовъ въ недѣлю положить 6, которому и обучать во время ариѳметическаго класса, яко въ оный студенты философіи и богословія, обучающіеся сей науки, въ ариѳметическій классъ не ходятъ.

IV.

Изъ наукъ, сверхъ показанныхъ въ указѣ св. синода въ 2, 3, 4 и 5 пунктахъ, прибавлено рисовальное искусство. Остается къ тому прибавить опытную физику и возстановить французскій языкъ, ежели на то св. синода благоволеніе будетъ.

V.

Кто именно изъ Академіи учителя, чему и гдѣ обучались и чему нынѣ обучаютъ и сколько получаютъ жалованья ниже сего явствуетъ.

Иеромонахъ Иринеи. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1772 г. отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ и поэзи, а съ 1775 года продолжалъ ученіе въ чужихъ краяхъ, гдѣ находясь чрезъ 8 лѣтъ обучался впервые въ Венгерскомъ городѣ Токаѣ, потомъ въ Презбургѣ отъ нижнихъ классовъ до риторики, также исторіи, географіи, ариѳметикѣ, нѣмецкому и венгерскому языкамъ, потомъ въ городѣ Цестѣ—философіи, экономіи, исторіи, алгебрѣ, геометріи, механикѣ, архитектурѣ, гражданской и экспериментальной физикѣ; а возвратясь въ Россію 1783 года обучался богословію и греческому языку. Обучаетъ богословіе на латинскомъ и російскомъ языкахъ и смѣшанной математикѣ. За богословіе 280 рублей, а за смѣшанную математику 50 рублей. Итого 330 руб. Жалованье за смѣшанную математику митрополитъ Героеей увеличилъ ему на 20 руб.

Академіи префектъ іеромонахъ Инокентій. Обучался въ Кіевской Академіи съ 1775 г. отъ низнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзи, риторикѣ, философіи и богословіи и притомъ греческому и нѣмецкому языкамъ, также ариѳметикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ на латинскомъ языкѣ философіи и на російскомъ теоретической физикѣ. 250 рублей. Митрополитъ Героеей увеличилъ эту сумму на 50 рублей.

Геромонахъ Такинъ. Обучался въ Кіевской Академіи съ 1779 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ французскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, арифметикѣ, геометріи, тригонометріи, механикѣ, архитектурѣ гражданской и оптикѣ. Обучаетъ латинской риторикѣ и содержитъ бібліотеку. За риторику 120 рублей, а за содержаніе бібліотеки 50 рублей. Итого 170 руб. Митрополитъ Герошей увеличилъ это жалованье на 30 рублей.

Іерей Михаилъ. Обучался въ кіевской академіи, начавъ съ 1782 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и Богословіи, также арифметикѣ, исторіи, географіи, геометріи, алгебрѣ, французскому, нѣмецкому и греческому языкамъ. Обучаетъ латинской поэзіи. 120 рублей. Сумму эту митрополитъ увеличилъ на 10 рублей.

Никита Соколовскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1782 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и Богословіи, и притомъ французскому языку, также арифметикѣ, исторіи и географіи; съ 1792 года, по избранію академіи и резолюціи покойнаго преосвященнаго митрополита Кіевского Самуила, отправленъ былъ въ Московскій императорскій университетъ для надлежащаго приготовленія къ учительской должности, гдѣ, принявъ будучи студентомъ, обучался греческому и нѣмецкому языкамъ, русскому и латинскому краснорѣчію съ критикою, опытной физикѣ, энциклопедіи, всеобщей исторіи, римскому и русскому законоискусству. Обучаетъ поэзіи и риторикѣ русскаго, такожъ исторіи и географіи. Изъ бѣльцевъ. За риторику 120 р., за поэзію 120 р., за исторію и географію 100 р. Итого 340 р. За преподаваніе риторики митрополитъ добавилъ ему 10 рублей.

Осипъ Козачковскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1784 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи и притомъ французскому и греческому языкамъ, арифметикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ высшему классу грамматикѣ. Изъ бѣльцевъ. 150 рублей; къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему 20 рублей.

Григорій Шежновскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1776 г. отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ нѣмецкому, греческому и еврейскому языкамъ, арифметикѣ, исторіи и географіи.

Обучаетъ среднему классу грамматикѣ и нижнему нѣмецкаго языка. Изъ бѣльцевъ. За средній грамматическій классъ 120 р за нижній нѣмецкій 100 р. Итого 220.

Димитрій Ивановичевъ. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1784 г. отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ ариѳметикѣ, исторіи, географіи, греческому и еврейскому языкамъ. Обучаетъ нижнему классу грамматикѣ и еврейскому языку. Изъ бѣльцевъ. За грамматическій классъ 100 рублей, за еврейскій языкъ 70 р. Ему добавлено за еврейскій языкъ 30 р.

Степанъ Семяновскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1786 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, между тѣмъ исторіи, ариѳметикѣ, географіи, чистой и смѣшенной математикѣ, греческому и польскому языкамъ. Обучаетъ греческому языку. Изъ бѣльцевъ. 120 рублей. Къ этой суммѣ митрополитъ ему добавилъ 10 р.

Іерей Савва Стрѣлецкій. Обучался въ Винницкой Академіи, начавъ съ 1778 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ и философіи, между тѣмъ польскому языку и ариѳметикѣ; съ 1791 г. въ Радомыльской семинаріи чрезъ годъ обучался богословіи. Обучаетъ польскому языку. 50 рублей; къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему съ 1 января 1798 года еще 50 рублей.

Тимошеи Максимовскій. Обучался съ 1788 года въ Кіевской Академіи отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ нѣмецкому языку, рисовальному искусству, чистой и смѣшенной математикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ рисованію и чистой математикѣ. Изъ бѣльцевъ. За рисованіе 60 рублей, за чистую математику 100 р. Митрополитъ за рисованіе добавилъ ему 10 рублей.

Самуиль Храпановъ. Обучался съ 1790 г. въ Прешовской гимназіи отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ и философіи, притомъ всеобщей исторіи и географіи, также чистой и смѣшенной математикѣ всѣмъ частямъ; съ 1793 г. въ Пресбургѣ обучался богословіи, между тѣмъ при природномъ венгерскомъ языкѣ обучался также славянскому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. Обучаетъ высшему классу нѣмецкаго языка.

Изъ бѣльцевъ. 50 рублей. Къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему съ 1 января 1798 г. еще 50 рублей.

Имятъ Гловацкій. Обучался съ 1786 года въ Овручской семинаріи отъ низшихъ классовъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ по риторикѣ, а съ 1793 года въ Московской семинаріи продолжалъ по философіи, гдѣ обучался ариѳметикѣ, алгебрѣ, чистой и смѣшенной математикѣ, исторіи и географіи, нѣмецкому языку, экспериментальной физикѣ, а съ 1795 года прибылъ въ Кіевскую Академію, гдѣ продолжалъ философію и богословію. Обучаетъ ариѳметикѣ. Изъ бѣльцевъ. Въмѣсто 50 рублей митрополитъ назначилъ ему 100 рублей.

VI.

Имѣемымъ быть присылаемымъ студентамъ для образованія изъ прикосновенныхъ къ Академіи семинарій на пищу положить можно въ мѣсяцъ каждому по 3 рубля.

VII.

Чтожь касается до жалованья учителямъ, то не благоугодно ли будетъ вашему высокопреосвященству сдѣлать имъ прибавку изъ той суммы, которая отпускаема была на Переяславскую семинарію.

Академіи ректоръ, кіево-михайловскій архимандритъ Теофилактъ. Кіево-выдубицкій игуменъ и Академіи вице-ректоръ Аѳанасій. Академіи префектъ іеромонахъ Иннокентій.

1798 года, марта 17 дня.

Протоіерей Петръ Орловскій.

Къ вопросу объ улучшеніи путей сообщенія въ Кіевѣ въ концѣ XVIII в. и объ участіи въ этомъ дѣлѣ духовенства. Извѣстно, что въ Кіевѣ, благодаря его гористому мѣстоположенію, трудно было пролагать удобныя дороги. Между тѣмъ городъ постепенно разрастался, и потребность въ хорошихъ путяхъ сообщенія ощущалась все сильнѣе. Къ концу XVIII в. мѣстная гражданская власть прилагала много усилій къ благополучному разрѣшенію труднаго дорожнаго вопроса.

Ниже мы помѣщаемъ письмо кіевского губернатора Семѣна Шпрюкова къ митрон. Самуилу Миславскому съ проектомъ устройства

моста надъ „большимъ провалемъ“ на дорогѣ, ведущей изъ „кіевопечерскаго форштата“ „къ государеву дворцу“ и съ просьбою побудить къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстное духовенство. М. Самуилъ сочувственно принялъ проектъ Ширкова и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія духовенству.

Письмо къ митр. Самуилу Ширкова: „Высокопреосвященнѣйшій господи́нь архиепископъ кіевскій и галицкій митрополитъ, святѣйшаго правительствующаго синода членъ, милостивый государь архипастырь! С числа состоящихъ в городѣ Кіевѣ дорогъ, находящаяся въ кіевопечерскомъ форштатѣ близъ большого проваля къ государеву дворцу дорога, по распоряженію починается подданными Кіево-Софійскаго катедральнаго монастыря ¹⁾, куда каждый годъ весьма большое количество выстатчаемо бываетъ фашинику, соломы, жердей, неску и прочаго; а подданные и скоть претерпѣваютъ раза по тры в лѣто большія обтяженія и лишаются всегда в такое время, когда нужно имъ по хозяйству работать, прибылей своихъ; но всѣ тѣ труды и немалой коштъ употребляются вотще. Найлучшее жъ средство избѣрая, ко избѣжанію всего того, устроить на семь мѣстѣ мость, который, какъ с прилагаемой при семъ отъ меня о матеріалахъ и работникахъ смѣты, ваше высокопреосвященство благоусмотрѣть соизволите, весьма в малую цѣну обойтится можетъ и простонтъ уже нѣсколько лѣтъ. В такомъ мѣроположеніи вашего высокопреосвященства покорнѣйше прошу дать кому надлѣжитъ ваше повелѣніе, дабы по той смѣтѣ со стороны Кіево-Софійскаго катедральнаго монастыря подданные на построеніе означенной, доведшейся по расположенію на сей монастырь дороги, матеріалы заготовили въ нынѣшнее и текущей зныи время и чтобъ по вскрытіи весны заразъ на оной дорогѣ устроень былъ порядочный мость; а дабы также въ построеніи мостовъ и въ Кіевоподолѣ не упорствовали священно и церковно-служители противу своихъ домовъ, усугубляю мою вашему высокопреосвященству прозъбу о подтвержденіи имъ отъ строгой власти вашей. Бывъ въ ожиданіи на

¹⁾ Въ 1633 г. м. Петръ Могила отобралъ Кіево-Софійскій соборъ отъ униатовъ и учредилъ при немъ катедральный монастырь. До 1786 г., когда, при м. Самуилѣ Миславскомъ, были введены такъ называемые монастырскіе штаты, которыми былъ упраздненъ катедральный софійскій монастырь, этотъ монастырь владѣлъ большими имѣніями, землями и угодьями.

сіе отвѣта, имѣю честь съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ и таковоюжъ преданностію называтся: Вашего высокопреосвященства, милостиваго государя архинастыря покорнѣйшій слуга Семень Ширковъ“ 1).

Октября 31-го 1784 года.

Отвѣтъ митр. Самуила Ширкову. „Превосходительнѣйшій господинъ, милостивый государь мой! Въ слѣдствіе требованія вашего превосходительства, октября 31 числа ко мнѣ послѣдовавшаго, относительно къ построению моста въ кіево-печерскомъ форштатѣ, на дорогѣ близъ большаго провалья къ государеву дворцу состоящей, имѣю честь увѣдомить, что дано отъ меня, кому слѣдовало; предписаніе о самоскорнѣйшемъ заготовленіи матеріаловъ къ тому нужныхъ по приложенной отъ вашего превосходительства смѣтѣ; но какъ построение онаго моста для однихъ каедральнаго Софійскаго монастыря подданныхъ весьма отяготительно, и почти съ невозможностью соединено, того ради покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать для оныхъ по благоразсмотрѣнію своему такое облегченіе, чтобъ кому слѣдуетъ, въ семъ столь нужномъ и скоромъ дѣлѣ могли соразмѣрное участіе принять. Касательно же до подтвержденія священно и церковно-служителямъ живущимъ на Подолѣ не примину въ скорости особо изъясниться.

Въ прочемъ съ моимъ истиннымъ почтеніемъ, усерднѣйшею преданностію и молитвами пребуду и есмь вашего превосходительства, милостиваго государя моего“ 2).

Сообщ. В. Д—скій.

Велыкодни писни 3).

(Хороводъ и одна дѣвушка въ срединѣ круга).

1. Охъ, охъ, шо-жъ бо я починыла,
Кострубонька не злюбыла?
Вернысь, вернысь кострубоньку,

1) Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 126.

2) Копія письма. См. *ibid.*

3) Записаны въ с. Мизяковскіе хутора, виницк. у., подольск. губ.

Стану зъ тобою до шлюбу(оньку?),
 А въ недилію та пораненьку
 На блпому камьяненьку,

(средня въ кругу)

— Помагай Бигь

— Дай Боже здоровья!

— Не бачылы мого кострубонька?

— Бачылы -- пойихавъ на ярмарку.

— Шо купуваты?

— Чоботы.

— Кому, мни?

— Ни, мни!

Охъ, охъ, п т. д.

.....

.....

Тай стали до шлюбу.

-
2. Дунай танчыкъ выводитьъ
 И на двчатъ поглядае,
 Шо вси двкы въ танчку йе,
 Тильки нема йдноп
 Якъ повной рожн.
 Маты дочку чесала
 Чесучи научала:
 Шдешъ доню у танчыкъ
 То не ставай край Дунаю,
 Бо Дунай за рученьку хватае.
 Золотый перстень здіймае,
 За нелюба пытае.

-
3. Пиду я до любара
 Двкы любыты,
 Тестя шукаты.
 Гей, гей! я молодець
 Тыхый переборець.
-

4. Горобеечку спадку, спадку

А чы бувъ ты въ нашому садку, садку?

Ой бувъ, бувъ!

Шо-жъ ты чувъ?

Ой такъ, такъ

Сіють макъ

И морковку

И постырнакъ.

5. Гойиркы, жовтякы

Сватайтесь парубкы.

Якъ ты будешъ свататыся,

Будуть люде сміятися

Гойиркы, жовтякы и т. д.

Якъ ты будешъ женытися,

Будуть люде дывытися

Гойиркы, жовтякы и т. д.

О крашанкахъ и писанкахъ ¹⁾. 1) Колы прыйшлы цари къ Хрысту зъ дарамы смырномъ и ладаномъ, Марія Магдалина, якъ була дуже бідна и не мала чого принести, то взяла два яйця—йидно окрасыла, а друге попысала и принесла въ даръ Христови.

2) Жыды та всякы недовиркы, якъ Хрыстось шовъ на страда-нія, скушалы его: наберуть въ пелену каменцивъ таі пытають ёго, що воны ховають въ пелени; а Хрыстось имъ и каже: „крашане та пысане“. Воны видкрывають пелену, щобъ посміятися надъ нымъ, а тамъ крашанкы та пысанкы. Такъ и пишовъ видтогди звычай пысаты та красыты яйця.

3) Шлы тры жывивкы на ярмарокъ продаваты яйця, а йидна изъ ныхъ поставыла кошыкъ зъ яйцямы на землю и сама заснула коло него; просынается—а тамъ пысанкы та крашанкы.

¹⁾ Записано въ с. Мизяковскіе хутора, винницкаго у., подольск губ
Томъ 85.—Апрѣль, 1904.

4) Якъ симъ литъ въ йидній скатерци носыты сеячене и не мыты іи, то вона має велику силу, бо зъ нею можно бачыты, якъ цвите папоротныкъ и знаты, де законани клады. Розказують, що йиденъ чоловікъ изъ Дашкивецъ (литынск. у.) взявъ скатерку, що симъ литъ святывъ въ іи паску, свячений нижъ, тарилку и евангеліе и пшшовъ пидъ зелени свята въ лисъ дывытыся, якъ буде цвисты папороть. Поклавъ винъ скатерку, тарилку, на тарилку евангеліе, коло тарилки нижъ и чытае евангеліе. Якъ пидыйшло до пивночи, зирвалася буря, ажъ до земли ламае дерева, крычыть, свыстыть, а той чоловікъ ажъ похолодивъ; а лякатыся не треба було, бо якъ злякався, то вже не побачывъ, якъ воно цвило. Хутко и буря перестала.

5) Кто умреть на „Великдень“, то идетъ въ рай, такъ какъ царскія врата открыты всю недѣлю.

6) *Писанки пишутъ* послѣ крестопоклонной недѣли, т. е. когда на церковь вынесутъ крестъ. На 40 святыхъ нужно выписать 40 „клынцывъ“, а на вербоной недѣлѣ и Благовѣщеніе съ писанками ничего нельзя дѣлать. Чтобы писанки долго сохранялись, ихъ варятъ въ чистый четвергъ, и при расписываньи ихъ нельзя ложить въ „пазуху“. Желтокъ освященнаго яйца сушатъ, дѣлають изъ него порошокъ и засыпають имъ глаза, если случается бѣльмо.

Сообщ. А. Гречачевскій.

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6928 р. 18 к. (см. № 3), вновь поступило: 1) И. И. Лось—1 р.; 2) А. М. Д—чь—3 р.; 3) видъ украинцивъ зъ Вильны—25 р.; 4) К. Щ. и С. Щ.—10 р.; 5) А. Т. Дучинская—25 р.; 6) свящ. Крамаренка—3 р.;—всего вмѣстѣ съ прежними 6995 р. 18 к., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 р.—въ билегѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5687 р. 78 к.—на приобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Концертъ въ честь Н. В. Лисенка въ г. Винницѣ. По инициативѣ нѣкоторыхъ членовъ кружка лекторовъ народныхъ чтеній, состоящаго при винницкомъ комитетѣ трезвости, 13 марта въ народномъ домѣ былъ устроенъ юбилейный концертъ въ ознаменованіе 35-тилѣтней дѣятельности Н. В. Лисенка, какъ народнаго украинскаго композитора. На сценѣ красовался большой фотографическій портретъ юбиляра (безвозмездная работа С. Д. Левичкаго), украшенный рушниками и окруженный растеніями и цвѣтами. Колонны, между которыми помѣщался портретъ, были увиты красною и синею матеріями. Надъ портретомъ живописно былъ помѣщенъ снопъ жита съ полевыми цвѣтами, краснымъ макомъ и цвѣтущимъ „сонышникомъ“. Вечеръ начался исполненіемъ кантаты въ честь Лисенка (муз. Стеценка), затѣмъ слѣдовало чтеніе біографіи Н. В. (помѣщенной въ II кн. „Журнала для всѣхъ“ 1903 г.), а далѣе началась собственно концертная часть. На піанино были исполнены: Увертюра изъ „Риздвнної Ночи“ и „Помалу-малу, братику, грай“ (исп. Е. Г. Гаазъ), соединеннымъ хоромъ казеннаго склада и соборнымъ подъ управленіемъ С. Ф. Телѣжинскаго были исполнены, кромѣ кантаты, еще „Козаченьку куды йдешь“, „Гей послушайте, гей повидайте“, „Ой у полі три крышченьки“ и „Коломійка“. Дуэты: „Коля розлучаются двое“ исп. С. И. Савченко и З. С. Рыбчинская, „Зацвила въ долині червопа калына“ и „И шырокую долину“ исполнили Е. Н. Федоровичъ и Р. Р. Зарыбко, З. С. Рыбчинская исполнила „Безъ тебе Олесю“, „Ой ходыла, дивчына бережкомъ“ „Лугомъ иду коня веду“ и „Ой джыгуне“; С. И. Савченко исполнила „Чи ты мыйый ныломъ припавъ“, Е. Г. Гаазъ—„Ой не свиты місяченьку“ и „Ой зійды ясець місяцю“; Д. И. Кротковъ—„Огни горять“ и „Гетьманы“. Хоръ былъ въ національныхъ украинскихъ костюмахъ.

Благодаря невозможному сообщенію народнаго дома съ городомъ, зала народнаго дома была полна лишь на $\frac{3}{4}$. Цѣны мѣстамъ были „общедоступныя“: отъ 1 р. 50 к. 1-го ряда до 10 коп. послѣдніе ряды. Было много учащейся молодежи. Если судить по горячему приему исполнителей, концертъ былъ очень удаченъ. То ли обстоятельство, что здѣшней публикѣ, несмотря на ея любовь къ малорус-

скому пѣнію и музыкѣ, рѣдко приходится слышать хорошіе образцы украинской музыки и пѣнія, особенно въ болѣе или менѣе серіозномъ исполненіи, то ли, что чествовался человекъ, всю жизнь посвятившій разработкѣ этой самой музыки, показавшій, что народъ, способный создать такіе образцы музыки, (теперь признаваемой всѣмъ міромъ), достоинъ по меньшей мѣрѣ нашего вниманія, что онъ долженъ быть намъ близокъ,—думаю, что все это вмѣстѣ создало въ средѣ исполнителей и въ публикѣ какое то особое, повышенное и радостное настроеніе. Всѣ были какъ то особенно оживлены и многіе говорили, что этотъ вечеръ особенно приятенъ тѣмъ, что въ немъ чувствуется что то „семейное“.

Вечеръ въ честь Н. В. Лисенка и И. П. Котляревскаго въ Кременчугѣ. 24 февр. музык.-драмат. кружокъ въ Кременчугѣ устроилъ литерат.-вокальный вечеръ, посвятивъ его двумъ украинскимъ пѣвцамъ—Котляревскому и Лисенку. На вечерѣ, между прочимъ, прочитаны были доклады—А. Н. Малинки: „Историко-литературное значеніе произведеній Котляревскаго“, М. И. Павловскаго: „О личности и музыкальной дѣятельности Лисенка“ и г. Животовскаго „Характеръ и особенности музыки Лисенка“.

Украинскій концертъ въ Петербургѣ. Концертъ, устроенный 18-го февраля въ честь 35-лѣтней дѣятельности Н. В. Лисенка при участіи знатоковъ украинской музыки, директора консерваторіи С. Н. Габеля, С. В. Зарембы, С. М. Блюменфельда, артистовъ, части хора и оркестра императорской Маріинской оперы и любителей пѣнія, разбудилъ симпатіи живущихъ въ С.-Петербургѣ малороссовъ къ родной музыкѣ. Послѣ этого концерта подъ управленіемъ С. В. Зарембы организовался постоянный малороссійскій хоръ человекъ въ 50—60, составившійся изъ отдѣльныхъ любительскихъ кружковъ учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи обоого пола. И прежде эти хоры любителей выступали въ концертахъ и такъ называемыхъ малорусскихъ вечерахъ съ посредственнымъ выполненіемъ разученныхъ нумеровъ. Теперь они объединились подъ дирижерскую палочкою опытнаго художника-музыканта, и исполненіе хоромъ пѣсь на концертѣ 18-го марта получило характеръ, отвѣчающій болѣе строгимъ требованіямъ. Выполненіе „Жалибного марша“ Лисенка, коло-

мыйки и др. хоровыхъ нумеровъ отличалось, кромѣ правильности и чистоты, еще и воодушевленіемъ и надлежащею экспрессіею. Концертъ 18-го марта показалъ сверхъ того, что въ средѣ учащихся въ консерваторіи, выступавшихъ съ разрѣшенія учебнаго начальства въ концертахъ и ранѣе, появилось болѣе серьезное отношеніе къ разучиваемымъ ими произведеніямъ малорусской музыки. Кромѣ восторженнаго приѣма, съ какимъ публика на концертъ 18 го марта отнеслась къ артисту императорскихъ театровъ И. С. Григоровичу, исполнившему „Реѣ та стогне Днирѣ широкий“, она также привѣтствовала долгими рукоплесканіями г-жъ Л. Н. Эскузовичъ и Е. О. Петренко, которыя выполняли solo и дуэтъ „Колы розлучаются двое“. Можно привѣтствовать эту эволюцію въ украинскомъ музыкальномъ дѣлѣ въ нашей столицѣ.

Бандуристъ Т. Пархоменко въ Кременчугѣ. Въ среднѣ января въ Кременчугъ былъ приглашенъ извѣстный бандуристъ Т. Пархоменко. Онъ пѣлъ передъ довольно многочисленной публикой въ воен. собраніи, реальномъ училищѣ и въ залѣ музык.-драмат. кружка. Пѣніе и игра бандуриста произвели сильное впечатлѣніе на слушателей. Особенно понравилась всѣмъ его дума про Морозенка и псалма „Ангели душу пробуждуютъ“. Собравшейся послушать Пархоменка публикѣ предварительно было сдѣлано сообщеніе о малорусскихъ кобзаряхъ и лирникахъ.

Благодаря поѣздкамъ по разнымъ городамъ, матеріальное положеніе Пархоменка въ послѣднее время стало улучшаться: онъ, напр., прикупилъ себѣ недавно десятину 6 земли (впрочемъ, деньги за землю далеко еще не всѣ выплачены).

Письмо члена полтав. городск. управы Гр. Маркевича. Въ „Полтав. Вѣстн.“ (№ 372) напечатано слѣдующее письмо Г. И. Маркевича, представляющее интересъ въ томъ отношеніи, что оно отчасти касается нашего кievскаго празднованія юбилея Н. В. Лисенка.

„Въ № 369 „Полт. Вѣстника“, въ отчетѣ о думскомъ засѣданіи, бывшемъ 9 сего марта, сообщено, между прочимъ, что я въ заключеніе своего доклада о юбилеѣ Лисенка выразилъ пожеланіе „лучшаго будущаго дня многомилліоннаго малорусскаго народа“. Крайняя неясность и неопредѣленность приведенныхъ выраженій, приписыва-

емых мнѣ хроникеромъ „Полт. В.“, представляетъ широкое поле для разнаго рода предположеній и произвольныхъ толкованій, могущихъ совершенно извратить смыслъ моего доклада. Въ виду того, покорнѣйше прошу напечатать вторую часть моего доклада, о которомъ идетъ рѣчь, въ той редакціи, въ какой онъ изложенъ въ думскомъ журналѣ, прочитанномъ и утвержденномъ думою въ засѣданіи 16 сего марта.

„Не буду, г. г., отвлекать ваше вниманіе отъ текущихъ дѣлъ передачей подробностей этого замѣчательнаго торжества (т. е. юбилей Лисенка),—хотя нѣкоторыя подробности, по близкой, родственной связи полтавскаго и кіевскаго праздниковъ, были бы, можетъ быть, интересны для полтавцевъ,—но позволю себѣ указать на одну особенность его, заключающуюся въ томъ, что на немъ свободно читались адреса и произносились привѣтствія какъ на русскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ, и притомъ читались не только депутатами, прибывшими изъ Галиціи, Буковины и др. мѣстъ изъ-за границы, но представителями, прибывшими изъ разныхъ городовъ Россіи. Упоминаю я объ этомъ потому, что вопросъ этотъ такъ волновалъ наше общество въ дни торжества открытія памятника И. П. Котляревскому, что онъ подробно обсуждался въ думскихъ засѣданіяхъ и что дума единодушно выразила свой взглядъ на этотъ вопросъ подачей жалобы въ правительствующій сенатъ. Кіевъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе Полтавы, и мы можемъ только искренно порадоваться этому и поздравить его съ успѣхомъ. Дай Богъ, чтобы этотъ успѣхъ былъ добрымъ предзнаменованіемъ лучшаго будущаго въ употребленіи малорусскаго языка какъ въ печати, такъ и въ общественныхъ собраніяхъ“.

Городской голова въ концѣ доклада Маркевича отмѣтилъ, что кіевское торжество происходило въ частныхъ собраніяхъ и носило иной характеръ, чѣмъ въ Полтавѣ, гдѣ привѣтствія подносились городу въ торжественномъ засѣданіи городской думы—учрежденія officialнаго.

Засѣданіе полтавской архивной комиссіи. Состоявшееся въ воскресенье, 21-го марта, въ помѣщеніи общественной бібліотеки засѣданіе ученой архивной комиссіи привлекло, сравнительно съ предыдущими засѣданіями, много публики обоого пола. Въ засѣданіи

этомъ было выслушано въ высшей степени интересное сообщеніе Л. В. Падалки: „О древнихъ городахъ и городищахъ въ районѣ полтавской губерніи“. Докладчикъ, углубляясь въ даль нашей сѣдой старины, проводитъ параллель между городами и городищами нашей древней Полтавщины, отмѣчая годы основанія послѣднихъ, различными предположенія о сохранившихся донынѣ нѣкоторыхъ памятникахъ древности и т. д. Докладъ выслушанъ былъ съ большимъ вниманіемъ. Докладчикомъ было также внесено предложеніе о присоединеніи архивной комиссіи, какъ единственнаго мѣстнаго ученаго учрежденія, къ празднованію 1000-лѣтія г. Переяслава, которое должно исполниться, повидимому, въ этомъ году. Дѣло въ томъ, что мнѣнія современныхъ ученыхъ и историковъ расходятся въ томъ, въ какомъ именно году исполнится 1000-лѣтіе Переяслава—въ настоящемъ-ли, или въ 1907 г. Но, по мнѣнію докладчика, вопросъ этотъ будетъ навѣрное, въ ближайшемъ будущемъ, разрѣшенъ, и архивной комиссіи, говоритъ Л. В. Падалка, не мѣшаетъ принять дѣйтельное участіе въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса. Собраніе постановило предложеніе это поставить для обсужденія на слѣдующее засѣданіе.

Къ открытію школы имени И. П. Котляревскаго. Общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ обратилось къ полтавскому городскому управленію съ запросомъ относительно того, дѣйствительно ли открывается въ Полтавѣ школа имени Котляревскаго и на какихъ основаніяхъ. Думская училищная комиссія рѣшила отвѣтить названному обществу, какъ мы узнали отъ одного изъ членовъ комиссіи, что школа будетъ открыта осенью, т. е. съ начала будущаго учебнаго года, на общихъ основаніяхъ, и что предложено ее устроить возлѣ домика, гдѣ жилъ покойный писатель, въ мѣстѣ, называемомъ «Ивановымъ Гаємъ».

Слова В. В. Лесевича о языкѣ въ школѣ. Въ январск. и февральск. книжкахъ «Рус. Мысли» напечатана статья В. В. Лесевича о небезызвѣстномъ малороссійскомъ писателѣ Е. П. Гребенкѣ. Отрицая за нимъ, и совершенно справедливо, сколько-нибудь самобытное дарованіе беллетриста («Р. М.» янв.), г. Лесевичъ въ послѣдней книжкѣ отдастъ должное Гребенкѣ—народному украинскому поэту. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, только раскрыть книжку его стиховъ, чтобы сразу оцѣ-

нить ихъ истинно-народный характеръ и уловить проникающую стихотворенія гармонію содержанія и формы. Извѣстная, прелестная, полная горькихъ сѣтованій на судьбу пѣсня дѣвушки, насильно выдаваемой родителями замужъ

«Ни, мамо, неможно, нелюба любить!

Несчастная доля изъ нелюбомъ жить.

Охъ, тяжело, охъ важко зъ нымъ ричь розмовляты!

Хай лучше я буду весь вигъ дивоваты!»

-- принадлежитъ Гребенкѣ. По одному этому четверостишію можно составить правильное представленіе о томъ, какъ близокъ былъ Гребенка народу, который онъ воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ и поучалъ въ своихъ «басняхъ». Благодаря этой своей близости къ нему, онъ и теоретически вопросъ о народномъ языкѣ представлялъ себѣ въ простой и ясной, на опытѣ основанной постановкѣ... И это когда еще было! Г. Лесевичъ даже горячо возмущается по этому случаю:

Оглядитесь кругомъ: теперь, черезъ полвѣка слишкомъ, вы увидите, что простая мысль эта все еще остается недоступной великороссійскимъ націоналистамъ, всякимъ «патріотамъ своего отечества» и мѣстнымъ ихъ подголоскамъ. Всѣ эти добровольцы благочинія никакъ не возьмутъ въ толкъ, что народъ, черезъ мѣру обремененный физическимъ трудомъ, совершенно лишень возможности переучиться родному языку и начать говорить на языкѣ, навязанномъ извнѣ, и что для проведенія образованія въ среду народа нѣтъ и не можетъ быть другого орудія, какъ-выработанный вѣками свой, родной, народный языкъ...

Теперь,—продолжаетъ авторъ,—когда грамотность стала для народа серьезной потребностью, сознаніе ненормальности современнаго положенія, ставящаго украинцевъ въ положеніе какихъ-то паріевъ, не можетъ не расти и не крѣпнуть. Фактовъ нельзя вѣдь ни эскамотировать, ни выфилософить. А хотите знать факты, обратитесь къ своду ихъ, сдѣланному г. Рклицкимъ въ «Русск. Вѣд.». Общій выводъ ихъ противорѣчить, конечно, мнѣнію усердствующихъ, потрафляющихъ, кивающихъ, подмигивающихъ, и, наконецъ, разсуждая, подобно Селифану: «забирающихся въ отдаленныя отвлеченности». На самомъ дѣлѣ оказывается, что населеніе на Украинѣ плохо понимаетъ и усваиваетъ книгу, написанную на русскомъ языкѣ. Мнѣнія, высказанныя по этому вопросу интеллигенціей и народомъ, всюду сходятся. «Люди нашей захолустности мало понимаютъ слова русскаго языка,—пишетъ одинъ

казакъ,—приходится почти что каждое слово переводить на свой языкъ». Одинъ священникъ говоритъ: «Мало допущено книгъ въ библиотеку, а родной языкъ, по независящимъ обстоятельствамъ, не имѣетъ возможности отражать въ литературѣ свой народъ». Представитель этого народа какъ-бы поясняетъ мысль священника и говоритъ: «Если-бы и вздумалъ кто взять книгу, то все равно кончилось бы ничѣмъ».

Итакъ, честь инициативы вѣрной постановки этого принципиальнаго вопроса составляетъ неотъемлемое достояніе Гребенки-поэта, который является въ этомъ отношеніи предшественникомъ Шевченка. Самый принципъ можно формулировать такъ: языкъ для народа, а не народъ для языка...

Къ вопросу о памятникѣ Т. Г. Шевченку.—26 февраля исполнилось сорокъ три года со дня смерти гениальнаго украинца Т. Г. Шевченка, а общество остается въ долгу предъ лучшимъ изъ своихъ сыновъ. «Кіевская Газета» напоминаетъ, что пора этотъ долгъ уплатить.

Пора уже подумать о томъ, чтобы хотя послѣ смерти воздать должное великому поэту. Пора сдѣлать его произведенія широко извѣстными тому самому «наименьшему брату»—крестьянину, котораго такъ любилъ и тяжелой участью котораго такъ болѣлъ Шевченко. Пора заняться подготовленіемъ новаго, болѣе полнаго и критически провереннаго изданія его сочиненій. Пора приступить къ собранію и составленію вновь историко-критическихъ изслѣдованій о его произведеніяхъ. Пора, наконецъ, поставить великому пѣвцу Украины и лучшему ея сыну въ Кіевѣ, какъ центръ этой Украины, достойный его славнаго имени памятникъ... Долго ли еще только одинъ черный, унылый крестъ на могилѣ близъ Канева, на протяженіи всей обширной, родной поэту Украины, будетъ напоминать о Шевченкѣ?.

Въ „Бюллетеняхъ Лохвицкой Уѣздной Земской Управы“ (№ 17) напечатано слѣдующее сообщеніе А. О. Русилова о ходѣ дѣла изданія юбилейнаго сборника Лохвицкаго земства (см. объ этомъ сборникѣ въ „Кіев. Стар.“, 1903 г. № 10).

Уѣздное Земское Собраніе, одобревъ докладъ мой объ изданіи историческаго сборника въ память столѣтія лохвицкаго уѣзда, пору-

чило мнѣ, какъ инициатору сборника, взять на себя руководство его осуществленіемъ. Принявъ это порученіе Собранія, я просилъ гласнаго А. К. Влахопулова взяться за ближайшее сотрудничество мнѣ въ отвѣтственномъ дѣлѣ изданія сборника. Ему принадлежитъ, по соглашенію со мною, составленіе детальной программы отдѣловъ сборника, и его содѣйствію сборникъ обязанъ столь скорымъ и успѣшнымъ осуществленіемъ своего перваго отдѣла.

Изданіе, по совѣту профессора В. Б. Антоновича, будетъ названо: „Очерки по исторіи лохвицкаго уѣзда (юбилейный сборникъ)“. Онъ распадается на четыре отдѣла: I-й—періодъ до-уѣздный, II-й—періодъ отъ учрежденія уѣзда до введенія земскаго положенія, III-й—періодъ земскій и IV-й—біографіи и воспоминанія. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ статьи будутъ какъ на великорусскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ.

Разсчитывая выпустить первый отдѣлъ къ осени текущаго года, я считаю долгомъ поставить г.г. гласныхъ въ извѣстность о подробностяхъ этого перваго выпуска.

Въ виду того значенія, какое имѣютъ мѣстные изслѣдованія для изученія жизни края, въ составленіи очерковъ для перваго отдѣла сборника благосклонно изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица, извѣстныя въ научной литературѣ:

Профессоръ В. Б. Антоновичъ не отказалъ намъ въ небольшой статьѣ о значеніи мѣстныхъ историческихъ изслѣдованій. Ему первому стало извѣстно о нашемъ земскомъ предпріятіи и его указаніями мы пользовались относительно всего сборника, а въ особенности о первомъ и второмъ отдѣлахъ его.

Приватъ-доцентъ В. Г. Ляскоронскій взялъ на себя составить очеркъ по древнему періоду исторіи Полтавщины: геологія, географія и археологія края; древніе обитатели и утвержденіе славянъ; княжество; общественное устройство и бытъ Полтавщины въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Н. П. Василенко—очеркъ по исторіи лѣвобережной Украины въ гетманскій періодъ и въ періодъ Руины. Очеркъ не будетъ представлять сокращенной исторіи Малороссіи, послѣдовательно изложенной, а,—сообразно специальности автора,—коснется, на самомъ общемъ фонѣ исторической картины Украины, условій юридическаго и земельного быта населенія въ связи съ возникновеніемъ и развитіемъ сословій на лѣвобережьи. Очеркъ этотъ имѣетъ цѣлью изобразить тѣ

стороны народной жизни нашего края, которыя въ написанныхъ до сего времени исторіяхъ Малороссіи заслонены пересказомъ событій внѣшней исторіи.

Профессоръ В. Н. Церетць—очеркъ по исторіи южно-русскаго нарѣчія; его фонетика и значеніе для литературной русскаго рѣчи.

В. Л. Модзалевскій—очеркъ по исторіи старшины Лубенскаго полка, въ составъ котораго входили сотенныя мѣстечки: Лохвица, Чернухи и Сѣнча; біографическій очеркъ сотниковъ и вообще казацкой старшины этихъ сотенъ. Всему очерку будетъ предпослано описаніе значенія военнаго, административнаго и бытового разныхъ должностныхъ лицъ стараго козацкаго уряда.

Блестящій составъ участниковъ въ первомъ отдѣлѣ сборника не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отдѣлъ этотъ будетъ превосходно выполненъ. Я ставлю себѣ пріятнымъ долгомъ выразить почтеннымъ составителямъ очерковъ для сборника мою глубокую признательность за ихъ отзывчивость къ нашему земскому предпріятію. Приношу глубокую благодарность также и О. П. Косачъ (Олена Пчилка), А. Я. Ефименко, академику П. И. Житецкому, профессору Д. И. Багалю, И. М. Стешенку и О. И. Левицкому, сочувствіе, содѣйствіе которыхъ неоцѣненны для дѣла осуществленія нашего земскаго сборника.

Харьковская общественная бібліотека. Харьковская общественная бібліотека съ полнымъ основаніемъ служить предметомъ гордости мѣстныхъ жителей. Она занимаетъ въ ряду подобныхъ учрежденій одно изъ первыхъ мѣстъ по количеству томовъ (98612 т. къ 1 окт. 1903 г.), располагая въ то-же время прекраснымъ собственнымъ помѣщеніемъ, чѣмъ не можетъ похвалиться большинство русскихъ бібліотекъ. Собирая на своихъ полкахъ книги по всѣмъ отраслямъ знанія, искусствъ и литературы, бібліотека, конечно, должна считаться съ мѣстными интересами и условіями. Сомиѣнія нѣтъ, что въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Харьковъ, бібліотека должна располагать возможно болѣе полнымъ собраніемъ книгъ, изданныхъ въ Харьковѣ или его губерніи, а также относящихся къ мѣстному краю. Въ этомъ отношеніи Харьковская общественная бібліотека обставлена прекрасно: стараніями предсѣдателя Правленія бібліотеки проф. Д. И. Багалія въ бібліотекѣ имѣется весьма полный мѣстный отдѣлъ, располагающій

даже очень рѣдкими изданіями. Пользованіе этимъ отдѣломъ облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что бібліотека издала систематическіе каталоги своихъ книгъ. Но въ Харьковѣ существуетъ всегда запросъ и на книги, относящіяся вообще къ Малороссіи или написанныя на малорусскомъ языкѣ. Правда, книги этого рода въ Харьковской общественной бібліотекѣ не выдѣлены въ особый отдѣлъ въ родѣ мѣстнаго, но тѣмъ не менѣе Правленіе бібліотеки постоянно пополняетъ эту категорію книгъ, руководствуясь при покупкѣ новыхъ книгъ какъ заявленіями читателей, такъ и указаніями своихъ членовъ. Этотъ отдѣлъ бібліотеки тоже принадлежитъ къ числу довольно богатыхъ, хотя недостатокъ средствъ и не позволяетъ довести его до исчерпывающей полноты. Во всякомъ случаѣ онъ не находится въ загонѣ, и въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Правленіе постановило пополнить его различными произведеніями извѣстныхъ малорусскихъ писателей и изслѣдователей Малороссіи, такъ какъ въ этомъ отношеніи въ бібліотекѣ оказался рядъ пробѣловъ.

Этнографическій Музей Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Во время XII археологическаго сѣзда въ г. Харьковѣ въ числѣ другихъ выставокъ была организована этнографическая выставка, въ устройствѣ которой принимали дѣятельное участіе профессора Харьковскаго университета, члены Ист.-Фил. Общества и др. лица. Выставка эта привлекала вниманіе не только большой публики, для которой она являлась болѣе понятной и интересной, чѣмъ какая-либо другая выставка, но она вызвала вполне заслуженное одобреніе со стороны разсматривавшихъ ее этнографовъ-спеціалистовъ. Правда, коллекція Полтавскаго Губернскаго Земства была уже извѣстна многимъ изъ посѣтителей выставки, но это не уменьшало интереса, который она вызвала у всѣхъ посѣтителей. За то совершенной новинкой и для публики и для спеціалистовъ оказалась коллекція предметовъ и снимковъ, собранная Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству XII археол. сѣзда, такъ какъ она была составлена именно ad hoc. Вотъ эта-то коллекція и послужила основой этнографической выставки. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ предметы, собранные членами Предв. Комитета для этнографической выставки, должны были перейти по окончаніи сѣзда въ собственность Ист.-Фил. Общества и составить при немъ этнографическій музей. Дѣло въ томъ, что на

устройство этнографической выставки даны были средства различными общественными учреждениями, при чемъ имѣлось въ виду образовать въ Харьковѣ южно-русскій этнографическій музей. Дѣйствительно, Ист.-Фил. Общество явилось теперь собственникомъ обширной этнографической коллекціи, и на немъ лежало связанное съ этимъ обязательство—открыть этнографическій музей. Общество оказалось въ трагическомъ положеніи: оно располагало очень и очень скромнымъ помещеніемъ, значительную часть котораго занималъ Историческій архивъ Слободской Украины, а остальное пространство пришлось отвести подъ бібліотеку Общества и столы для служащихъ въ Архивѣ. Такимъ образомъ оно имѣло въ своихъ рукахъ обширныя этнографическія коллекціи, постоянно получало все новые и новые предметы, какъ отъ своихъ членовъ, такъ и отъ постороннихъ лицъ, а размѣстить ихъ такъ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій и обзорнія публики, не представлялось возможности. Въ помещеніи Общества все было уже занято другимъ его имуществомъ, а другого мѣста для устройства этнографическаго музея въ университетѣ нельзя найти, такъ какъ и безъ того всѣ университетскія учрежденія нуждаются въ расширеніи. Въ концѣ концовъ пришлось упаковать все въ ящики и сложить въ отведенномъ университетомъ мѣстѣ въ ожиданіи того времени, когда Общество будетъ располагать соответственнымъ помещеніемъ для своихъ этнографическихъ коллекцій. Такова первоначальная судьба Этнографическаго Музея Харьк. Ист.-Фил. Общества. Перейдемъ теперь къ дальнѣйшей его исторіи и современному состоянію.

Ист.-Фил. Общество помещается въ томъ зданіи, въ которомъ находится и кабинетъ для практическихъ занятій студентовъ Историко-филологическаго факультета. Зданіе это построено давно и мало по малу пришло въ ветхость, не говоря о томъ, что оно представлялось небезопаснымъ въ пожарномъ отношеніи. Вслѣдствіе этого Историко-филологическій факультетъ рѣшилъ перестроить это зданіе, при чемъ былъ принятъ во вниманіе и Этнографическій Музей Ист.-Фил. Общества. Въ настоящее время перестройка совершенно закончена. Зданіе имѣетъ теперь 3 этажа: въ первомъ этажѣ будетъ помещаться Историческій архивъ, второй занятъ Кабинетомъ практическихъ занятій и кабинетомъ завѣдующаго Архивомъ, а третій отведенъ для Этногр. Музея. Такимъ образомъ Этногр. Музей наконецъ дождался своего помещенія. Правда, оно считается временнымъ, потому что ожидается постройка новаго зданія для музеевъ, какъ сообщалось уже въ

февральской книжкѣ «Кіевской Старины». Но тѣмъ не менѣе Истор.-Фил. Общество рѣшило привести въ порядокъ свои этнографическія коллекціи и временно размѣстить ихъ въ имѣющемся помѣщеніи, дабы сдѣлать ихъ доступными для ученыхъ занятій и обзорѣнія публики. Теперь уже приступлено къ устройству Этн. Музея, при чемъ всѣ работы производятся подъ непосредственнымъ руководствомъ председателя Общества проф. Н. Θ. Сумцова. Въ настоящее время многіе предметы перепесены въ помѣщеніе Этн. Музея и тамъ и размѣщены въ систематическомъ порядкѣ. Такъ, въ отдѣлѣ украинскаго генія вполнѣ приведена въ порядокъ коллекція въ память извѣстнаго украинскаго писателя Я. И. Щеголева. Эта коллекція собрана стараніями проф. Н. Θ. Сумцова и по своей полнотѣ составляетъ предметъ гордости Музея. Достаточно сказать, что она содержитъ нѣсколько десятковъ разнообразныхъ предметовъ, принадлежавшихъ покойному писателю или имѣющихъ къ нему отношеніе, хотя къ составленію ея удалось приступить лишь въ прошломъ году. Къ сожалѣнію, такимъ богатствомъ не можетъ похвалиться отдѣлъ И. П. Котляревскаго, хотя къ собиранію его приступлено одновременно съ упомянутымъ сейчасъ отдѣломъ. Онъ приводится тоже въ порядокъ и въ ближайшемъ будущемъ будетъ размѣщенъ въ витринахъ. Затѣмъ размѣщены уже въ витринахъ часть богатаго собранія украинскихъ вышивокъ и небольшая крымская коллекція, составленная пр.-доц. В. Е. Данілевичемъ. Такимъ образомъ къ лѣту, нужно надѣяться, будетъ закончена разстановка всѣхъ коллекцій, и Этн. Музей сдѣлается доступнымъ для занятій и осмотра. Сомнѣнія нѣтъ, что приростъ его коллекцій не остановится, такъ какъ члены Истор.-Филологич. Общества и постороннія лица постоянно доставляли до сихъ поръ все новые и новые предметы этнографическаго характера, а пополнить необходимо многіе отдѣлы.

Юбилейная выставка Харьковскаго университета. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» мы сообщили уже читателямъ, что во время торжествъ по случаю столѣтія со дня основанія Харьковскаго университета предполагается открыть выставку предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ университета, его профессоровъ и питомцевъ за 100 лѣтъ существованія этого разсадника науки. Теперь мы подѣлимся свѣдѣніями о ходѣ работъ по устройству этой выставки за январь и февраль настоящаго года.

Такъ какъ вопросъ объ устройствѣ юбилейной выставки возникъ въ Историко-Филологическомъ Обществѣ, то оно рѣшило принять самое дѣятельное участіе въ устройствѣ этой выставки и оказать посильное содѣйствіе работамъ юбилейной университетской комиссіи. Съ этою цѣлью 11 января было созвано засѣданіе Истор.-Фил. Общества, въ которомъ пр.-доц. В. Е. Данилевичъ доложилъ составленную имъ программу юбилейной выставки. Своей программѣ референтъ предположилъ нѣсколько вступительныхъ словъ, при чемъ отмѣтилъ, что предполагаемая къ устройству выставка явится въ Россіи первой, такъ какъ раньше у насъ подобныя выставки не устраивались. У насъ есть нѣсколько музеевъ меморативнаго характера (Т. Г. Шевченка, А. С. Пушкина и т. д.), но они не могутъ служить образцомъ для юбилейной выставки, потому что въ нихъ удѣлено весьма большое вниманіе частному быту даннаго лица. Поэтому при составленіи своей программы референтъ не могъ найти почти никакихъ руководящихъ данныхъ въ извѣстныхъ ему каталогахъ музеевъ и выставокъ и долженъ былъ собственными силами выработать планъ выставки, а это, безусловно, отразилось на качествѣ его работы. Онъ предложилъ разбить выставку на слѣдующіе 10 отдѣловъ: 1) В. Н. Каразинъ; 2) основаніе Харьковскаго университета; 3) Харьковскій университетъ; 4) профессора, преподаватели и почетные члены; 5) служащіе въ учено-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета; 6) студенты; 7) администрація; 8) учено-вспомогательныя и другія учрежденія университета; 9) ученые общества, состоящія при университетѣ, и съѣзды; 10) другія общества, состоящія при университетѣ. Каждый изъ намѣченныхъ отдѣловъ можетъ быть разбитъ на бѣльшее или меньшее количество подотдѣловъ, въ зависимости отъ его характера. Такъ, 4-й отдѣлъ референтъ предложилъ разбить на такіе подотдѣлы: 1) портреты: а) группы; б) портреты отдѣльныхъ лицъ; 2) автографы и неизданныя сочиненія; 3) печатныя сочиненія; 4) сочиненія о профессорахъ и преподавателяхъ и ихъ ученыхъ трудахъ; 5) виды, относящіеся къ профессорамъ и преподавателямъ; 6) разные предметы, относящіеся къ нимъ. Еще бѣльшее количество подраздѣленій ввелъ онъ въ 6-й отдѣлъ, предложивъ разбить его на 2 крупныхъ подотдѣла: 1) студенты вообще и 2) выдающіеся питомцы университета. Второй изъ этихъ подотдѣловъ, авторъ программы разбилъ на такія же рубрики, какія были указаны уже въ 4-мъ отдѣлѣ, а потому приведемъ здѣсь подраздѣленія лишь перваго изъ этихъ подотдѣловъ. Этотъ подотдѣлъ ре-

ферентъ предложилъ раздѣлить на такія болѣе мелкія части: 1) портреты (преимущественно во время студенчества); 2) образцы сочиненій, писанныхъ студентами; 3) печатныя сочиненія студентовъ; а) сборники; б) отдѣльныя сочиненія; 4) статистика студентовъ, картограммы, діаграммы и пр.; 5) документы; 6) студенческая жизнь: а) виды и планы; б) частныя квартиры; в) документы (воспоминанія и проч.); г) рисунки и другіе предметы изъ быта харьковскихъ студентовъ; 7) студенческія организаціи.

Заслушавъ программу юбилейной выставки, предложенную прив.-доцент. В. Е. Данилевичемъ, присутствующіе сдѣлали цѣлый рядъ замѣчаній и дополненій. Такъ, проф. Н. О. Сумцовъ предложилъ дополнить ее еще двумя отдѣлами: 1) культурная подготовка къ основанію Харьковскаго университета, и 2) начальствующія лица (попечители, ректоры). Затѣмъ Е. М. Ивановъ отмѣтилъ, что слѣдовало бы включить въ программу выставки еще одинъ отдѣлъ: педагогическая дѣятельность профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета. Наконецъ, М. Д. Гинда указала, что въ число подраздѣленій отдѣла, предложеннаго Е. М. Ивановымъ, необходимо помѣстить также тѣ приготовительные курсы для гимназистовъ, которые раньше состояли при университетѣ,—они просуществовали 3 года. Обсудивъ всѣ эти замѣчанія, Общество рѣшило, въ виду малочисленности присутствующихъ въ этомъ засѣданіи членовъ, рассмотреть программу со сдѣланными къ ней дополненіями еще разъ въ ближайшемъ ученомъ засѣданіи общества.

Въ засѣданіи Ист.-Фил. Общества 10 февраля программа юбилейной выставки, составленная прив.-доц. В. Е. Данилевичемъ, снова подверглась обсужденію, при чемъ проф. Д. И. Багалъй сдѣлалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ дополненій. Въ этомъ засѣданіи программа выставки была окончательно проредактирована и передана затѣмъ въ юбилейную университетскую комиссію, которая рассмотрѣла ее въ засѣданіи 23 февраля. Комиссія внесла въ программу лишь измѣненія редакціоннаго характера и постановила напечатать ее для разсылки и раздачи тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которые могутъ оказать какое-либо содѣйствіе къ устройству юбилейной выставки. Въ настоящее время программа юбилейной выставки сдана уже въ печать.

Къ вопросу о публичныхъ лекціяхъ проф. В. Н. Перетца въ Кіевѣ. Мы сообщали уже, что въ минувшую зиму въ зданіи Кіевского университета устроены были историческимъ обществомъ Нестора-Лѣтописца публичныя лекціи, среди которыхъ интересъ мѣстный представляли лекціи проф. В. Н. Перетца по исторіи украинской литературы съ древнѣйшихъ временъ до И. П. Котляревскаго. Какъ и слѣдовало ожидать, нашлись и тутъ добрые люди, которые хотѣли изъ самаго обыденнаго факта создать что-то сверхсмѣтное. Такъ „Галичанинъ“ въ одномъ номерѣ оповѣстить, что проф. В. Н. Перетць читаетъ *въ университетъ св. Владиміра* курсъ исторіи украинской литературы, а въ другомъ номерѣ напечатать замѣтку г. Яворскаго, что проф. Перетць читаетъ курсъ исторіи западно-русской литературы 17—18 в.в., т. е. читаетъ *одинъ отдѣлъ изъ общаго курса русской литературы*. По поводу этихъ замѣтокъ въ „Галичанинѣ“ напечатано въ „Ділі“ письмо проф. В. Н. Перетца, въ которомъ онъ заявляетъ, что „это извѣщеніе г. Яворскаго невѣрно, такъ какъ общаго курса русской литературы въ текущемъ и минушемъ полугодіи въ университетѣ св. Владиміра не читалъ никто. Что же касается словъ г. Яворскаго „отдѣльныхъ-же и самостоятельныхъ лекцій по малорусской или украинской литературѣ ни проф. В. Н. Перетць, ни никто другой въ кіевскомъ университетѣ никогда не читалъ, не читаетъ то было-бы очень интересно, изъ какого источника получилъ эти извѣстія г. Яворскій, который выказываетъ себя пророкомъ, но, къ сожалѣнію, не знаетъ даже того, что дѣлается теперь. Не касаясь подробностей, а желая лишь объяснить дѣло, считаю нужнымъ заявить, что въ текущемъ полугодіи я читаю курсъ начальнаго и средняго періода малорусской литературы въ ряду другихъ публичныхъ курсовъ (не только для студентовъ, но и для публики), а университетъ предоставилъ только помѣщеніе и ничѣмъ инымъ не касается моихъ лекцій, равно какъ и лекцій другихъ профессоровъ“.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Къ вопросу о русинскомъ университетѣ. Въ послѣднее время въ культурной галицкой жизни особенный интересъ вызванъ было паново поднявшимся вопросомъ о русинскомъ университетѣ. Дѣло въ томъ, что въ вѣнскомъ парламентѣ такъ легко и гладко про-

шель вопросъ объ открытіи юридическаго факультета въ Ровенето для итальянцевъ (которыхъ въ Австріи только 800 т. душъ), а также, по заявленію министра-президента д-ра Кербера, и дѣло основанія университета для словинцевъ тоже будетъ улажено; чехи-же надѣются на открытіе второго чешскаго университета. Естественно, среди русиновъ опять сталъ на очередь вопросъ объ основаніи своего университета, вопросъ, такъ недавно отложенный правительствомъ подъ предлогомъ, яко-бы, необходимости раньше успокоить студенческія волненія, бывшія во Львовскомъ университетѣ; но теперь оказывается, что необходимость основанія итальянскаго университета мотивируется такими же точно волненіями студентовъ въ Инсбрукѣ. Эти факты вызвали горячую статью въ «Ділі» (№ 45), гдѣ между прочимъ сказано: «Если Вѣна, глухая къ требованіямъ 3¹/₂ миллионнаго народа, и слѣпая, чтобы видѣть государственное значеніе созданія культурнаго центра для Руси-Украины въ предѣлахъ Австріи, смотритъ на насъ какъ на безправныхъ гелотовъ,—то мы рѣшительно заявляемъ о нашихъ незадавленныхъ и законныхъ правахъ на собственный университетъ. Мы убѣждены, что и наши депутаты не замедлятъ поднять этотъ-же вопросъ въ парламентѣ». Пока что, вопросъ поднять еще не въ парламентѣ и не объ открытіи университета, а среди учащейся молодежи Львовскаго университета, и только объ учрежденіи нѣкоторыхъ каедръ на русинскомъ языкѣ.

Недавно въ одной изъ залъ университета состоялось собраніе студентовъ-юристовъ въ присутствіи профессоровъ Колессы, Хлямтача, Студинскаго, Долинскаго и Днѣстрианскаго. Собраніе сдѣлало слѣдующія постановленія:

Академическая русинская молодежь, стремясь къ осуществленію идеала основанія самостоятельнаго русинскаго университета, желаетъ созданія юридическаго отдѣленія съ преподавательскимъ русскимъ языкомъ, а непосредственно теперь замѣщенія тридцать лѣтъ уже вакантной каедры гражданскаго процесса и созданія каедръ политической экономіи, торговаго и вексельнаго права, римскаго права. Молодежь желаетъ также, чтобы министерство организовало экзаменаціонную комиссію съ русинскимъ языкомъ. Кромѣ того, постановлено, на основаніи принятыхъ резолюцій собранія, изготovitъ меморіаль, который долженъ быть внесенъ для обсужденія въ засѣданіе профессоровъ юридическаго

отдѣленія, затѣмъ въ академическій сенатъ, и наконецъ черезъ спеціальную депутацію врученъ министру просвѣщенія.

Вопросъ о русскіхъ каедрѣхъ въ львовскомъ университетѣ стоитъ такъ. Какъ извѣстно, въ 1848 году официальнымъ языкомъ для чтенія лекцій во Львовскомъ университетѣ былъ признанъ нѣмецкій, но уже въ 1862 году изданъ былъ царскій указъ, въ силу котораго устанавливались двѣ каедрѣ русскія—гражданскаго процесса и уголовного права. Сейчасъ-же обѣ эти каедрѣ были замѣщены; но одна изъ нихъ (граждан. процесса) зайята была проф. Лонушанскимъ, который преподавалъ до 1873 года, послѣ чего каедрѣ остается вакантною до настоящаго времени; другая-же (уголовн. права), послѣ перваго профессора на пей д-ра Сроковскаго, долгое время была вакантна, пока въ 1892 году не была вновь замѣщена д-ромъ Стебельскимъ. Царскій указъ 1862 г. былъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что давалъ путь для добыванія своихъ каедръ каждой изъ двухъ національностей Галичины—русинамъ и полякамъ; но русины не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ, тогда какъ поляки, имѣвшіе сначала только одну свою каедрѣ, успѣли къ 1869 году выхлопотать право признанія официальнымъ языкомъ преподаванія польскій языкъ вмѣсто нѣмецкаго. Однако въ 1871 году изданъ былъ опять царскій указъ, который признавалъ оба мѣстные языка (польскій и русскій) равноправными въ университетѣ. Казалось-бы, что существованіе права даетъ гарантію на его осуществленіе, но жизнь галицкая показала противное: польскіе профессора оказываются настолько шовинистами, что употребляютъ все мѣры для недопущенія русинскихъ кандидатовъ къ замѣщенію университетскихъ каедръ.

Чтобы видѣть, насколько основательны желанія русиновъ имѣть свой университетъ, обратимся къ статистикѣ студенческой молодежи въ австрійскихъ университетахъ и увидимъ, что если итальянцамъ, которыхъ считается (по среднимъ даннымъ за 10 семестровъ по 1901 годъ) 488, обѣщанъ самостоятельный университетъ; если словинцы, которыхъ тоже значительно меньше русиновъ (точной цифры мы не знаемъ), могутъ мечтать о своемъ университетѣ,—то естественно, что русины, которыхъ считается 618, не могутъ не добиваться своихъ правъ, особенно во Львовѣ,

гдѣ студентовъ-русиновъ въ университетѣ 528, а въ текущемъ семестрѣ считалось ихъ около 800.

Такъ-какъ вопросъ о русинскомъ университетѣ поставленъ теперь на очереди, то мы, ограничиваясь пока вышеприведенными сообщеніями, познакоимъ нашихъ читателей болѣе подробно съ исторіей этого вопроса въ слѣдующей книжкѣ.

Обструкція русинскихъ пословъ въ вѣнскомъ парламентѣ.

Засѣданія вѣнскаго парламента начались въ эту сессію при полной обструкціи чеховъ, рѣшившихъ этимъ оружіемъ вести борьбу съ своими противниками пѣмцами. Одна изъ наиболѣе рѣзкихъ формъ такой обструкціи—это требованіе поименнаго голосованія, чего имѣютъ право требовать не менѣе 50 голосовъ, слѣдовательно—въ засѣданіи должно присутствовать по крайней мѣрѣ, 50 обструкціонистовъ; какъ только начинается голосованіе, обструкціонисты оставляютъ залу, и если останется меньше 100 голосовъ, то засѣданіе должно прекратиться и вопросъ остается перѣшленнымъ. Къ этой чешской обструкціи раньше всѣхъ присоединились русинскіе послы, которые однако заявили, что они идутъ не противъ пѣмцевъ, а выступаютъ обструкціонистами потому, что положеніе русиновъ въ Галичинѣ исключительное, сдѣлавшееся въ послѣднее время просто невыносимымъ, благодаря полякамъ, руку которыхъ тянетъ центральное правительство. По этой именно причинѣ русинскій клубъ давно уже хотѣлъ взяться за обструкцію, но самостоятельно не могъ этого сдѣлать по слабости своихъ силъ; теперь же, 9-го марта (нов. ст.), рѣшилъ воспользоваться чешской обструкціей и пристать къ ней. Все это сказалъ въ своей рѣчи въ парламентѣ голова русинскаго клуба Романчукъ, который подчеркнул, что русинскіе послы, входя въ парламентъ, искренно желали способствовать правильному его функціонированію, въ надеждѣ, что правительство безпристрастно отнесется къ требованіямъ русинскаго народа; однако надежды пословъ не оправдались, такъ-какъ министръ-президентъ не только не явился защитникомъ русинскихъ интересовъ, но прямо отдалъ русиновъ на съѣденіе ихъ врагамъ-полякамъ. Такое отношеніе правительства къ русинскому народу и заставило пословъ пристать къ обструкціи.

Засѣданія палаты прекратились 28 марта (пов. ст.) до послѣипраздничной сессіи. Трудно думать, чтобы въ дальнѣйшемъ положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему и чтобы обструкція прекратилась.

Письмо проф. В. Ягича Товариству имени Шевченка во Львовѣ. «Товариство имени Шевченка» во Львовѣ избрало въ концѣ прошлаго года извѣстнаго филолога, проф. В. Ягича, своимъ дѣйствительнымъ членомъ. По поводу этого избранія проф. В. Ягичъ послалъ «Товариству» слѣдующее письмо (на сербскомъ языкѣ): «Вѣпа, 2 янв. 1904. Ученое общество имени Шевченка оказало мнѣ честь, избравши меня своимъ членомъ въ филологическую секцію. Благодаря за эту незаслуженную честь, желаю почтенному обществу все большихъ и лучшихъ успѣховъ. Вѣря въ лучшее будущее славянскихъ народовъ, съ удовольствіемъ забѣгаю мыслями въ ту счастливую пору, когда все славянскіе народы безъ боязливой зависти будутъ поддерживать одни другихъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ, и когда въ ихъ ученыхъ трудахъ будутъ звенѣть дивные аккорды взаимнаго признанія и уваженія. Почтеннаго общества покорный слуга В. Ягичъ.

Новое „общество“ во Львовѣ. По поводу девяностой годовщины рожденія Т. Г. Шевченка (25 февр. 1814 г.), по инициативѣ проф. М. Грушевскаго, основалось во Львовѣ «Товариство прыхыльныкивъ украинської литературы, науки и штуки», которое ставитъ своей задачей способствовать развитію этихъ сферъ украинской духовной жизни. Въ достиженіи этой цѣли уставъ новаго общества открываетъ самыя широкіе пути. На первую очередь правленіе общества поставило заняться устройствомъ осенью этого года во Львовѣ выставки произведеній украинскаго искусства и представленій артистическихъ, для чего оно вошло въ сношенія съ выдающимися артистамъ и австрійскойи російской Малороссіи. Предсѣдателемъ общества избранъ проф. М. Грушевскій, товарищемъ предсѣдат. д-ръ И. Франко, секретаремъ—художникъ Трушъ. Въ члены общества избираются лица русинскаго происхожденія, доказавшія свое сочувствіе дѣлу развитія украинской литературы, науки и искусства. Пока всѣхъ членовъ общества 24.

Русинская карта Австро-Венгрии. Въ началѣ этого года появилась въ продажѣ стѣнная карта Австро-Венгрии, составленная для народныхъ школъ А. Зайбертомъ и переведенная на русинскій языкъ Ѳ. Поповичемъ. До сихъ поръ употреблялась въ русинскихъ школахъ только польская карта Густовича; теперь-же, благодаря стараньямъ инспектора Поповича, а также директора русинской гимназіи въ Тернополь О. Калиновскаго, входитъ въ употребленіе эта первая русинская стѣнная карта, которая, при своей величинѣ (1½ метра ширины и болѣе 2 метровъ длины), отличается тѣмъ, что каждая часть Австрійской монархіи парисована особою краской, при чемъ славянскія земли имѣютъ мѣстныя названія, и только главнѣйшія мѣстности имѣютъ и параллельныя нѣмецкія названія.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Збирникъ фольклоричной секціи Наукового Тов. имени Шевченка. Т. VI. Посмертні писання Мытрофана Дикарева въ поля фольклору й митологій. Львѣв. 1903; стр. 1—VII; 1—258.

14 ноября 1899 г. скончался трудолюбивый и талантливый этнографъ и фольклористъ М. К. Дикаревъ, сотрудничавшій и въ нашемъ журналѣ (см. его статью о малорус. словѣ *паляныця* въ № 10-мъ 1899 г.). Состоя дѣйствит. членомъ Наукового Товарищества имени Шевченка во Львовѣ, покойный М. К. Дикаревъ, передъ смертю завѣщалъ всѣ свои рукописныя работы и матеріалы этому ученому обществу, которое, получивъ рукописи, сейчасъ-же приступило къ разборкѣ ихъ, для того чтобы опредѣлить, что изъ этого всего матеріала можетъ быть издано, какъ имѣющее болѣе или менѣе законченный видъ и представляющее научную цѣнность. Всѣ рукописи, разсмотрѣнныя, по порученію «Общества», д-ромъ Иваномъ Франкомъ, раздѣлены имъ на три группы: 1) матеріалы для украинскаго словаря (около 8 т. карточекъ); 2) работы по фольклору и митологій; 3) работы въ области лингвистики. Матеріалы для словаря, какъ не имѣющіе цѣльности, Общество рѣшило хранить въ своей библіотекѣ для пользованія всѣхъ интересующихся подобными матеріалами; работы по лингвистикѣ поручены одному изъ спеціалистовъ филологовъ для разсмотрѣнія и, по возможности, изданія. Что-же касается работъ по фольклору и митологій, то большая часть изъ нихъ была уже напечатана при жизни покойнаго, а изъ остальной части то, что

имѣть большую цѣнность. издано теперь въ особомъ томѣ, разсматриваемомъ нами.

Томъ этотъ редактированъ д-ромъ И. Франкомъ, который снабдилъ его небольшимъ предисловіемъ, прекрасно характеризующимъ личность покойнаго М. К. Дикарева, какъ человѣка, не только не прошедшаго никакой строго научной школы, но даже не окончившаго оффиціальной средней школы, и не смотря на то, путемъ личнаго труда и самообразования, сумѣвшаго заявить себя въ области специальныхъ изученій ученымъ изслѣдователемъ съ громадной начитанностью и съ очень широкими горизонтами. При всемъ томъ, какъ у всякаго самоучки, у М. К. Дикарева очень часто въ его работахъ проглядываетъ отсутствіе систематичности, а главное—увлеченіе заманчивыми выводами, для которыхъ иногда бываетъ слишкомъ мало научныхъ основаній. Въ разсматриваемый нами теперь сборникъ статей М. К. Дикарева вошли слѣдующія работы: 1) Знадобы до украинської народної ботаники; 2) Де-що про вербу яко символъ въ українській пісні; 3) Кого треба розумити підъ Рахманами и идентичными имъ русалками; 4) Великий богъ Мыкола; 5) Мытольогични уривки; 6) Пояснення до колядокъ; 7) Уривки зъ греко-славянської митології.

Знадобы до украинської народної ботаники есть не что иное, какъ въ алфавитномъ порядкѣ расположенный перечень болѣе употребительныхъ въ народной поэзіи растений съ указаніемъ ихъ символическаго значенія, въ подтвержденіе чего даются выдержки преимущественно изъ иѣсенъ и пословиць. Нельзя признать эту работу полной, такъ-какъ далеко не весь словарь растений, упоминаемыхъ въ поэзіи, исчерпанъ, а главное—иѣсенный матеріалъ взятъ почти исключительно изъ «Трудовъ» подъ редакц. П. Чубинскаго. Благодаря небольшому объему этнографич. матеріала, толкованія символики въ иныхъ случаяхъ намъ кажутся послѣдними; такъ напр: «народня этимологія виводить слово *огирокъ* видъ слова *иркый* и звязуе его зъ *горемъ*. Хочъ кавунъ, хочъ огирки бачить ви сні, кажуть—не хорошо: горе буде». Здѣсь рѣшительно не при чемъ слово *огирокъ* съ его звуковыми согласіемъ съ корнемъ *горе*—*иркый*, т. к. во всѣхъ народныхъ сонникахъ *плоды во сні* (а не только огурецъ) означаютъ *несчастіе*.

Де-що про вербу. яко символъ въ украинській тици. Эта небольшая статейка имѣеть цѣлью сдѣлать поправки, какъ думаетъ авторъ, къ извѣстному изслѣдованію А. Потебни «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ», въ которомъ дается толкованіе *вербу*, какъ символѣ *дивчины*, въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ, по мнѣнію М. К. Дикарева, верба означаетъ не дѣвушку, а замужнюю женщину и даже символизуеть собою *родъ*. Нужно признаться, что какъ во многихъ толкованіяхъ символовъ у А. А. Потебни, по нашему крайнему разумѣнію, встрѣчаются часто большія натяжки, такъ не избѣжалъ ихъ въ данномъ случаѣ и М. Дикаревъ, а иногда пошелъ еще и дальше.

Кого треба розумити тидь Рахманамы и идентичнымы имъ русалкы. Это есть мало-удачная проба объяснить намеки въ народныхъ повѣрьяхъ на какихъ-то Рахмановъ не миѳологическими представленіями о русалкахъ, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, а *Орхоменами*, жителями древнеаркадскаго города Орхомена, находившагося въ восточной Аркадіи. Здѣсь у автора столько безбрежной фантазій, что не считаемъ пужнымъ даже останавливаться на подробностяхъ его размышленій.

• Самую обширную изъ статей является опытъ изслѣдованія о миѳологическихъ народныхъ воззрѣніяхъ, связанныхъ съ *богомъ Мыколою*. Статья эта, озаглавленная «*Велькый богъ Мыкола*», первой главой своей вводитъ читателя въ кругъ народныхъ разсказовъ о наказаніи танцоровъ и музыкантовъ за оскорбленіе образа, по преимуществу св. Николая. Разказы эти возникли, главнымъ образомъ, въ 1895 году и сводились приблизительно къ слѣдующему: въ одной, будто-бы, станицѣ былъ вечеръ съ танцами; одной изъ танцующихъ не хватило пары, и она шутя взяла образъ св. Николая и начала съ нимъ танцовать. Въ наказаніе за это она никакъ не можетъ перестать танцовать и до сихъ поръ танцуетъ. Разныя варьяціи на тему этого разказа приведены М. К. Дикаревымъ, какъ слышанныя имъ отъ нѣсколькихъ лицъ (всѣхъ 8 варьянтовъ). Приведа эти разказы, авторъ обѣщаетъ дать разборъ отдѣльныхъ мотивовъ въ нихъ; но на этомъ и кончается собственно тема о св. Николаѣ. Дѣло въ томъ, что, руководясь методомъ фольклора, методомъ сопоставленій и сближеній, авторъ во второй главѣ занялся разсмотрѣніемъ того, въ какомъ значеніи народомъ употребляется слово *богъ*, т. к. въ одномъ изъ

варьянтовъ приведеннаго разсказа народъ назвалъ *Мыколу Богомъ*. Послѣ этого остальные четыре главы, составляющія главную часть изслѣдованія, почти совсѣмъ не касаются ни темы приведенныхъ разсказовъ, ни даже самого Мыколы, а устанавливаютъ тѣ языческія основы, на которыхъ возникаютъ образы божествъ.—Тутъ мы найдетъ и разъясненіе народныхъ воззрѣній на *добру и лъху годыту*, и толкованіе образа чорта, и характеръ нашенстваній, и о связи неба съ землею и пр. и пр. Много очень цѣпныхъ и интересныхъ замѣтокъ встрѣтитъ тутъ читатель, но, благодаря путаницѣ, скажемъ просто—благодаря *отсутствію метода* у автора, поневолѣ читатель будетъ блудить какъ въ лѣсу, временами даже забывая, о чемъ онъ читаетъ, и только заглавіе каждой новой главы будетъ ему напоминать о *Богѣ Мыколѣ*. Редактировавшій этотъ томъ д-ръ И. Франко пашель среди бумагъ покойнаго Дикарева одну тетрадку подъ заглавіемъ «Толки народа», въ которой, очевидно, первоначально набрасывались матеріалы для статьи о *богѣ Мыколѣ*. Тутъ между прочимъ нашлись нѣкоторые отрывки, не вошедшіе въ статью, и д-ръ Франко составилъ изъ нихъ добавочную главу къ разсматриваемому нами изслѣдованію Дикарева. Глава эта, какъ и всякій этнографическій матеріалъ, представляетъ цѣпность сама по себѣ, и ею читатель можетъ воспользоваться для своихъ личныхъ работъ въ области изученія народныхъ міровоззрѣній.

Митологични прывкы. Сущность этой статьи—въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ греческихъ божествъ для сопоставленія ихъ съ однородными божествами славянскими. Такъ, Зевесъ, какъ богъ неба и податель дожди, можетъ быть сопоставленъ съ Ильей, Сварогомъ, Михаиломъ, Святовитомъ. И здѣсь, какъ и въ прежнихъ статьяхъ, наиболѣе цѣпны тѣ мѣста, гдѣ авторъ приводитъ разныя народныя повѣрья, въ томъ числѣ и наши украинскія.

Поясненія до колядокъ. Тутъ мы находимъ одинъ только сохранившійся отрывокъ изъ какой-то обширной статьи покойнаго Дикарева, какъ свидѣтельствуеъ д-ръ Франко. Въ отрывкѣ этомъ, подъ заглавіемъ «Чудесна рика въ дворѣ господаря», разсматриваются тѣ колядки, которыя А. Н. Веселовскій, увлеченный «углубленіемъ въ христіанскіе источники и самозарожденіемъ христіанской миеологіи», или совсѣмъ игнорируетъ, или считаетъ ихъ побочными, не отвѣчающими термину «колядка». М. Дикаревъ,

исходя изъ того положенія, что колядка языческаго происхожденія, хотеть дать такое-же объясненіе тѣмъ колядкамъ, въ которыхъ упоминается Дунай-рѣка, озеро, ставъ, видя во всемъ этомъ символизацию на основахъ міоа. Къ сожалѣнію, и тутъ все изложеніе такъ-же неясно, какъ и въ другихъ его статьяхъ.

Послѣднею статьею въ данномъ томѣ является «*Уривки съ грекославянської митології*». Статья эта, повторяя ту же мысль автора, которая сказывается во всѣхъ его работахъ, а именно—что славянская міеологія ведетъ свое начало отъ греческой, посвящена доказательству греческаго происхожденія цѣлаго рода именъ такихъ, какъ Святovitъ, Ярило, Илья, Соловей-разбойникъ.

Обзоръ всего этого тома, заключающаго въ себѣ посмертныя статьи М. К. Дикарева, позволяетъ намъ сдѣлать выводъ, что, при богатствѣ средствъ у какого-нибудь ученаго общества, можно допустить такую роскошь, какъ разсмотрѣнное нами изданіе, въ которомъ, среди хаоса, можно найти кое-что небезынтересное для науки; но кажется, что «Товариство имени Шевченка», не имѣя особенныхъ матеріальныхъ благъ, могло-бъ затраченныя на данное изданіе деньги употребить болѣе продуктивно.

В. Н—ко.

Гр. Павленко-Павлусь. Свитла зоря. Харьковъ. 1903 г. Цѣна 20 коп. Стр. 64.

Передъ нами, очевидно, сборникъ литературныхъ упражненій одного изъ столь многочисленныхъ въ украинской литературѣ поэтовъ самородковъ.

Камни самородки не рѣдко встрѣчаются довольно значительныхъ размѣровъ и имѣютъ большую цѣну. Къ сожалѣнію, среди поэтовъ самородковъ, покрайней мѣрѣ украинскихъ, почти не встрѣчается людей хоть сколько нибудь способныхъ, произведенія которыхъ имѣли-бы хоть какую нибудь цѣну. Въ большинствѣ это—люди съ крайне развитымъ и болѣзненно обостреннымъ самолюбіемъ, несчастные графоманы, которыхъ никакимъ образомъ не убѣдишь въ ничтожествѣ ихъ произведеній и въ отсутствіи у нихъ какого бы то ни было таланта. Не прочитавши на своемъ

вѣку почти ни одной порядочной книжки, не имѣя ни малѣйшаго понятія о литературной технику, часто даже не умѣя писать (не говоримъ о грамотности письма),—эти несчастные мученики своей болѣзненной страсти вдругъ воображаютъ себя писателями, поэтами и... съ поразительною самоувѣренностью пишутъ, пишутъ и все для... самихъ себя. Въ подобныхъ произведеніяхъ не ищите ни содержанія, ни красивой формы. Зато—сколько въ нихъ апломба!... Одни изъ самородковъ рабски копируютъ и безсознательно искажаютъ произведенія тѣхъ писателей, (обыкновенно Шевченка), произведенія которыхъ имѣли несчастье попасть имъ въ руки. Другіе, нисколько не затрудняясь выборомъ темъ, пишутъ обо всемъ, что увидятъ или услышатъ, подобно тѣмъ армянскимъ пѣвцамъ, которые, дерево увидѣвъ, о деревѣ поетъ.—собаку видятъ, о собакѣ затянуть.

Г. Павленко-Павлусъ, принадлежитъ къ разряду самородковъ перваго рода. Его соблазнили лавры Шевченка и... Раевского. Уже одно увлеченіе, на ряду съ геніальными твореніями Шевченка, пошлыми, безсодержательными анекдотами Раевского и сближеніе этихъ двухъ несоизмѣримыхъ литературныхъ величинъ достаточно рекомендуютъ литературный вкусъ г. Павленка и предвѣщаютъ, что могъ онъ сдѣлать съ произведеніями Шевченка.

Взявши сюжетъ изъ «Катерины» и даже позаимствовавши нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ изъ нея (стр. 19, 25...), г. Павленко написалъ безграмотную во всѣхъ отношеніяхъ поэму «Дивоча доля», въ которой оплакиваетъ долю Галины, обманутой Яшей. Чтобы составить понятіе о томъ, какъ пишетъ г. Павленко, выпишемъ на удачу нѣсколько перловъ изъ его поэмы:

«Щыра любовь *не бракуе* (sic!)

Ажъ ничимъ сердцемъ...» (4 стр.).

«И на іи (Галины) *уродоньку*,

Уся челядь селяпская,

Пыльно-пыльно зальцялась (sic!) (5 стр.).

Кромѣ совершеннаго незнакомства съ правилами и приемами стихосложенія и отсутствія всякаго дарованія, г. Павленко еще очень слабо знаетъ и языкъ, украинскій, что отчасти уже видно и изъ выше приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ можно увеличить, сколько угодно.

Вторую часть книжки составляют «Куплеты съ разсказами». Но о нихъ лучше совсѣмъ не говорить. Темою ихъ служить все тотъ же глупый, безтолковый «хахоль», что и у Раевского. Только остроумія и здороваго юмора въ нихъ еще гораздо меньше.

Какъ видитъ читатель, литературныя достоинства твореній г. Павленка очень сомнительнаго качества. Несмотря на это, нашъ авторъ очень много ожидаетъ отъ своей убоженькой книжечки. Вотъ что съ рѣдкимъ апломбомъ пишетъ онъ въ предисловіи къ ней:

«Гей сюды увесь мыръ хрещеный:
И велькый и малый,
И безграмотный и вчений,
И выдющый и слиный...».

Очевидно, г. Павленко надѣется, что весь этотъ столь обширный кругъ читателей найдетъ въ его книжкѣ что либо для себя интересное. Потому, вѣроятно, и назвалъ её громкимъ, красивымъ, но совершенно неотвѣчающимъ содержанію, заглавіемъ—«Свитла зоря..». Имѣя въ виду широкій кругъ читателей, г. Павленко издалъ свою книгу очень изычно, чтобы угодить интеллигентнымъ и болѣе состоятельнымъ читателямъ, и очень дешево, чтобы она была по карману крестьянамъ.

Думаемъ, однако, что всѣ эти усилія автора напрасны и что его книжечка не пойдетъ въ широкую публику. Отъ души желаемъ «Свитлой зорѣ» какъ можно дольше остаться въ рукахъ автора и издателя....

В. Мировець.

Виленскій времяникъ. Изданіе Виленскаго генераль-губернаторскаго управленія. Книга I. Профессоръ Е. О. Карскій. Вѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности.

Вильна. 1904. Стр. I—X, 1—466.

Въ этомъ «введеніи» къ изученію бѣлорусскаго языка опредѣлена территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ, на двухъ приложенныхъ картахъ указало распространеніе шести говоровъ, на какія по изслѣдованіямъ автора подраздѣляется бѣлорусскій

языкъ; затѣмъ въ отдѣльныхъ главахъ даны характеристика страны, занимаемой бѣлоруссами, исторія со времени неолитической эпохи, какъ народа, такъ и языка, и наконецъ историческіе очерки изученія живого бѣлорусскаго языка и народной поэзіи, памятниковъ стараго западно-русскаго языка и пепародныхъ, т. е. искусственныхъ литературныхъ произведеній бѣлоруссовъ. Полнота историческихъ, лингвистическихъ, географическихъ, библиографическихъ очерковъ указываетъ, что авторъ смотритъ на свое «введеніе», какъ на энциклопедію для желающихъ ознакомиться съ литературою и языкомъ бѣлорусскимъ. Для специалистовъ лингвистовъ книга профессора Карскаго даетъ много матеріала какъ въ перечисленіи словъ, заимствованныхъ бѣлоруссами отъ другихъ народовъ, такъ и въ примѣтахъ фонетическихъ и морфологическихъ, по какимъ онъ отличаетъ одинъ говоръ отъ другого. Для говоровъ, пограничныхъ между областями малорусскаго и бѣлорусскаго языковъ, вѣроятно, найдутся возраженія, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ обозначены малорусскими на картѣ г. Михальчука и бѣлорусскими на картѣ г. Карскаго.

Искусственная литература пинѣшняго бѣлорусскаго языка представляетъ много интереснаго по сходству направленій, ея пережитыхъ, съ направлениемъ русской и малорусской литературы. Возникновеніе ея г. Карскій относитъ къ девяностымъ годамъ XVIII столѣтія, когда появилась въ рукописи «Энеида» Матьковскаго; а другая «Энеида» составлена была вѣроятно около того же времени, при чемъ относительно ея черезъ 100 лѣтъ въ «Смоленскомъ вѣстникѣ» говорили, что она была переложена съ малороссійскаго «на смоленскій крестьянскій языкъ». Матьковскаго «Энеида» пачинается такъ:

Яней дзяцюкъ вить быу хупавый
 Парнюкъ пявуошта украсіу
 И пакъ удауся нелукавый:
 Даступенъ, весель не спясіу.
 А Греки вайну парабилі,
 Якъ ляда, Трою такъ спалилі.
 Кашель схапіуши на уцѣкъ
 И такъ зробивши ёнъ чаупокъ,
 Трапяцамі яго набіу
 И у моря сіняе пусціу.

Переводъ Ровинскаго нѣсколько отличается.

Живъ-бывъ Яней, дзяцокъ хупавый
Паршокъ ни-вошто украсивъ....

но, какъ видно и изъ приведенныхъ строкъ, очень близокъ къ тексту Мальковскаго. Поэтому трудно рѣшить, кто изъ этихъ двухъ лицъ былъ дѣйствительнымъ авторомъ бѣлорусской «Эпиды».

Отсылая интересующихся предметомъ къ самой книгѣ г. Карскаго, замѣтимъ еще, что авторомъ ея задумашъ большой трудъ по фонетикѣ, морфологiи и синтаксису бѣлорусскаго нарѣчiя, и явившуюся въ печати книгу онъ считаетъ какъ-бы первымъ томомъ этого большого труда, появленiе котораго въ свѣтъ очень желательно.

Обзоръ журналовъ.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историч. Вѣстн., № 3; 4) Всемирный Вѣст., № 2; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 3; 6) Миръ Божій, № 3; 7) Русскій Вѣстникъ, № 3; 8) Вѣстн. Европы, № 3; 9) Русское Богатство, № 1—3; 10) Кіевск. Унив. Изв., № 1—3; 11) Труды Кіев. Дух. Акад., № 3; 12) Учен. Запис. Импер. Газан. Унив., № 3; 13) Книжки Восхода, № 2 и 3; 14) Земск. Сборн. Черниг. губ., № 1. 15) Литер.-Науков. Вистникъ, № 2 и 3.

Русскій Архивъ, № 3.

Письма І. М. Бодянскаго къ А. Н. Погову (стр. 443—448). Всего помѣщено 8 писемъ, начиная съ 1837 года по 1852 г. Изъ нихъ для насъ имѣеть интересъ 5-ое письмо (1846 г.), гдѣ идетъ рѣчь о печатанiи знаменитой «Исторiи Руссовъ» въ трудахъ Московскаго Историческаго Общества.

Грамота царя Алексѣя Михайловича Кіевскому воеводѣ боярину Василю Борисовичу Шереметеву 1659 г. Сообц. гр. С. Д. Шереметевымъ (стр. 521—522). Грамота дана по поводу побѣды, одержанной В. Б. Шереметевымъ надъ Даниломъ Выговскимъ, когда послѣдній подступилъ къ Кіеву въ 1659 г.

Русская Старина, № 3.

Проф. Е. Бобровъ. Эпизодъ изъ жизни Н. И. Костомарова (стр. 603—614). Здѣсь разсказана, по документамъ архива Казанскаго университета, одна страничка изъ жизни нашего историка, когда онъ въ 1857 году хотѣлъ получить кафедру русскихъ древностей въ Казанскомъ университетѣ, что, послѣ долгихъ проволочекъ въ министерствѣ, не состоялось, но по какимъ мотивамъ—изъ дѣлъ опредѣленно не видно.

Историч. Вѣсти., № 3.

Въ отд. „Критика и библиографія“ помѣщенъ краткій обзоръ «издавій Краковской Академіи Наукъ по исторіи и древностямъ», а въ частности 46-го тома по отдѣлу историко-философскому (Rozprawy, Kraków, 1903). Здѣсь-же указываются мелькомъ и такіе капитальные труды, какъ А. Яблоновскаго «Польна XVI вѣка», гдѣ находится описаніе земель русскихъ и Червонной Руси, а также только-что вышедшее въ Варшавѣ сочиненіе проф. А. Брикнера „Starożytna Litwa“ (ств. 1119—1121).

Въ отд. «Смѣсь» находимъ замѣтку «Кобзаріи и лїрики», составленную на основаніи статьи В. Н. Доманицкаго въ «Памятной книжкѣ кievской губ. за 1904 годъ», (стр. 1183).

Журн. Мин. Нар. Пров., № 3.

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» помѣщена прекрасная статья профессора Львовскаго университета М. Грушевскаго о Львовскомъ ученомъ обществѣ имени Шевченка и о его вкладахъ въ изученіе Южной Руси. (стр. 117—148). Здѣсь кратко разсказана исторія Шевченковскаго Общества во Львовѣ за тридцать лѣтъ его существованія, но особенно обстоятельно изложена дѣятельность этого общества за послѣдніи десять лѣтъ, когда оно преобразовалось въ учебное общество, приближающееся по характеру своей дѣятельности къ академіямъ наукъ. Проф. М. Грушевскій знакомитъ въ данной статьѣ съ тѣми научными изслѣдованіями, какія были напечатаны въ эти десять лѣтъ въ разныхъ изданіяхъ «Общества имени Шевченка».

Русскій Вѣстникъ, № 3.

Л. Николаевъ. Послѣднія событія въ Галичинѣ (стр. 159—178).

Разсказавъ кратко исторію того, какъ народоваѣ партія въ Галичинѣ, приставши въ 1890 году къ „угодѣ“ съ полягами, почти сейчасъ-же и разорвала связь съ ними, авторъ статьи знакомить съ тѣмъ обостреннымъ моментомъ борьбы, какой замѣчается въ послѣднее время, и пересказываетъ извѣстныя уже читателямъ „Кіевской Старины“ факты изъ движеній русинскихъ студентовъ Львовскаго университета, фактъ объ отказѣ открыть Станиславовскую русинскую гимназію, фактъ о выходѣ русинскихъ пословъ изъ сейма.

Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 1.

Кромѣ специальныхъ статей, имѣющихъ мѣстный интерес, какъ-то: Б. Полюнова «Работы по изслѣдованію почвъ остерскаго уѣзда», И. Л.—ко «Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго Банка въ черниг. губ. въ 1901 г.»,—продолжается печатаніе труда подъ редакціей Н. Ш. Васпленка «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 гг.».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ „Полт. Вѣстн.“ (№ 348) напечатанъ 3-й очеркъ О. Левицкаго подъ общимъ заглавіемъ „Изъ давно минувшей жизни Полтавщины“. Очеркъ этотъ носитъ частное заглавіе „Орельскій пустынножитель“ и передаетъ разсказъ о случаѣ встрѣчи четырехъ козаковъ-уходниковъ въ 1620 году съ благочестивымъ старцемъ-пустынникомъ. Случай этотъ разсказанъ въ собственноручныхъ запискахъ митр. Петра Могилы.

Въ Русскомъ Богатствѣ № 3 напечатанъ переводъ съ украинскаго очеркъ нашего талантливаго беллетриста Михаила Коцюбинскаго „На камнѣ“.

Для пользованія русиновъ въ Америкѣ отпечатаны двѣ книжки: 1) „Руско-англійскій Провидникъ“—цѣна 50 америк. центовъ; 2) „Руско-англійскій Словарець“—цѣна 20 америк. центовъ.

Въ газ. „Діло“ (№ 53—55) напечатана статья д-ра Ивана Франка подъ заглавіемъ „Шевченко—ляхамъ“. Это—рефератъ, читанный имъ на вечерѣ во Львовѣ въ 43-ю годовщину смерти Шевченка. Сущность реферата сведена была къ комментированію извѣстнаго стихотворенія Т. Г. Шевченка „Ляхамъ“.

Въ книжкѣ „Кіевской Стар.“ за февраль перепечатана изъ „Вѣстника Юга“ замѣтка о новой украинской пьесѣ—передѣлкѣ Гауптмановскаго „Геншеля“. Въ замѣтку эту вкралась ошибка, которая за приостановленіемъ газеты осталась неисправленной; передѣлка г-жи Левштонъ называется не „Чужа жинка“—названіе извѣстнаго разсказа Петра Шелеста (см. Л.-Н. Вѣстникъ 1901 г. кн. XI)—а „Друа жинка“.

СПИСОКЪ Вновь ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ.

Le Baron de Baye. En Petite Russie. Souvenirs d'une Mission. Paris. Librairie Nilson. 1903.

Бордулякъ Тьмофій. Оповідання зъ галицького життя. № 10 „Української бібліотеки“. У Кьиві, 1904. стр. 1—419, in 8°. Ц. 75 к. п 1 р. 25 к.

Бордулякъ Т. Бідный жыдокъ Ратыця. Оповідання. № 36. К., 1903. Ц. 5 коп.

Гринченко Б. Безъ хліба. Оповідання. № 34. Кьивь, 1903. Ц. 3 коп.

Гринченко Б. Хата. Оповідання. № 35. Кьивь, 1903. Ц. 4 к.
„Дума“. Сольо тенорове въ супроводі фортепяна. Слова Т. Шевченка. Музыка М. Лисенка. Ц. 1 кор. Черемшль, 1903. Виданне „Видавництва музичного станиславівського Бояна“, ч. 15.

Про сыритъ. Збирнычокъ для дитей. Упорядкувавъ Гнатъ Галайда. Выдано Вс. И. Гуртомъ (№ 14). Харьковъ, 1903, 1—64, in 8°. Ц. 4, 10 и 50 коп.

Тоюбочный И. Борци за мрін. Драма. Выдано Вс. И. Гуртомъ, № 13. Харьковъ, 1903. Ц. 10 и 50 коп.

Якъ треба и якъ не треба. Видано Вс. И. Гуртомъ. № 12. Харьковъ. 1903. Ц. 4 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОШЫ“

КНИГА 3-я.—МАРТЪ, 1904.

1. —*Церковная школа въ Англии.*—С. Р.—II.—*Братья.*—Повѣсть.—XII—XVII.—П. Д. **Воборыкина.**—„Новый Градъ“ *Блаженнаго Августина.*—I—IX.—В. И. **Герье.**—IV.—*Уральскіе этюды.*—I. Поздней осенью.—II. Лѣтней ночью.—**Григ. Вѣлорѣцкаго.**—V.—Н. А. **Некрасовъ.**—Обзоръ его литературной дѣятельности.—I.—А. Н. **Пыпина.**—VI.—*Городъ и деревня.*—Разсказъ изъ современнаго жителя-бытья.—Часть первая.—I—XX.—М. А—нова.—VII.—I. Л. *Руберъ и его поэзія.*—Памяти финскаго поэта, по поводу совершившагося столѣтія со дня его рожденія: 1804—1877 г.—I. Э. **Мандельштамъ.**—XIII.—„*Союзъ душъ.*“.—„*Souls.*“ A. Comedy of intentions, by „*Rita.*“.—XXI—XXXII.—Окончаніе. Съ англ. **З. В.**—IX.—*Стихотвореніе.* Изъ Франсуа Копие—I. Сирень.—II. Весной на могилѣ.—Н. В. **Хвостова.**—X.—*Хроника.*—Круговая порука и отмѣна ся.—**Ө. Ө. Воропонова**—XI.—*Внутреннее обозрѣніе.*—Война и гражданская жизнь. Вопросъ о мелкой земской единицѣ и о земскомъ представительствѣ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.—Личныя перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи.—Земская школа и г. Spectator.—Циркуляръ министра юстиціи и рѣшеніе сената.—Статистическія данныя о репрессіи присяжныхъ засѣдателей.—XII.—*Иностранное обозрѣніе.*—Война на Дальнемъ Востокѣ.—Правительственныя сообщенія и официальные акты по поводу русско-японской войны.—Возможныя дипломатическія погрѣшности.—Вопросы о нарушеніяхъ международнаго права.—Нейтральныя державы и общее политическое положеніе.—XIII.—*Литературное обозрѣніе.*—I. Религіозные отщепенцы, А. С. Пругавина.—А. П.—II.—Философія и ея общія задачи, Н. Л. Грота.—III. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи Н. М. Соколова.—IV. „*Ubi et Orbi.*“; Вал. Брюсова.—**Евг. Л.**—V. Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими за 1901 г.—VI. А. Веберъ, Ростъ

городовъ; Э. Вандервельде, Бѣгство изъ деревни.—**В. В.**—VII. Государственный строй и политическія партіи въ зап. Европѣ и Америкѣ.—VIII.—Вопросы мѣстнаго управленія, В. Гессена. — IX.—Ив. Страховскій, Крестьянскія права и учрежденія.—**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры.—XIV.—*Новости иностранной литературы.*—I. Jules Renard, Comédies.—II. G. Freiherr v. Ompteda, „Nerven“. Novellen.—**З. В.**—XV.—*Изъ общественной хроники.*—Общественныя настроенія во время двухъ послѣднихъ войнъ и въ началѣ войны съ Японіею.—Печальные диссонансы и легкомысленное обращеніе съ исторіей.—„Просвѣтительная“ дѣятельность земства.—Соперничество между школами.—Н. К. Михайловскій, Б. Н. Чичеринъ, П. С. Ванновскій †.—Postscriptum. — XVI.—*Извѣщеніе.*—Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсалыхъ и неусиѣвающихъ дѣтей.—XVII. *Библиографическій листокъ.*—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. XVIII.—Мушкетовъ, И. В., Физическая геологія, т. II, вып. 1.—Русскій біографическій словарь.—Лукрецій Каръ, „О природѣ вещей“, перев. И. Рачинскаго.—Основныя начала финансовою науки, И. Янжула.—Американская школа, Екат. Янжуль.—XVIII.—*Объявленія.*—I-IV; I-XII

ПОДПИСКА НА 1904-й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгода: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ*. Спб., Галерная, 20.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Вышла мартовская (третья) книга.

Содержаніе: I) Разладъ. (Повѣсть). *П. Д. Боборыкина*. Прод. II) Іеста Берлингъ. *Сельмы Рагерлефъ*. Перев. со швед. *М. П. Благотѣщенской*. Прод. III) Ночь на Волгѣ. (Рассказъ). *Ив. Порошина*. IV) Стихотвореніе.—*Вл. Ладыженскаго*. V) Милліонщикъ. (Рассказъ).—*Павла Пчелина*. V) Недошедшія письма. Пер. съ нѣм.—*Н. К. Оконч.* VII) Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX в.в.—*М. В. Довнаръ-Запольскаго*. XIII) Помѣщики о грамотности крестьянъ.—*Д. И. Успенскаго*. IX) Историкъ-юмористъ.—*Утинъ*. X) Государство, церковь и школа въ Франціи.—*Л. Борисовича*. Оконч. XI) Мелкій кредитъ въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—*М. Я. Герцештейна*. Оконч. XIII) Поѣздка на могилу Т. Г. Шевченка.—*Ив. Бѣлюсова*. XIII) Двѣ судебныя рѣши. *А. Р. Ледницкаго*. XIV) Дешевыя общедоступныя книги.—*Н. М. XV) Н. К. Михайловскій*. (Центральный пунктъ его міровозрѣнія).—*Иванова-Разумника*. XVI) Журнальное обозрѣніе. XVI) Внутреннее обозрѣніе. XVIII) Иностранное обозрѣніе *В. А. Г.* XIX) Библиографическій отдѣлъ. XX) Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизевеитеръ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ:

Подп. цѣна съ дост. п	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октябріи по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ к-ру или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго нумера съ перес. 1 р. 30 к. книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полного годового экз. Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Ваганьковскій пер. д. Куманина. Въ Петербургѣ, въ книжн. маг. Н. П. Карбасникова. Въ Кіевѣ, въ книжн. маг. Н. Я. Оглоблина.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

СОДЕРЖАНІЕ.

О т д ѣ л ь I.

I. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ИВАНЪ ЧАРНЫШЪ И ЕГО РОДЪ. (Окончаніе). <i>В. Модзалевскаго</i>	193—230
II. ЧУДНЫЙ. (Оповиданія). <i>Днипровои Чайки</i>	231—263
III. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Продолженіе). <i>В. Милорадовича</i>	264—304
IV. НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ. (Замѣтки читателя). <i>С. Ефремова</i>	305—338
V. УКРАИНСЬКИ ЗАПЫСИ ПОРФИРІЯ МАРТИНОВИЧА. (Продолженіе)	339—399
VI. М. П. СТАРИЦКІЙ. (Памяти товарища). <i>О. Пчилки</i>	400—449

О т д ѣ л ь II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо митрополита кievскаго Варлаама Ясинскаго къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ; б) Къ исторіи оспoprиваиія въ Малороссіи. Сообщ. <i>II. Я. Литвинова</i> ; в) Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ концѣ XVIII в. Сообщ. <i>В. Д-скій</i> ; г) О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; д) Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Θεодосіа Углицкаго. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; е) Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1800—1802 г.) Сообщ. прот. <i>Петръ Орловскій</i> ; ж) На юбилейный даръ Н. В. Лисенку	69—78
II. БИБЛЮГРАФІЯ: а) М. Комаровъ.—Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библиографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. <i>В. Д.</i> ; б) I. Д. Кулида.—Збирникъ творивъ. I книга; 2. А. З.—Молоди порывання; 3. Федей Подолякъ.—Осинни квитки. <i>С. Ефремовъ</i> ; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	79—104
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ М. П. Старицкаго († 14 апр. 1904 р.).	